

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УФИМСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

ОБЩЕСТВО, ПРАВО, ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ: РЕТРОСПЕКТИВА И ПЕРСПЕКТИВА

№ 3 (19)

SOCIETIES, LAW, STATEHOOD: RETROSPECTIVE AND PERSPECTIVE

Издание включено в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, по научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

The journal is included into the list of the reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in which the main results of theses for the degrees of Doctors and Candidates of Sciences must be published, in scientific specialty 5.1.4. Criminal Law Sciences (Juridical Sciences) should be published.

12+

© Уфимский юридический институт МВД России
ISSN 2949-0979

Уфа – 2024

Об издании – [2](#), [5](#)

Главный редактор:

Терехов Алексей Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Уфимского юридического института МВД России (по научной работе).

Заместитель главного редактора:

Исаев Андрей Анатольевич – кандидат философских наук, доцент, Заслуженный работник образования Республики Башкортостан, начальник кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Члены редакционной коллегии:

Безлепкина Ольга Вячеславовна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института МВД России.

Бельский Виталий Юрьевич – доктор философских наук, профессор, Почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры философии Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Бондаренко Юлия Викторовна – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России.

Бурханова Флюра Булатовна – доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Грачев Николай Иванович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России.

Григорьев Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, Почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Гусманов Искандер Узбекович – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры «Финансы и кредит» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Уфимский филиал).

Гусманов Расул Узбекович – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и менеджмента Башкирского государственного аграрного университета.

Даллакян Карлен Ашотович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Денисова Любовь Владиленовна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления МВД России.

Десятов Михаил Сергеевич – доктор юридических наук, доцент, первый заместитель начальника Омской академии МВД России (по учебной работе).

Дивасва Ирина Рафаэловна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Дизер Олег Александрович – доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина (по научной работе).

Емелин Сергей Михайлович – доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, действительный член Академии военных наук Российской Федерации, директор Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук.

Ендольцева Алла Васильевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Зайцев Олег Александрович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Иванов Дмитрий Александрович – доктор юридических наук, профессор, Почетный сотрудник МВД России, начальник кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Иванов Петр Иванович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, главный научный сотрудник науч-

но-исследовательского центра Академии управления МВД России.

Ильяшенко Алексей Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани, профессор кафедры уголовного права Кубанского государственного университета.

Каримова Гульназ Юрисовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Колесников Валерий Александрович – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Колин Константин Константинович – доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник Института проблем информатики Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» Российской академии наук.

Кубякин Евгений Олегович – доктор социологических наук, доцент, Почетный работник сферы образования Российской Федерации, профессор кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления МВД России.

Кудряшев Александр Федорович – доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, профессор кафедры философии и культурологии Уфимского университета науки и технологий.

Латыпов Вадим Сагитьянович – доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Макарейко Николай Владимирович – доктор юридических наук, доцент, Почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры административного права и процесса Нижегородской академии МВД России.

Макаренко Илона Анатольевна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Башкортостан, заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, проректор по образовательной деятельности Уфимского университета науки и технологий.

Маликов Борис Зуфарович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Мухаметов Павел Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент, начальник кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России.

Небратенко Геннадий Геннадиевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России.

Низамов Садык Сабирович – кандидат экономических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Нугаева Эльвира Дамировна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Осокин Роман Борисович – доктор юридических наук, профессор, начальник факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Плотников Владимир Валерьевич – доктор социологических наук, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры философии Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Победкин Александр Викторович – доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовной политики Академии управления МВД России.

Поезжалов Владимир Борисович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Редько Александр Александрович – доктор юридических наук, доцент, первый заместитель начальника Волгоградской академии МВД России.

Сальников Евгений Вячеславович – доктор философских наук, доцент, начальник кафедры социально-философских дисциплин Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова.

Самигуллин Венир Калимуллович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России.

Степанова Айгуль Ахметзямилевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России.

Стовба Евгений Владимирович – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой информатики и экономики Бирского филиала Уфимского университета науки и технологий.

Субхангулов Рустем Раисович – кандидат экономических наук, доцент, начальник кафедры управления в органах внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Сухоплюев Павел Александрович – кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Тарасов Александр Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Института права Уфимского университета науки и технологий.

Хабидуллина Зилия Наилевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии

фии и культурологии Уфимского университета науки и технологий.

Химичева Ольга Викторовна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации начальник кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Хусаинов Рамиль Равилович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Цуканов Николай Николаевич – доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Сибирского юридического института МВД России (по научной работе).

Шайхуллин Марат Селирович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Янбухтин Раиль Маратович – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Эл. № ФС77-84275 от 8 декабря 2022 г.

Журнал входит в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) научной электронной библиотеки «eLIBRARY».

Подписной индекс: распространяется по договору подписки с ООО «Агенство «Книга-Сервис», 79094.

Адрес редакции, издателя, типографии: 450103, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, д. 2.

Литературный редактор: А. В. Селиверстова, техническая верстка: А. В. Селиверстова.

Телефон/факс: (347) 255-06-66; e-mail: rio_uyi@mvd.gov.ru

(с пометкой: «Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива»).

Редакционно-издательский отдел Уфимского ЮИ МВД России.

Подписано в печать: 27.09.2024. Дата выхода в свет: 30.09.2024

Электрон. текстовые дан. 702 МВ (1,6 МВ). 1 электрон. опт. диск (CD-R). Систем. требования: IBM PC, 1 GHz; 512 mb оперативной памяти; 3 mb ОЗУ; CD/DVD-ROM дисковод; операционная система

Windows XP и выше; AdobeReader 8.0 и выше.

Загл. с экрана. Тираж 10 экз. Заказ № 63. Цена свободная.

Editor-in-chief:

Terekhov Alexey Yurievich – Candidate of Law, Associate Professor, the Deputy Chief (in research work) of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Deputy editor-in-chief:

Isaev Andrey Anatolyevich – Candidate of Philosophy, Associate Professor, Honored Worker of Education of the Republic of Bashkortostan, Head of the Department of Socio-Humanitarian and Economic Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Members of the editorial board:

Bezlepkin Olga Vyacheslavovna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Professional Training of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Belskiy Vitaly Yurievich – Doctor of Philosophy, Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Philosophy of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Bondarenko Yulia Viktorovna – Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Department of History and Theory of State and Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Burkhanova Flyura Bulatovna – Doctor of Sociology, Professor, Chief Researcher at the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.

Grachev Nikolai Ivanovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Grigoriev Viktor Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Criminal Procedure of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Gusmanov Iskander Uzbekovich – Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Finance and Credit of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Ufa branch).

Gusmanov Rasul Uzbekovich – Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Economics and Management of the Bashkir State Agrarian University.

Dallakyan Karlen Ashotovich – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Socio-Humanitarian and Economic Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Denisova Lyubov Vladilenovna – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Theory and Methodology of Public Administration of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Desyatov Mikhail Sergeevich – Doctor of Law, Associate Professor, First Deputy Head of Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (for academic affairs).

Divayeva Irina Rafaelovna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Dizer Oleg Aleksandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head of Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin (for scientific work).

Emelin Sergey Mikhailovich – Doctor of Law, Candidate of History, Professor, Full Member of the Academy of Military Sciences of the Russian Federation, Director of Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences.

Endoltseva Alla Vasilievna – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Zaitsev Oleg Aleksandrovich – Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Chief Researcher at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

Ivanov Dmitry Aleksandrovich – Doctor of Law, Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Head of the Department of Preliminary Investigation of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Ivanov Petr Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Chief Researcher of the Research Center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Ilyashenko Aleksey Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Kuban, Professor of the Department of Criminal Law of Kuban State University.

Karimova Gulnaz Yurisoovna – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the

Department of Administrative Law Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kolesnikov Valeriy Aleksandrovich – Candidate of Sociology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Socio-Humanitarian and Economic Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kolin Konstantin Konstantinovich – Doctor of Engineering, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Chief Researcher at the Institute of Informatics Problems of Informatics and Management Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

Kubyakin Evgeniy Olegovich – Doctor of Sociology, Associate Professor, Honorary Worker of the Education Sector of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory and Methodology of Public Administration of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kudryashov Aleksandr Fedorovich – Doctor of Philosophy, Professor, Honored Scientist of the Republic of Bashkortostan, Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies of Ufa University of Science and Technology.

Latypov Vadim Sagityanovich – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Makareiko Nikolai Vladimirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Administrative Law and Procedure of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Makarenko Iлона Anatolievna – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan, Honored Scientist of the Republic of Bashkortostan, Vice-Rector for Educational Activities of Ufa University of Science and Technology.

Malikov Boris Zufarovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Mukhametov Pavel Alekseevich – Candidate of History, Associate Professor, Head of the Department of History and Theory of State and Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nebratenko Gennady Gennadievich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Public Law Disciplines of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nizamov Sadyk Sabirovich – Candidate of Economics, Associate Professor of the Department of Socio-Humanitarian and Economic Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nugaeva Elvira Damirovna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminalistics of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Osokin Roman Borisovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Faculty of Training of Scientific-Pedagogical and Research Personnel of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Plotnikov Vladimir Valerievich – Doctor of Sociology, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Pobedkin Alexandr Viktorovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Policy of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Poezhalov Vladimir Borisovich – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Operational Investigative Activities of Internal Affairs Bodies of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Red'ko Aleksandr Aleksandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, First Deputy Head of Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Salnikov Evgeniy Vyacheslavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Socio-Philosophical Disciplines of Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov.

Samigullin Venir Kalimullovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Stepanova Aigul Akhmetzyamilevna – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Stovba Evgeniy Vladimirovich – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Informatics and Economics of Birk Branch of Ufa University of Science and Technology.

Subkhangulov Rustem Raisovich – Candidate of Economics, Associate Professor, Head of the Department of Management in Internal Affairs Bodies of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Sukhoplyuev Pavel Alexandrovich – Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Socio-Humanitarian and Economic Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Tarasov Alexandr Alekseevich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law of Ufa University of Science and Technology.

Khabibullina Zilya Nailovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies of Ufa University of Science and Technology.

Khimicheva Olga Viktorovna – Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Head of the Department of

Criminal Procedure of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Khusainov Ramil Ravilovich – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Operational Investigative Activities of Internal Affairs Bodies of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Tsukanov Nikolai Nikolaevich – Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Siberian Law

Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (for scientific work).

Shaikhullin Marat Selirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Yanbukhtin Rail Maratovich – Candidate of Sociology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Socio-Humanitarian and Economic Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, information technologies and mass communications.

El. No FS77-84275 dated December 8, 2022.

Included into «Russian Science Citation Index» data base of «eLIBRARY».

The subscription index circulates according to the subscription contract with «Agency «Kniga-Servis», Ltd. 79094.

The address of the editorial office, the editor and the printing house: 450103, the Republic of Bashkortostan, Ufa, 2, Muksinova street.

Literary editors: A. V. Seliverstova, technical layout by A. V. Seliverstova.

Tel./fax (347) 255-06-66; e-mail: rio_uyi@mvd.gov.ru

(marked: «Society, law, statehood: retrospective and perspective»).

Editorial and publishing department of Ufa Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.

Signed for publishing: 27.09.2024. Release date: 30.09.2024.

Electronic text data 702 MB (1,6 MB). 1 electronic optical disk (CD-R). System requirements: IBM PC, 1 GHz; 512 mb RAM; 3 mb RAM; CD/DVD-ROM drive; operating system

Windows XP and above; Adobe Reader 8.0 and above.

Title from the screen. Circulation 10 copies. Order no. 63. The price is free.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Хакимов С. Х., Кутушев Г. З. Нормативно-правовые и организационные аспекты становления патрульно-постовой службы советской милиции в 20–30-е годы XX века..... 10

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Каримова Г. Ю. Основные направления деятельности субъектов профилактики правонарушений несовершеннолетних20

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Зиборова О. С., Нугаева Э. Д. Наблюдение как метод профайлинга в рамках противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ на объектах транспортной инфраструктуры..... 27

Квасников Е. С. Совершенствование законодательной конструкции ст. 143 Уголовного кодекса Российской Федерации 37

Москаленко Д. А. Краткосрочная аренда автомобиля как способ сокрытия преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ..... 46

Нуркаева М. К. Процесс становления и развития необходимой обороны по уголовному законодательству России 57

Решняк О. А. Механизм совершения преступления, связанного с неправомерным оборотом средств платежей, в структуре частной методики расследования 67

Солодина С. А. Исторический опыт регламентации ответственности за проведение азартных игр в зарубежных странах..... 77

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

Гумерова З. Ж., Мухамадиярова А. К. Применение проектного подхода для повышения эффективности деятельности университета..... 86

Тукаева Ф. А. Сохранение плодородия земель: экономико-правовой аспект..... 96

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Кубякин Е. О., Кочкин А. А. Некоторые особенности института рынка в культурном коде социальной реальности..... 103

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Горбачев С. Б. О некоторых аспектах современного западного мифотворчества 111

Лукьянов Б. Г. Ориентации населения на здоровый образ жизни: социально-философский анализ..... 117

Памятка 125

CONTENT

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Khakimov S. Kh., Kutushev G. Z. Regulatory legal and organizational aspects of the formation of the Soviet militia patrol service in the 20–30s of the XX century..... 10

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Karimova G. Yu. Main activities of the entities of juvenile delinquency prevention..... 20

CRIMINAL LAW SCIENCES

Ziberova O. S., Nugaeva E. D. Surveillance as a profiling method in the Framework of countering illicit trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances at transport infrastructure facilities..... 27

Kvasnikov E. S. Improvement of the legislative structure of Article 143 of the Criminal Code of the Russian Federation 37

Moskalenko D. A. Short-term car rent as a way to conceal a crime under the article 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation 46

Nurkaeva M. K. The process of formation and development of the necessary defense under the criminal legislation of Russia..... 57

Reshnyak O. A. The mechanism of committing a crime, related to the illegal turnover of payment funds in the structure of a private investigation methodology..... 67

Solodina S. A. Historical experience of regulation of responsibility for gambling in foreign countries 77

REGIONAL AND SECTORAL ECONOMY

Gumerova Z. Zh., Mukhamadiyarova A. K. Application of the project approach to increase the efficiency of the university 86

Tukaeva F. A. Preservation of land fertility: the economic and legal aspect..... 96

SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

Kubyakin E. O., Kochkin A. A. Some features of the market institution in the cultural code of social reality 103

SOCIAL AND POLITICAL PHILOSOPHY

Gorbachev S. B. About some aspects of modern Western myth-making..... 111

Lukyanov B. G. Orientations of the population towards a healthy lifestyle: a socio-philosophical analysis 117

Instruction 125

Научная статья
УДК 351.745(47)"1917/1940"

Салават Хазибович Хакимов¹, Газиз Загирович Кутушев²

^{1, 2} *Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия*

² *gkutushev2@mvd.ru*

**НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ
СТАНОВЛЕНИЯ ПАТРУЛЬНО-ПОСТОВОЙ СЛУЖБЫ СОВЕТСКОЙ
МИЛИЦИИ В 20–30-Е ГОДЫ XX ВЕКА**

Аннотация. В работе рассматривается процесс историко-правового становления и развития службы советской патрульно-постовой милиции в 20–30-е годы XX века. На основе привлечения различных видов опубликованных источников, архивных материалов периодической печати и научной литературы анализируется содержание нормативно-правовых документов, регламентирующих функции, права и обязанности патрульно-постовых милиционеров в союзных и автономных республиках СССР. Авторы приходят к выводу о том, что служебные документы, регулирующие деятельность НКВД в 20–30-е гг. XX века, демонстрируют широкий комплекс задач патрульно-постовых милиционеров, а также позволяют говорить об исторической преемственности профессиональных качеств ранней советской милиции и современных подразделений патрульно-постовой службы полиции.

Ключевые слова: патрульно-постовая служба, советская милиция, народный комиссариат внутренних дел, преступность, права и обязанности милиции, история органов внутренних дел

Для цитирования: Хакимов С. Х., Кутушев Г. З. Нормативно-правовые и организационные аспекты становления патрульно-постовой службы советской милиции в 20–30-е годы XX века // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2024. № 3 (19). С. 10–19.

Original article

Salavat Kh. Khakimov¹, Gaziz Z. Kutushev²

^{1, 2} *Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia*

² *gkutushev2@mvd.ru*

**REGULATORY LEGAL AND ORGANIZATIONAL ASPECTS
OF THE FORMATION OF THE SOVIET MILITIA PATROL SERVICE
IN THE 20-30s OF THE XX CENTURY**

Abstract. The paper examines the process of historical and legal formation and development of the Soviet police patrol service in the 20–30s of the twentieth century. Based on the involvement of various types of published sources, archival materials of the periodical press and scientific literature, the content of regulatory and legal documents regulating the functions, rights and responsibilities of patrol militia officers in the union and autonomous republics of the USSR is analyzed. The authors come to the conclusion that official documents regulating the activities of the NKVD in the 20–30s of the twentieth century demonstrate a wide range of tasks of patrol militia officers, and also allow us to talk about the historical continuity of the professional qualities of the early Soviet militia and modern units of the police patrol service.

Keywords: patrol and post service, Soviet militia, People's Commissariat of Internal Affairs, crime, rights and duties of the militia, history of internal affairs agencies

For citation: Khakimov S. Kh., Kutushev G. Z. Regulatory legal and organizational aspects of the formation of the Soviet militia patrol service in the 20–30s of the XX century // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2024. No. 3 (19). P. 10–19. (In Russ.)

Введение

Историю зарождения и эволюции отечественной патрульно-постовой службы милиции в 20–30-е гг. XX века следует рассматривать в общем контексте развития государственного аппарата советских правоохранительных органов данного периода. Несомненное влияние на функции, структуру и кадровый состав указанного подразделения советской милиции оказали такие масштабные процессы, как Гражданская война, новая экономическая политика, коллективизация и индустриализация, а также в целом внутривластный курс большевиков, направленный на создание в стране основ коммунистического общества. Не случайно в современной российской историографии отмечается то обстоятельство, что 20–30-е гг. XX века характеризовались формированием новой государственной идеологии, напрямую отражавшейся на кадровой политике и задачах органов внутренних дел. Доминировал классовый подход, выражавшийся в диктатуре одних социальных групп над другими, бескомпромиссном отношении к социально-политическим явлениям. К числу важнейших профессиональных критериев советского милиционера в эти годы, нашедших отражение в нормативных правовых актах высших органов управления, относились требования признания советской власти и наличие активного избирательного права, что подразумевало соответствующее социальное происхождение [1, с. 33–34].

В то же время нельзя отрицать и факт того, что современные подразделения патрульно-постовой службы милиции Российской Федерации сохраняют историческую преемственность как в функциональном, так и организационно-правовом отношении, с аналогичными структурами, созданными в первые годы советской власти в составе Главного управления милиции Народного комиссариата внутренних дел

(далее – НКВД) РСФСР. Несмотря на изменение общественно-экономических основ государственного строя и общие различия исторических эпох, проблемы в сфере поддержания общественного порядка и безопасности, а также борьбы с преступностью имеют схожий характер, что подчеркивает актуальность изучаемой темы. Кроме того, разработка рассматриваемой проблемы будет способствовать восполнению пробела в историографии вопроса, поскольку на сегодняшний день история становления патрульно-постовой службы советской милиции в довоенный период не получила должного освещения в научной литературе.

Методы

В ходе проведенного исследования авторами были использованы принцип историзма, общенаучный диалектический метод познания, а также историко-правовой, проблемно-хронологический, формально-юридический, сравнительно-правовой и логический методы исследования.

Историко-правовой метод позволил провести комплексный анализ нормативно-правовых документов рассматриваемой исторической эпохи в разрезе внутривластных событий и процессов общесоюзного масштаба.

Проблемно-хронологический метод послужил инструментом выявления причинно-следственных связей при освещении предмета исследования в рамках отдельных периодов отечественной истории: Гражданской войны, новой экономической политики, форсированного строительства социализма.

Формально-юридический метод выразился в изучении правовых категорий и законодательной техники посредством анализа внутренних и внешних форм проявления юридической мысли рассматриваемого исторического этапа.

Сравнительно-правовой метод предоставил возможность обозначить сходства и различия в юридических понятиях и право-

вых явлениях, отразившихся в законодательной практике СССР 20–30-х гг. XX века.

Результаты

Нормативно-правовые и организационно-структурные основы патрульно-постовой службы милиции Советской России стали складываться в процессе установления власти большевиков и советского государственного строительства. Функции рабоче-крестьянской милиции по обеспечению правопорядка в годы революции и гражданской войны диктовались необходимостью обуздать высокий уровень преступности в условиях, когда старая система правоохранительных органов была ликвидирована, а новая находилась лишь на стадии становления [2, с. 110–114]. Так, вскоре после Октябрьской революции и образования НКВД РСФСР было определено, что патрульная служба находилась в ведении общих органов наружной милиции. Деятельность ее сотрудников подчинялась плану, который утверждался Управлением милиции. В состав постов милиции старались закреплять постоянных сотрудников, при этом особое внимание стало уделяться ночному патрулированию, куда привлекали теперь комендантские патрули и внутренние войска. Вдобавок для стабилизации оперативной обстановки и усиления борьбы с преступностью в городах 12 марта 1919 г. Президиум Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Совете народных комиссаров РСФСР (далее – ВЧК) принимает «Положение о войсках ВЧК», где также были определены меры по поддержанию общественного порядка в населенных пунктах [3, с. 39].

В 1918–1919 гг. в ряде крупных городов Советской России (Москва, Петроград, Саратов и др.) учреждается постовая служба милиции. В условиях военно-политической нестабильности свои функции по поддержанию общественного порядка патрульно-постовые милиционеры в этот период выполняли во взаимодействии с отрядами Красной армии и ВЧК. Одним из важных направлений их деятельности стала борьба со спекуляцией, вследствие чего особый акцент делался на осмотр багажа, грузов и реквизиции.

Постепенно начинает формироваться нормативно-правовая база, регламентирующая функции и принципы работы новообразованных подразделений советской милиции. Так, в декабре 1918 г. была опубликована Инструкция милиционерам советской рабоче-крестьянской милиции, один из разделов которой посвящался постовой службе. В частности, в указанном документе отмечалось, что постовой милиционер должен всегда находиться на виду у населения и оказывать содействие любому, кто нуждается в помощи. К числу основных обязанностей было отнесено хорошее знание местности, окружавшей пост, необходимость обеспечивать общественный порядок на улицах, безопасность движения на дорогах и контроль санитарного состояния территории поста [4, с. 20–21].

По мнению ряда исследователей, прологом к созданию патрульно-постовой службы в РСФСР на постоянной основе можно считать принятие 1 сентября 1920 г. Советом трудовой обороны постановления «О создании войск внутренней службы Республики (ВНУС)» [5, с. 129–130].

Ключевой же датой учреждения патрульно-постовой службы советской милиции традиционно называют 2 сентября 1923 г. Именно в этот день был издан приказ Центрального административного управления (ЦАУ) НКВД СССР, утвердивший «Инструкцию постовому милиционеру», где перечислялись права и обязанности сотрудников постовой милиции [6, с. 200–201].

В 20-е гг. XX века молодому советскому правительству приходилось решать множество задач по поддержанию правопорядка в условиях послевоенного восстановления государства. Эпоха новой экономической политики (НЭП) несла в себе эхо противоречий прежних лет в виде высокого уровня криминализации общества, разгула беспорядков и бандитизма, активизации спекулянтов всех мастей, всплеска бытовых преступлений как следствия морально-психологического надлома и материальных лишений миллионов жителей Советской России. В этой ситуации уже к 1926 г. в боль-

шинстве крупных городов СССР создаются подразделения патрульно-постовой службы, чьей главной задачей стал контроль за порядком на улицах и местах общественного отдыха граждан [7, с. 11–12].

Постовые милиционеры выделялись на общем фоне своим новым форменным обмундированием. Они носили форму белого цвета со специальным отличительным знаком в виде белого металлического щита, где указывался служебный номер и номер участка сотрудника [5, с. 130–131].

Формирование и развитие советской милиции на местах, включая отделы патрульно-постовой службы, имели свои особенности. Так, одновременно с заключением Соглашения об образовании Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики (далее – БАССР) от 20 марта 1919 г. в селе Темясово учреждается новая структура управления регионом – Башкирский военно-революционный комитет. В его составе был образован Народный комиссариат внутренних дел республики. Первым наркомом внутренних дел БАССР стал Фатих Насырович Тухватуллин (1894–1938), возглавлявший ведомство до мая 1920 г. Под его руководством комплектуются штаты и структура НКВД и милиции в кантонах, волостях и городах [8, с. 193].

В июле 1919 г. Башревком, находившийся тогда в эвакуации в городе Саранске, утвердил «Положение о рабоче-крестьянской милиции», которое было составлено на основе инструкции НКВД и Народного комиссариата юстиции (НКЮ) РСФСР от 12 октября 1918 г. «Об организации Советской Рабоче-крестьянской милиции» и декрета Совета народных комиссаров РСФСР от 3 апреля 1919 г. «О Советской Рабоче-крестьянской милиции» [9, с. 159–161].

В марте 1920 г. на заседании Президиума Башревкома было утверждено Положение о народном комиссариате внутренних дел Башкирской АССР. Оно носило временный характер и, как отмечалось в решении Пре-

зидиума, имело юридическую силу до принятия Конституции автономной республики. Согласно Положению народный комиссар внутренних дел являлся одновременно председателем Башкирской ЧК. Центральный аппарат НКВД Башкирской АССР состоял из семи управлений, в каждом из кантонов республики учреждались отделы НКВД, а местные отделы НКВД формировались в городах, волостях и селах. Милиция входила в подчинение 7-го управления войск внутренней охраны НКВД БАССР¹.

В то же время 14 марта 1920 г. на съезде представителей кантонных революционных комитетов в Стерлитамаке обсуждался вопрос о вооружении и снабжении обмундированием милиционеров местных кантонных отделов. Съезд принял ряд важнейших решений:

1. Срочно отправить в Москву представителя за получением для милиции из центра обмундирования, снаряжения, вооружения, а также просит Башсовнархоз выдать наряды на получение за счет местных запасов кожи для изготовления для милиционеров тужурок, шаровар и фуражек.

2. Для малограмотных и плохо понимающих свои обязанности при НКВД Башкирской АССР организовать общеобразовательные милицейские курсы.

3. Ходатайствовать перед Башвоенревкомом о разрешении принимать в милицию лиц призывного возраста и отозвать из рядов Красной армии всех, кто знаком с милицейским делом.

4. Обратить серьезное внимание на постановку дела милиции на местах путем строжайшего надзора над агентами милиции с преданием виновных суду, при создании условий широкой гласности за действиями милиции и привлечением к общественному контролю над нею самого населения.

5. Милиционерам, не получившим в течение 6 месяцев положенного казенного обмундирования, выдать соответствующее вознаграждение безвозвратно².

¹ Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. 1107. Оп. 1. Д. 88. Л. 64, 118–120.

² Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. 1107. Оп. 1. Д. 26. Л. 4.

В резолюции I Всебашкирского съезда Советов (25–28 июля 1920 г.) было отмечено, что «...Ввиду тяжелого положения Башкирской милиции в отношении снабжения оружием и вследствие возникающей отсюда угрозы для безопасности граждан Всебашкирский съезд настоятельно предлагает Народному комиссариату внутренних дел [Башкирской АССР] озаботиться снабжением милиции оружием путем сношения с центральными властями РСФСР»¹.

Следует отметить, что в 20-е г. XX века во многих союзных и автономных республиках были разработаны и приняты собственные справочники постового милиционера. Каждый из подобных нормативно-правовых документов имел свои особенности, но в целом они отражали общие тенденции и принципы относительно прав и обязанностей сотрудников патрульно-постовой службы милиции [10, с. 61–63].

В качестве примера рассмотрим «Справочник постового милиционера» 1925 г., изданный в Севастополе для милиционеров Крымской АССР. Здесь достаточно детально были расписаны как общие положения инструкции милиционеров советской рабоче-крестьянской милиции, так и особенные положения инструкции, касающиеся различных аспектов постовой службы сотрудников милиции. В частности, в пункте 17 указывалось, что на своем посту милиционер обязан знать: а) номер поста; б) окружающие пост улицы, переулки, тупики и площади; в) проходные дворы; г) особенности поста; д) пожарные сигналы и места, где бывает большое скопление народа; е) все правительственные и общественные учреждения в округе, номера телефонов ближайшего Совета депутатов и своего района, расположение профсоюзов и партийных организаций; ж) порядок нумерации домов; з) адреса аптек, больниц, врачей, акушерок, родильных приютов, учреждений социального обеспечения².

В пункте 21 Справочника отмечалось, что милиционер должен время от времени обходить (патрулировать) свой пост «...с таким расчетом, чтобы наблюдающие за милиционером злоумышленники не были уверены в отсутствии милиционера в известном пункте в известное время».

Постовой милиционер обеспечивал на вверенной территории свободное и безопасное движение пешеходов и транспортных средств. Кроме того, в состав справочника 1925 г. был включен приказ по милиции Крымской АССР от 24 октября 1922 г. № 266 по городу Симферополю, согласно которому постовые милиционеры городов Крыма с 7 ноября 1922 г. в обязательном порядке снабжались жезлами для регулирования уличного движения. Дополнительно в справочнике имелась краткая инструкция о порядке пользования жезлом для регулирования уличного движения.

Составители справочника скрупулезно перечисляли обязанности постового милиционера 1) по борьбе с преступлениями; 2) по наблюдению за чистотой и порядком на площадях, улицах и дворах; 3) по оказанию помощи при несчастных случаях; 4) по охране общественного спокойствия и порядка; 5) на постах по набережной реки; 6) по специальным нарядам.

В пункте 40 была представлена характеристика сигналов тревоги, подаваемых свистком, а в пункте 41 был представлен список вещей, которые постовой милиционер должен иметь при себе, выполняя служебные обязанности: оружие и свисток, личный билет и знаки, постовая книжка с инструкциями, карандаш и записная книжка, справочник. Отдельно прописаны были рекомендации по уходу за оружием и случаи, когда милиционер при исполнении имел право применять оружие. Вдобавок в справочнике были даны указания по оказанию медицинской помощи при ушибах, ранах, отравлениях, переломах, ожогах, утоплении, замерзании и удушении.

¹ Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. 394. Оп. 5. Д. 1. Л. 32.

² Справочник постового милиционера. Севастополь : Издание Севрайгормилиции, 1925. С. 46–74.

Рассматриваемый справочник завершался дополнительной краткой инструкцией по несению постовой службы ведомственной милиции, которая по содержанию была гораздо короче предыдущей части и насчитывала лишь 14 пунктов¹.

Для сравнения можно обратиться также к «Карманному справочнику милиционера» 1927 г., изданному в Одессе под грифом НКВД Украинской ССР. Обязанностям постового милиционера здесь уделяется значительное место. Общие обязанности сотрудников милиции, несущих постовую службу, в целом совпадают с аналогичными пунктами Крымского справочника 1925 г. Список обязанностей расширился в силу включения в содержательную часть новых видов преступлений, таких как хулиганство, контрреволюционные агитации и выступления. Были обозначены обязанности постового милиционера по наблюдению за производством торговли и неотложных действий в случае возникновения пожара.

Отмечалось, что постовой милиционер имеет право входить в частные квартиры лишь в нескольких случаях:

- 1) при преследовании преступника по горячим следам, если он скрылся в каком-либо жилище;
- 2) если в чьей-либо квартире совершается или совершилось преступление;
- 3) в случае нарушения в квартире общественной тишины;
- 4) при исполнении служебных бумаг и для привлечения граждан к различного рода повинностям;
- 5) по просьбе частных лиц для оказания им законного содействия;
- 6) при необходимости произвести обыск или иные действия по производству дознания².

25 мая 1931 г. принимается новое Положение о рабоче-крестьянской милиции. Согласно данному нормативному правово-

му акту милиция была разделена на общую и ведомственную. Перечень обязанностей общей милиции, куда относились и постовые милиционеры, был весьма широк, в него были включены требования обеспечения безопасности на улицах и в общественных местах, регулирования правил уличного движения, наблюдения за различного рода шествиями и демонстрациями. Кроме того, за милиционерами закреплялись обязанности надзора за санитарным состоянием домов, дворов и мест общественного пользования, оказания первой помощи лицам, пострадавшим от преступлений и несчастных случаев, оповещения населения о наступивших стихийных бедствиях и принятия мер к их ликвидации, охрана государственного и общественного имущества. Сотрудники патрульно-постовой службы имели право требовать в установленном порядке содействия со стороны дворников, ночных сторожей, сельских исполнителей, членов обществ содействия милиции и других граждан³.

Следует отметить, что к 30-ым гг. XX века из структуры органов патрульно-постовой службы милиции выделяется ряд подразделений регулирования дорожного движения. Так, в июле 1936 г. была образована Государственная автомобильная инспекция (ГАИ) [11, с. 92].

Кроме того, для усиления работы по обеспечению общественного порядка и борьбе с хулиганством и незаконным изготовлением алкоголя 25 мая 1930 г. было принято Постановление Совета народных комиссаров РСФСР, которое регламентировало порядок создания Обществ содействия органам милиции и уголовного розыска (Осодмил) [12, с. 237]. Одним из направлений деятельности данных обществ, состоявших из обычных советских граждан, оказывавших сознательную помощь органам правопорядка, было

¹ Справочник постового милиционера. Севастополь : Издание Севрайгормилиции, 1925. С. 46–74.

² Карманный справочник милиционера / сост. Э. В. Владимиров, Е. М. Муленсон. Одесса : Издание Одесского окружного административного отдела, 1927. С. 7–18.

³ Полиция и милиция России: документы, материалы, комментарии: Хрестоматия / сост. А. С. Масалимов, А. Х. Султанов. Уфа : Уфимский юридический институт МВД России, 2007. С. 92–94.

определено несение постовой службы и наблюдение за порядком в театрах, кинотеатрах и местах большого скопления людей [13, с. 182].

Предвоенный этап развития нормативно-правовой базы по регулированию патрульно-постовой службы милиции нашел свое логическое завершение 23 июля 1940 г., когда приказом заместителя наркома внутренних дел СССР было объявлено о введении в действие нового Устава постовой службы с целью дальнейшего улучшения службы и подготовки рабоче-крестьянской милиции [14, с. 191]. Ведомственная печать МВД отмечала в этот период тот факт, что «...за 9 лет, прошедших со времени издания временного Устава службы рабоче-крестьянской милиции [1931 года], произошли резкие изменения в наших органах и частях [НКВД]. Изменившаяся обстановка выдвинула новые требования к одному из главных видов работы милиции – к постовой службе в городах и селах СССР»¹.

В новом Уставе постовой службы 1940 г. уделялось повышенное внимание внешнему виду, культурному уровню и дисциплине постовых милиционеров. Так, в статье 9 было сказано, что «заступающий на пост должен быть одет по установленной форме и внешностью своей представлять образец культуры и опрятности». А в статье 11 выдвигалось следующее требование к постовым милиционерам: «Быть примером вежливости, выдержки и тактичности в обращении, к гражданам обращаться на «Вы». Свои служебные требования предъявлять спокойно, но твердо и настойчиво, не допуская бестактности». Статья 12 напоминала, что постовой милиционер обязан приветствовать по правилам строевого Устава пехоты Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) своих начальников и старших в звании, а при взаимном обращении с гражданами «должен приложить правую руку к головному убору, подчеркивая тем самым

внимание и предупредительность». В Уставе содержался ряд важных указаний по обращению с личным оружием. Так, статья 19 во избежание несчастных случаев требовала, чтобы оружие заряжалось в строго установленном месте и только по команде командира, который наблюдает за порядком заряжания. В статье 33 постовому запрещалось передавать или предъявлять кому-либо для проверки свое оружие, которое при недостатке бдительности могло быть обращено против самого милиционера.

В статьях 72–77 Устава 1940 г. указывалось на то, что работники милиции должны хорошо научиться предотвращать преступления и задерживать преступников при содействии населения. Для этого необходимо применять силу и ловкость, которые развиваются систематической подготовкой и сдачей норм ГТО. Следует отметить и статью 28, в которой подчеркивалась необходимость поддержания достоинства постового милиционера. Это означало то, что во время исполнения служебных обязанностей он не мог быть подвергнут служебным взысканиям. Проверяющий службу постового милиционера должен был принять меры к устранению нарушения, допущенного постовым, и только в необходимых случаях, через дежурного по органу милиции мог снять или заменить несущего пост сотрудника.

Постовому милиционеру предоставлялось право налагать в административном порядке штраф, пользоваться транспортом для выполнения служебных обязанностей, требовать содействия от должностных лиц домов и отдельных граждан при исполнении своих обязанностей¹.

Заключение

Таким образом, нормативно-правовая база, регулирующая профессиональную деятельность советских постовых милиционеров, прошла поэтапный путь эволюции в период с 1917 по 1940 г. Уже в годы революции и Гражданской войны появляются первые

¹ На страже Октября. Орган Политотдела Управления рабоче-крестьянской Милиции НКВД Башкирской АССР. 13 декабря 1940 г. № 39 (192).

нормативные документы, создавшие специализированные отряды по охране общественного порядка. В зависимости от ситуации эту функцию в 1917–1923 гг. выполняли войска внутренней службы, ВЧК, отдельные подразделения НКВД. Началом функционирования патрульно-постовой службы как отдельной единицы в составе Главного управления милиции НКВД РСФСР можно считать 2 сентября 1923 года, когда была издана «Инструкция постовому милиционеру». Как показывает анализ инструкций, уставов и положений, принятых в системе НКВД в 20–30-х гг. XX века, перечень обязанностей постовой милиции был весьма обширен – от патрулирования улиц и регулирования дорожного движения до контроля за уличной торговлей и пожарной безопасностью жилых домов и государственных учреждений.

Наряду с этим именно на постовых милиционеров ложилась задача оперативного реагирования на сообщения о совершенных правонарушениях и поиск преступников по горячим следам. Как тогда, так и сейчас постовые милиционеры стояли на переднем оборонительном рубеже борьбы с различными видами преступности. Не случайно в инструкциях и уставах постовых милиционеров в качестве главных требований указывалась необходимость уважительного обращения с гражданами, сохранение прилежного внешнего вида, поддержание должного уровня физической подготовки, так как именно образ сотрудника патрульно-постовой службы правоохранительных органов становился определяющим в сознании граждан при восприятии ими фигуры советского милиционера как защитника общественных интересов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Маюров Н. П., Вележев С. И. Дисциплинарные взаимоотношения в милиции в период ее организационного становления (1917–1920 гг.) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2003. № 1 (17). С. 32–39.
2. Токарева С. Н. Нормативно-правовые основы организации советской милиции в 1918 году // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2016. № 17. С. 110–124.
3. Верны долгу, традициям и чести! К 100-летию образования патрульно-постовой службы в системе МВД России. Уфа, 2023. 164 с.
4. Изингер А. В. Нормативное правовое регулирование деятельности патрульно-постовой службы полиции в контексте исторического развития // Научный портал МВД России. 2024. № 1 (65). С. 18–28.
5. Сергеев М. В. Понятие патрульно-постовой службы полиции: история и современность // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 1 (43). С. 129–135.
6. Каримова Г. Ю. Исторический аспект становления патрульно-постовой службы полиции в России // Modern Science. 2022. № 2-1. С. 200–203.
7. Камалова Г. Т., Зорина Р. Ф. Советская милиция в борьбе с преступностью в годы НЭПа // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2012. № 43 (302). С. 11–14.
8. Хакимов С. Х. Ф. Н. Тухватуллин и становление НКВД Башкирской республики (1919–1921 гг.) // Единство. Гражданственность. Патриотизм : сборник научных трудов к 100-летию Республики Башкортостан. 2019. С. 193–196.
9. Хакимов С. Х. Организация и деятельность народного комиссариата внутренних дел Башкирской АССР в 1919–1923 гг. // От СССР к Российской Федерации: история, события, факты (к 100-летию образования СССР) : сборник материалов Всероссийской научно-теоретической конференции / сост. А. Л. Бредихин. Санкт-Петербург, 2022. С. 159–166.
10. Камалова Г. Т. Реформирование организационной структуры советской милиции в годы НЭПа (Административно-правовой аспект) // Проблемы права. 2013. № 5 (43). С. 61–66.

11. Мацук А. М. Эволюция функции службы государственной автомобильной инспекции 1936–2006 гг. (на материалах Республики Коми) // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2008. № 1. С. 89–105.

12. Шведов В. В. Общества содействия милиции в правоохранительной деятельности РСФСР (1928–1932 гг.) // Историко-педагогические чтения. 2005. № 9. С. 234–244.

13. Сатюков А. Г. Исторический опыт привлечения граждан к участию в охране общественного порядка в период становления советской власти // Аграрное и земельное право. 2021. № 11 (203). С. 181–184.

14. Беркутов А. С., Рахимова И. О. Влияние советского градостроительства на развитие методов охраны общественного порядка органами и войсками правопорядка (1930–1950-е гг.) // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2022. № 4 (297). С. 189–197.

REFERENCES

1. Mayurov N. P., Velezhev S. I. Disciplinary relationships in the militia during the period of its organizational formation (1917–1920) // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2003. No. 1 (17). P. 32–39. (In Russ.)

2. Tokareva S. N. Normative and legal foundations of the organization of the Soviet militia in 1918 // Historical and legal problems: a new perspective. 2016. No. 17. P. 110–124. (In Russ.)

3. Faithful to duty, traditions and honor! To the 100th anniversary of the formation of the patrol service in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Ufa, 2023. 164 p. (In Russ.)

4. Izinger A. V. Regulatory legal regulation of the activities of the police patrol service in the context of historical development // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 1 (65). P. 18–28. (In Russ.)

5. Sergeev M. V. The concept of police patrol service: history and modernity // Legal science and law enforcement practice. 2018. No. 1 (43). P. 129–135. (In Russ.)

6. Karimova G. Yu. Historical aspect of the formation of the police patrol service in Russia // Modern Science. 2022. No. 2-1. P. 200–203. (In Russ.)

7. Kamalova G. T., Zorina R. F. Soviet militia in the fight against crime during the NEP years // Bulletin of the South Ural State University. Series: Law. 2012. No. 43 (302). P. 11–14. (In Russ.)

8. Khakimov S. H. F. N. Tukhvatullin and the establishment of the NKVD of the Bashkir Republic (1919–1921) // Unity. Citizenship. Patriotism. Collection of scientific papers for the 100th anniversary of the Republic of Bashkortostan. 2019. P. 193–196. (In Russ.)

9. Khakimov S. Kh. Organization and activities of the People's Commissariat of Internal Affairs of the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic in 1919–1923 // From the USSR to the Russian Federation: history, events, facts (to the 100th anniversary of the formation of the USSR) : collection of materials of the All-Russian scientific-theoretical conference / comp. A. L. Bredikhin. St. Petersburg, 2022. P. 159–166. (In Russ.)

10. Kamalova G. T. Reforming the organizational structure of the Soviet militia during the NEP years (Administrative and legal aspect) // Problems of Law. 2013. No. 5 (43). P. 61–66. (In Russ.)

11. Matsuk A. M. Evolution of the function of the state automobile inspection service 1936–2006. Issues on materials from the Komi Republic) // Questions of history and culture of northern countries and territories. 2008. No. 1. P. 89–105. (In Russ.)

12. Shvedov V. V. Societies for assistance to the militia in law enforcement activities of the RSFSR (1928–1932) // Historical and Pedagogical Readings. 2005. No. 9. P. 234–244. (In Russ.)

13. Satyukov A. G. Historical experience of attracting citizens to participate in the protection of public order during the formation of Soviet power // Agrarian and land law. 2021. No. 11 (203). P. 181–184. (In Russ.)

14. Berkutov A. S., Rakhimova I. O. The influence of Soviet urban planning on the development of methods of maintaining public order by law enforcement agencies and troops (1930–1950s) // Bulletin of the Voronezh State Pedagogical University. 2022. No. 4 (297). P. 189–197. (In Russ.)

Информация об авторах:

Хакимов С. Х. – кандидат исторических наук, доцент;

Кутушев Г. З. – кандидат исторических наук.

Information about the authors:

Khakimov S. Kh. – Candidate of History, Associate Professor;

Kutushev G. Z. – Candidate of History.

Статья поступила в редакцию 19.08.2024; одобрена после рецензирования 10.09.2024; принята к публикации 27.09.2024.

The article was submitted 19.08.2024; approved after reviewing 10.09.2024; accepted for publication 27.09.2024.

Научная статья

УДК 351.745:343.851.5(470)

Гульназ Юрисовна Каримова

Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия, kg579@yandex.ru

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
СУБЪЕКТОВ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**

Аннотация. Исследование посвящено анализу особенностей предупреждения правонарушений несовершеннолетних. Во вводной части на основе приведенных сведений, в том числе результатов социологического исследования, обозначается актуальность выбранной темы. Содержанием работы выступает рассмотрение отдельных мер профилактического характера, применяемых субъектами профилактики. В ходе исследования анализируются статистические показатели деятельности инспекторского состава подразделений по делам несовершеннолетних территориальных органов МВД России по находящимся на контроле подросткам и родителям. В заключительной части статьи подводятся итоги, формулируются выводы с предложением совершенствования правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: правонарушение, несовершеннолетние, ответственность, меры предупреждения, субъекты профилактики, органы внутренних дел

Для цитирования: Каримова Г. Ю. Основные направления деятельности субъектов профилактики правонарушений несовершеннолетних // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2024. № 3 (19). С. 20–26.

Original article

Gulnaz Yu. Karimova

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia, Ufa, Russia, kg579@yandex.ru

**MAIN ACTIVITIES OF THE ENTITIES
OF JUVENILE DELINQUENCY PREVENTION**

Abstract. The study is devoted to the analysis of the features of preventing juvenile delinquency. The introductory part indicates the relevance of the chosen topic, based on the information provided, including the results of sociological research. The content of the work is the consideration of individual preventive measures used by the prevention entities. The study analyzes statistical indicators of the activities of the inspector staff of the juvenile affairs units of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia for teenagers and parents under control. The final part of the article summarizes the results and formulates conclusions with a proposal to improve law enforcement activities.

Keywords: offense, minors, responsibility, preventive measures, subjects of prevention, internal affairs bodies

For citation: Karimova G. Yu. Main activities of the entities of juvenile delinquency prevention // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2024. No. 3 (19). P. 20–26. (In Russ.)

Введение

Предупреждению правонарушений несовершеннолетних уделяется достаточно

пристальное внимание со стороны всей системы субъектов профилактики. Все элементы системы профилактики имеют свои зада-

© Каримова Г. Ю., 2024

чи и функции, способствующие реализации эффективного воздействия на несовершеннолетних, родителей (законных представителей), а также условия и причины противоправного поведения несовершеннолетних [1].

В профилактику противоправного поведения несовершеннолетних входят ранние превентивные меры воздействия, направленные на формирование личности несовершеннолетнего и предотвращение его становления на преступный путь. Под ранними превентивными мерами следует понимать социально-педагогическую деятельность семьи, учебных заведений, иных общественных и государственных организаций, целью которых является формирование у подрастающего поколения нравственных принципов, социально-полезных знаний и навыков, правильного правосознания [2, с. 151]. Это позволит в дальнейшем избежать возникновения отклоняющегося поведения у несовершеннолетних. Кроме того, к мерам ранней профилактики относится коррекция поведения несовершеннолетних, совершивших противоправные деяния до достижения возраста уголовной ответственности, ведущих антисоциальный образ жизни. Таким образом, применение ранних превентивных мер воздействия подразумевает активную работу во взаимодействии органов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Тем не менее, несмотря на значимость профилактической деятельности всей системы субъектов профилактики, основная роль все-таки отводится семье как ячейке общества. Известно, что в соответствии с семейным законодательством Российской Федерации родители обязаны заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном, нравственном развитии детей, а также обеспечить детям получение основного общего образования. Семья, в которой родители не исполняют свои обязанности по воспитанию, обучению, содержанию, жестоко

обращаются или отрицательно влияют на несовершеннолетних детей, считается находящейся в социально-опасном положении. Главной целью заботы родителей является обеспечение интересов своих детей, поэтому права и обязанности родителей не должны противоречить интересам несовершеннолетних. Родители не имеют права причинять физический и психический вред детям и их нравственному развитию [3]. Согласно Семейному кодексу Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ родители, которые осуществляют свои права и исполняют обязанности в ущерб правам и интересам детей, несут в установленном законом порядке ответственность¹.

Методы

В качестве методов исследования в настоящей работе выбраны общенаучные методы (анализ, синтез), а также специальные научные методы (сравнительно-правовой, статистический и др.). Выбранные методы позволяют всесторонне изучить предмет настоящего исследования, поскольку рассмотрение поставленных вопросов лежит в сфере административной деятельности полиции.

Результаты

Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав (далее – КДН и ЗП) принимает решение о применении мер воздействия на родителей за нарушение норм семейного законодательства на заседаниях комиссии при рассмотрении протоколов об административных правонарушениях при участии не менее двух третей от числа ее членов [4]. К родителям, не выполняющим или ненадлежащим образом выполняющим обязанности по воспитанию, обучению и содержанию своих несовершеннолетних детей, применяются меры административного наказания в соответствии с ч. 1 ст. 5.35 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях «Неисполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по со-

¹ Семейный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

держанию и воспитанию несовершеннолетних» в виде предупреждения или наложения административного штрафа [5]. Так, в 2023 году за совершение административных правонарушений по этому составу было привлечено 412,3 тыс. родителей¹.

Таким образом, профилактическая работа с родителями несовершеннолетнего является важной составляющей формирования его личности. Органам системы профилактики безнадзорности и правонарушений необходимо поддерживать тесный контакт с семьями, в которых растут дети, особенно с родителями, оказывающими отрицательное влияние на их развитие и воспитание [6].

Повышенного внимания требует взаимодействие подразделений по делам несовершеннолетних с образовательными организациями по вопросам предупреждения правонарушений со стороны обучающихся. Важно своевременно выявлять и пресекать совершенные обучающимися административные правонарушения, поскольку в дальнейшем административное правонарушение может стать началом преступной деятельности [7]. Так, значительное количество фигурантов преступлений составляют учащиеся (71,3 % или 15,9 тыс.). В этой связи усилия сотрудников органов внутренних дел целесообразно направить на изучение контингента, состоящего на внутришкольных учетах учреждений образования.

При выстраивании совместной межведомственной работы следует учитывать, что ресурсное обеспечение учебных заведений в последнее время значительно улучшилось: введены должности советников директоров по воспитанию и взаимодействию с детскими общественными объединениями, повышается компетенция школьных психологов. Поэтому в работе с подростками «группы риска» надлежит максимально задействовать их ресурсы.

Зачастую педагоги пренебрегают профилактической работой с неблагополучными семьями в связи с дополнительными временными затратами, а с детьми с отклоняющимся поведением ограничиваются работой в стенах учебного учреждения. Из-за этого падает уровень профилактического воздействия на несовершеннолетних. Однако этот факт не уменьшает роли органов образования в системе профилактики.

Сложно переоценить деятельность органов социальной защиты населения, которые осуществляют профилактические меры по предотвращению безнадзорности несовершеннолетних и организуют индивидуальную профилактическую работу в отношении безнадзорных и беспризорных несовершеннолетних, их родителей (законных представителей), не исполняющих своих обязанностей по воспитанию, содержанию детей, а также отрицательно влияющих на их поведение либо жестоко обращающихся с ними². На каждую семью, которая ставится на учет органами социальной защиты населения, оформляется социальный паспорт, в котором обязательны следующие документы:

- первичный акт обследования жилищно-бытовых условий семьи;
- план работы с семьей, который составляется совместно органами системы профилактики;
- акты посещения семьи.

Семьи, состоящие на учете, посещаются специалистами два раза в год, и после каждого посещения составляется акт обследования семьи. Затем проводится анализ и решается вопрос о продолжении работы с данной семьей или снятии ее с учета. Вся информация направляется в КДН и ЗП.

Обязательно обоснование причин постановки несовершеннолетнего на учет, а также его характеристика. На всех таких обучаю-

¹ Аналитический обзор о деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел в 2023 году // Официальный сайт МВД России. URL: <http://mvd.ru> (дата обращения: 20.04.2024).

² Взаимодействие КДН и ЗП и органов и учреждений социальной защиты населения : методическое пособие // Сайт Межведомственной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав. URL: <http://mkd№.mos.ru/dow№loads/5.pdf> (дата обращения: 20.04.2024).

щихся заводятся карточки учета. Совместно с другими органами системы профилактики и КДН и ЗП составляется план индивидуально-профилактической работы, на основании которого ведется профилактическая и психолого-педагогическая работа с обучающимися, состоящими на учете.

На территориях соответствующих регионов создаются системы органов, осуществляющих социальное обслуживание семей и детей (территориальные центры социальной помощи семье и детям, центры психолого-педагогической помощи семьям и детям, центры экстренной психологической помощи, иные учреждения социального обслуживания), разрабатываются и осуществляются целевые программы в сфере защиты семей и детей [8].

Помимо этого, в функции органов социальной защиты населения входят:

- организация посещений семей специалистами органов социальной защиты населения;

- доведение до сведения других органов системы профилактики о выявленных семьях и несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении, совместно с которыми разрабатываются планы индивидуальной профилактической работы, о фактах жестокого обращения с несовершеннолетними;

- сбор объективной информации о семье, проведение профилактических бесед с родителями (законными представителями);

- совместно с образовательными учреждениями оказание психологической и социально-педагогической помощи, Проведение тренингов, индивидуальных и семейных консультирований, диагностики личности и родительских отношений, коррекции поведения детей.

- осуществление выплат детских пособий, оказание материальной и иной помощи, обеспечение одеждой и т. п.;

- организация досуга и отдыха детей и родителей, предоставление бесплатных путевок в загородные оздоровительные лагеря, санаторно-курортные учреждения, детские площадки.

Когда проводится профилактическая работа, обязательно учитывается трудовая занятость несовершеннолетних и родителей (законных представителей) [9]. Труд позволяет несовершеннолетнему реализовывать свой потенциал, вырабатывать необходимые навыки и умения. При этом труд несовершеннолетних должен соответствовать способностям ребенка и трудовому законодательству Российской Федерации. В связи с этим органы службы занятости населения также являются частью профилактической системы.

В соответствии с Федеральным законом от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики беспризорности и правонарушений несовершеннолетних»¹, а также Федеральным законом от 12 декабря 2023 г. № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации»² в функции органов занятости населения входят:

- участие в профессиональной ориентации несовершеннолетних;

- содействие трудоустройству несовершеннолетних и родителей (законных представителей);

- информирование о состоянии рынка труда, наличии рабочих мест для трудоустройства, возможности получения профессионального обучения по специальностям, востребованным на рынке труда;

- заключение договоров с предприятиями и организациями по созданию рабочих мест для несовершеннолетних;

- организация и осуществление совместно с КДН и ЗП надзора за соблюдением режима и условий труда несовершеннолетних;

- предоставление информации об организации трудоустройства несовершеннолет-

¹ Об основах системы профилактики беспризорности и правонарушений несовершеннолетних : федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О занятости населения в Российской Федерации : федеральный закон от 12 декабря 2023 г. № 565-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

них, состоящих на учете в органах системы профилактики, в КДН и ЗП.

Если обратиться к деятельности так называемых специализированных субъектов профилактики правонарушений несовершеннолетних, то в системе органов внутренних дел (далее – ОВД) можно выделить следующие [12]:

- инспекторы по делам несовершеннолетних;
- патрульно-постовые наряды полиции;
- дежурные части территориальных ОВД, а также ОВД на транспорте;
- сотрудники ГИБДД;
- участковые уполномоченные полиции;
- сотрудники полиции по оперативной работе;
- следственные подразделения, подразделения дознавателей ОВД;
- представители подразделений ОВД по вопросам миграции.

Взаимодействие подразделений осуществляется на основе [11]:

- взаимности при обмене необходимой информацией о происшествиях;
- проведении инструктажей и совещаний коллективно;
- совместной подготовки разного рода документов, обмене информацией;
- совместного обзора и дачи оценки оперативной обстановки, с выявлением четкого состояния безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в непосредственной зоне обслуживания;
- подготовки точного плана по любому из мероприятий как одиночных, так и комплексных, с необходимым привлечением сил и средств из состава сотрудников ОВД в осуществлении ежемесячных, еженедельных рейдов или, как их называют, «операций», таких как: «Подросток», «Подросток – семья», «Внимание, дети!», «SOS», «Зимние каникулы», «Летние каникулы», «Безнадзорные дети», «Полиция – дети»; «Геймер», «Сфера безопасности», «Жизнь без наркотиков», «Мак» и др.

Нагрузка на инспекторский состав подразделений по делам несовершеннолетних территориальных органов МВД России по

находящимся на контроле подросткам и родителям в ретроспективе последних 10 лет оптимизировалась на 21,2 % (с 21,2 до 16,7 профилактируемых лиц).

Наиболее напряженно в этой части работают инспекторы ПДН республик Башкортостан (25,8), Марий Эл (27,3), Тыва (25,6), Удмуртской (28), Чувашской (25,2) республик, Алтайского края (33,6), Архангельской (28,7), Кировской (35,6), Костромской (25,6), Курганской (41,1), Саратовской (25,7), Омской (26,1), Ульяновской (34,3) областей, г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области (42,2).

Кратно сократились данные значения в Забайкальском (с 36,8 до 15,4), Камчатском (с 21,6 до 10,2) краях, Липецкой (с 54,9 до 21,8), Новосибирской (с 48,9 до 17,7), Самарской (с 41,1 до 16,5) областях. При этом в республиках Дагестан (6,2), Ингушетия (3), Северная Осетия – Алания (5,8), Кабардино-Балкарской (4,2), Чеченской (0,3) республиках, Краснодарском (6,3), Ставропольском (6,2) краях, Калининградской области (6) и федеральной территории «Сириус» (4,7) этот показатель стабильно не превышает 7 подучетных.

Заключение

Важное значение в предупреждении правонарушений несовершеннолетних имеет своевременная постановка на профилактический учет. Согласно пункту 2.2 Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации решение о постановке субъекта на профилактический учет принимается руководителем территориального органа МВД России для предупреждения новых правонарушений.

Несвоевременность постановки на учет несовершеннолетних, допустивших нарушения общественного порядка, направленные на дестабилизацию обстановки в обществе, не позволяет оперативно принимать к виновным меры профилактического воздействия [12]. Такие факты отмечены в ряде регионов, когда правонарушители были поставлены на профилактический учет спустя месяц после составления про-

токолов об административных правонарушениях по статьям 20.2 «Нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга...» и 20.3.3 «Публичные действия, направленные на дискредитацию Вооруженных Сил Российской Федерации».

Следует учитывать, что в современных условиях практика передачи сведений на бумажных носителях утратила актуальность, обмен служебной информацией переведен в автоматизированный электронный формат.

Модуль «Инспектор ПДН» СООП содержит информацию о профилируемых ПДН гражданах [13].

Таким образом, для повышения эффективности профилактической деятельности в отношении лиц, состоящих на профилактическом учете, необходимо реализовывать весь предусмотренный нормативными правовыми актами в данной сфере комплекс мер, в том числе задействовать потенциал структурных подразделений органов внутренних дел.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Каримова Г. Ю. Реализация мер предупреждения правонарушений несовершеннолетних // Право: ретроспектива и перспектива. 2021. № 3 (7). С. 29–34.
2. Каневский Л. Л. Актуальные проблемы совершенствования ранней профилактики преступлений и иных правонарушений несовершеннолетних // Правоведение. 1999. № 1. С. 151–159.
3. Михалева Г. Г. К вопросу о содержании административно-правовых средств и способов обеспечения и защиты прав несовершеннолетних // Административное право и процесс. 2021. № 4. С. 21–23.
4. Шайкова М. В. Деятельность комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав (на примере муниципального образования г. Курска) // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2020. № 2. С. 23–27.
5. Занина Т. М., Бутова М. В. К вопросу о компетенции органов внутренних дел (полиции) по предупреждению и пресечению административных правонарушений несовершеннолетних // Административное право и процесс. 2020. № 10. С. 22–25.
6. Ергашев Е. Р., Бобина Р. В. Проблемы профилактики семейного неблагополучия, безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2019. № 3. С. 59–63.
7. Кострова О. В. Правовые нюансы применения института официального предупреждения в отношении несовершеннолетних // Административное право и процесс. 2022. № 7. С. 50–53.
8. Дерюга А. Н., Шаклеин С. Н. Административная пенология: современные предпосылки исследования // Административное право и процесс. 2021. № 5. С. 28–33.
9. Вальков А. П., Димитров А. Н., Сотников С. С. Актуальные вопросы реализации права полиции объявлять физическому лицу официальное предупреждение о недопустимости антиобщественного поведения // Российская юстиция. 2020. № 9. С. 50–52.
10. Лебедев С. Я., Кикоть В. Я. Предупреждение преступлений и административных правонарушений органами внутренних дел : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2012. 488 с.
11. Кокорев А. Н., Родионова Е. Ю. Совершенствование правоприменения в сфере профилактической деятельности органов внутренних дел // Административное право и процесс. 2020. № 1. С. 53–55.
12. Переседов А. М. Институт превенции в законодательстве о контроле (надзоре) // Административное право и процесс. 2021. № 12. С. 51–54.
13. Обыденнова Т. В. К вопросу о профилактике совершения административных правонарушений несовершеннолетними // Административное и муниципальное право. 2015. № 12. С. 1244–1248.

REFERENCES

1. Karimova G. Yu. Implementation of measures to prevent juvenile delinquency // Law: retrospective and perspective. 2021. No. 3 (7). P. 29–34. (In Russ.)
2. Kanevsky L. L. Actual problems of improving early prevention of crimes and other offenses of minors // Jurisprudence. 1999. No. 1. P. 151–159. (In Russ.)

3. Mikhaleva G. G. On the issue of the content of administrative and legal means and methods of ensuring and protecting the rights of minors // Administrative law and process. 2021. No. 4. P. 21–23. (In Russ.)
4. Shaikova M. V. Activity of commissions on juvenile affairs and protection of their rights (on the example of the municipal formation of Kursk) // Municipal service: legal issues. 2020. No. 2. P. 23–27. (In Russ.)
5. Zanina T. M., Butova M. V. On the issue of the competence of internal affairs bodies (police) to prevent and suppress administrative offenses of minors // Administrative law and process. 2020. No. 10. P. 22–25. (In Russ.)
6. Ergashev E. R., Bobina R. V. Problems of prevention of family problems, neglect and juvenile delinquency // Electronic appendix to the Russian Law Journal. 2019. No. 3. P. 59–63. (In Russ.)
7. Kostrova O. V. Legal nuances of the application of the institute of official warning in relation to minors // Administrative law and process. 2022. No. 7. P. 50–53. (In Russ.)
8. Deryuga A. N., Shaklein S. N. Administrative penology: modern research prerequisites // Administrative law and Process. 2021. No. 5. P. 28–33. (In Russ.)
9. Valkov A. P., Dimitrov A. N., Sotnikov S. S. Topical issues of the implementation of the right of the police to declare an official warning to an individual about the inadmissibility of antisocial behavior // The Russian justice system. 2020. No. 9. P. 50–52. (In Russ.)
10. Lebedev S. Ya., Kikot V. Ya. Prevention of crimes and administrative offenses by internal affairs bodies : textbook. 2nd ed., reprint. and additional. M., 2012. 488 p. (In Russ.)
11. Kokorev A. N., Rodionova E. Yu. Improving law enforcement in the field of preventive activities of internal affairs bodies // Administrative law and process. 2020. No. 1. P. 53–55. (In Russ.)
12. Peresedov A. M. Institute of prevention in legislation on control (supervision) // Administrative law and process. 2021. No. 12. P. 51–54. (In Russ.)
13. Obydenova T. V. On the issue of preventing the commission of administrative offenses by minors // Administrative and municipal law. 2015. No. 12. P. 1244–1248. (In Russ.)

Информация об авторе:

Каримова Г. Ю. – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:

Karimova G. Yu. – Candidate of Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 22.05.2024; одобрена после рецензирования 07.06.2024; принята к публикации 27.09.2024.

The article was submitted 22.05.2024; approved after reviewing 07.06.2024; accepted for publication 27.09.2024.

Научная статья

УДК [343.985.7:343.575]:159.925.07

Ольга Сергеевна Зиберова¹, Эльвира Дамировна Нугаева²

¹ Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, Калининград, Россия, olga_ziberova@mail.ru

² Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия, elvira.nugaeva.76@mail.ru

**НАБЛЮДЕНИЕ КАК МЕТОД ПРОФАЙЛИНГА
В РАМКАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ
НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ
НА ОБЪЕКТАХ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ**

Аннотация. Статья посвящена методу наблюдения в методике профайлинга при противодействии незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ на объектах транспортной инфраструктуры. Профилирование объектов транспортной инфраструктуры является важным инструментом для обеспечения общественной безопасности. Профайлинг – это наука, которая изучает поведение людей в разных ситуациях, их реакции на различные стимулы и факторы. Наблюдение является одним из основных методов профайлинга и его использование как метода профилирования может повысить точность и эффективность анализа объектов транспортной инфраструктуры, что, в свою очередь, может привести к улучшению безопасности и экономичности транспортных систем. Анализ юридической практики показывает, что именно транспортные сети чаще всего используются при незаконном обороте наркотических средств и психотропных веществ, в связи с чем активное внедрение технологий, обеспечивающих продуктивное противодействие данному негативному явлению, представляется весьма актуальным направлением. В работе предложены алгоритмы применения наблюдения в рамках реализации криминалистического профайлинга на транспорте при противодействии незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ. Сделан вывод об универсальности метода наблюдения и его легкой адаптации в качестве инструмента для обеспечения безопасности и действенной работы транспортных систем в целом.

Ключевые слова: наблюдение, метод профайлинга, противодействие, незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, криминалистический профайлинг, транспорт, метод наблюдения, объекты транспортной инфраструктуры, профилирование

Для цитирования: Зиберова О. С., Нугаева Э. Д. Наблюдение как метод профайлинга в рамках противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ на объектах транспортной инфраструктуры // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2024. № 3 (19). С. 27–36.

Original article

Olga S. Ziberova¹, Elvira D. Nugaeva²

¹ Kaliningrad Branch of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kaliningrad, Russia, olga_ziberova@mail.ru

² Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia, elvira.nugaeva.76@mail.ru

SURVEILLANCE AS A PROFILING METHOD IN THE FRAMEWORK OF COUNTERING ILLICIT TRAFFICKING OF NARCOTIC DRUGS AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES AT TRANSPORT INFRASTRUCTURE FACILITIES

Abstract. The article is devoted to the surveillance method in the profiling methodology when combating illegal trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances at transport infrastructure facilities. Profiling of transport infrastructure facilities is an important tool for ensuring public safety. Profiling is a science that studies human behavior in different situations, their reactions to various stimuli and factors. Surveillance is one of the main profiling methods and its use as a profiling method can increase the accuracy and efficiency of the analysis of transport infrastructure facilities, which, in turn, can lead to improved safety and efficiency of transport systems. Analysis of legal practice shows that it is transport networks that are most often used in the illegal trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances, in connection with which the active implementation of technologies that ensure productive counteraction to this negative phenomenon seems to be a very relevant direction. The paper proposes algorithms for the use of surveillance in the framework of the implementation of forensic profiling in transport when countering the illegal trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances. A conclusion is made about the universality of the surveillance method and its easy adaptation as a tool for ensuring the safety and efficient operation of transport systems as a whole.

Keywords: surveillance, profiling method, counteraction, illegal trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances, forensic profiling, transport, surveillance method, transport infrastructure facilities, profiling

For citation: Ziberova O. S., Nugaeva E. D. Surveillance as a profiling method in the framework of countering illicit trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances at transport infrastructure facilities // Society, law, statehood: a retrospective and perspective. 2024. No. 3 (19). P. 27–36. (In Russ.)

Введение

Скопление людей в общественном пассажирском транспорте, а также в местах, относящихся к транспортной среде (метро, аэропорты, автовокзалы, железнодорожные вокзалы, причалы, остановки и станции и прочее), создает благоприятные условия для незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (далее – НС и ПВ). Использование знаний в сфере криминалистического профайлинга в рамках применения наблюдения как метода профайлинга в целях выявления и раскрытия преступлений на объектах транспортной инфраструктуры неоспоримо и научно обоснованно. Криминалистический профайлинг является продуктивной современной методикой, интегрирование которой в деятельность сотрудников полиции позволит поднять на новый качественный уровень результаты работы по раскрытию преступлений в сфере незаконного оборота НС и ПВ на объектах транспортной инфраструктуры, а также будет способствовать выявлению и пресечению иных преступлений и правонарушений.

Исследованию возможностей профайлинга в рамках обеспечения безопасности на объектах транспортной инфраструктуры посвящены работы О. Р. Афанасьевой [1], В. В. Загайнова [2]. Применение психотехник наблюдения и психологического портретирования получило свое развитие благодаря трудам ученых: А. М. Столяренко и Н. Д. Эриашвили [3], А. Е. Юрицина, А. В. Куяновой, В. О. Зверева, О. Г. Половникова [4]. Использование технологий профайлинга в деятельности подразделений полиции представлено в научных трудах В. Л. Цветкова, В. В. Кардашевского, Т. А. Хрустальной, А. М. Низаметдинова, И. В. Потапенковой, С. Г. Гусевой [5] и др. Однако, принимая во внимание многогранность вопросов, связанных с криминалистическим профайлингом, наблюдение как метод профайлинга рассмотрен недостаточно. Кроме того, отмечается низкая проработанность возможностей этого метода в рамках выявления преступлений в сфере незаконного оборота НС и ПВ на объектах транспортной инфраструктуры, в связи с чем видится целесообразным продолжать исследование в этой области.

Гипотеза исследования состоит в предположении о том, что наблюдение как метод профайлинга способно существенным образом повысить эффективность противодействия незаконному обороту НС и ПВ на объектах транспортной инфраструктуры.

Теоретическая значимость работы заключается в обобщении опыта по применению метода наблюдения в рамках профилирования объектов транспортной инфраструктуры на предмет выявления фактов незаконного оборота НС и ПВ.

Практическая значимость состоит в возможностях его использования сотрудниками полиции в повседневной служебной деятельности при выявлении и раскрытии преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков на объектах транспортной инфраструктуры. Наибольшая продуктивность метода наблюдения как метода профайлинга определяется на этапе подготовки и начальной стадии исполнения преступлений, а также при раскрытии преступлений в сфере незаконного оборота НС и ПВ на объектах транспортной инфраструктуры по «горячим следам».

Методы

Для достижения поставленной цели был проведен анализ отечественной и зарубежной научной литературы по предмету исследования, а также использовались общенаучные методы познания, такие как индукция и дедукция, анализ и синтез, системно-структурный метод, а также частно-научные методы исследования: формально-логический и логико-юридический, а также метод сравнительного правоведения.

Результаты

На сегодняшний день транспортная инфраструктура является одним из наиболее важных элементов в экономике и социальной жизни общества, неотъемлемой частью социально-экономической обстановки [6, с. 78]. Она обеспечивает перемещение людей и товаров, что считается необходимым условием для функционирования экономики и общества в целом. По мнению О. Р. Афанасьевой, транспортные сети не только играют важную роль в социальной, политической и экономи-

ческой жизни страны, но и обеспечивают развитие общества в целом [2, с. 45–53].

Одновременно транспортная инфраструктура выступает потенциальным источником угроз безопасности и стабильности общества в части незаконного оборота наркотиков. В связи с чем недопустимо влияние преступного контингента, в том числе организованных преступных групп, занимающихся наркотрафиком, на отечественную транспортную инфраструктуру. Важнейшим путем противодействия незаконному обороту НС и ПВ на объектах транспортной инфраструктуры является своевременное выявление преступлений этой категории, в частности, посредством наблюдения в рамках применения методики профайлинга.

Профайлинг – это процесс идентификации и оценки личности человека на основе анализа его поведения, характеристик и других признаков. В контексте объектов транспортной инфраструктуры профайлинг может включать в себя наблюдение за поведением пассажиров, водителей и других лиц, потенциально вовлеченных в незаконный оборот НС и ПВ.

Наблюдение в технологии профайлинга занимает особое место, являясь самым информативным методом. Оно позволяет получить информацию о поведении людей в реальном времени, что содействует выявлению потенциальных угроз. Наблюдение может быть использовано для анализа поведения людей на основе различных параметров, таких как скорость движения, время пребывания на объекте, количество остановок и т. п.

Однако использование наблюдения как метода профайлинга имеет свои ограничения. Оно не всегда может дать полную картину поведения человека. В случаях, когда человек находится на значительном расстоянии, наблюдение может не выявить его истинных намерений.

Одна из задач сотрудников полиции в ходе выявления и раскрытия преступлений в сфере незаконного оборота НС и ПВ на объектах транспортной инфраструктуры – установление путей наркотрафика и лиц, причастных к нему. В этой связи важно учитывать «сла-

бые» стороны отечественной транспортной системы сквозь призму потенциальной незащищенности от наркотрафика.

Особенности незаконного оборота НС и ПВ на объектах транспортной инфраструктуры:

– в 94 % случаев НС и ПВ обнаруживают при попытках ввоза на территорию России;

– более чем в 90 % случаев преступники используют железнодорожный транспорт;

– в 92 % случаев курьерами выступают граждане стран СНГ;

– более 80 % наркокурьеров – мужчины, однако активно привлекаются и женщины зрелого возраста;

– довольно распространена «муравьиная» схема транспортировки наркотиков, когда партия наркотиков делится на части между курьерами [3, с. 3–13];

– при перевозке курьером крупной партии наркотиков его могут дистанционно сопровождать «наблюдатели», о которых сам курьер может не догадываться;

– количество наркокурьеров – «глотателей» и «запихивателей» – в одной партии наркотиков может достигать до нескольких десятков, в связи с чем при задержании одного подозреваемого необходимо наблюдать за реакцией окружающих лиц;

– представителями «профессиональных» наркокурьеров, по мнению А. Г. Харатишвили [7, с. 9], выступают лица, часто пересекающие границу в связи со служебной необходимостью, спортивной или иной деятельностью;

– в последнее время активно нарастают альтернативные маршруты для трафика наркотиков, например, морские [8, с. 77];

– в случае передвижения наркокурьера личным автомобильным транспортом сопровождение соучастниками может осуществляться также на других автомобилях.

Выделим основные факторы, способствующие совершению преступлений в сфере незаконного оборота НС и ПВ на объектах транспортной инфраструктуры:

– стационарные рамки металлоискателей и рентген-установки в большинстве своем установлены только в аэропортах, на

автовокзалах, железнодорожных вокзалах мегаполисов, крупных городов. Если человек использует наземный общественный транспорт (автобус, троллейбус, трамвай, маршрутное такси), пригородные поезда, отъезжающие с небольших пригородных остановок, то он может избежать проверки багажа и личного осмотра (досмотра);

– использование маскировки и четко выстроенной легенды нередко позволяет избегать досмотровых мероприятий или проходить их формально (путешествие семьи с детьми; пассажир-инвалид; профессиональные спортсмены с экипировкой; люди в форме, демонстрирующей принадлежность к силовым структурам, и прочее);

– объекты транспортной инфраструктуры чаще всего не имеют глухого ограждения, что может позволить перебросить незаконную кладь или багаж на территорию вокзала или передать ее соучастнику, после чего пройти досмотр;

– городской и сельский транспорт не оснащен средствами обнаружения запрещенных к обороту предметов и веществ;

– на объектах транспортной инфраструктуры большой пассажиропоток и грузооборот, что снижает бдительность сотрудников полиции особенно в часы-пик, повышает возможность для сокрытия преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков;

– различным видам транспорта присущи свои конструктивные особенности, что позволяет злоумышленникам формировать схроны и тайники для сокрытия, перевозки НС и ПВ или их аналогов, растений, содержащих НС и ПВ, выявить которые без стационарных пунктов досмотра транспортных средств (как на границах) практически невозможно;

– в период карантинных мер и масочного режима наркокурьеры могут успешно скрывать свою внешность от сотрудников полиции, осуществляющих поиск искомых лиц по ориентировкам, тем самым снижается эффективность выявления лиц, потенциально причастных к незаконному обороту НС и ПВ, по их физиогномическим проявлениям при криминалистическом профилировании;

– наркокурьеры, по исследованиям Л. Д. Харевича [9, с. 22–24], выбирают рейсы, при которых пересечение границы и контрольно-пропускного режима будет приходиться на сложное для физиологии человека время – раннее утро, ночь, поздний вечер. Развивая мысль Л. Д. Харевича, дополним, что наркокурьеры могут владеть информацией о времени пересменки между нарядами на объектах транспортной инфраструктуры, когда бдительность сотрудника полиции снижена;

– на объектах транспортной инфраструктуры размещаются торговые точки и заведения общепита, деятельность которых также почти не контролируется с точки зрения потенциальной причастности к незаконному обороту НС и ПВ. В рамках поставок товара, продуктов и продукции на территорию вокзала, аэропорта, порта могут быть провезены НС и ПВ, а также растения, содержащие НС и ПВ, под видом товаров, продуктов и прочее. Полагаем, в целях исключения подобных фактов необходимо служебные грузы подвергать пассивной проверке, например, посредством устройств обнаружения скрытых веществ, сканеров [5, с. 27], а в случае необходимости – активной, то есть путем применения служебных собак, досмотровых мероприятий.

С учетом указанных факторов реализация метода наблюдения при применении методики профайлинга напрямую связана с продуктивностью противодействия незаконному обороту НС и ПВ на объектах транспортной инфраструктуры. Примечательно, что А. М. Столяренко и Н. Д. Эриашвили [10, с. 215–219] рассматривают термин «психотехника наблюдения» как научно обоснованное психологическое средство, а также приемы и действия в сфере созерцания, то есть наблюдения. «Психотехника наблюдения» ими используется как методика, применимая в целях выявления потенциально опасных лиц на объектах транспортной инфраструктуры, в том числе при задействовании технологии профайлинга. К потенциально опасным лицам авторы относят граждан, которые намере-

ваются совершить террористический акт или планируют использовать социально значимый объект в криминальных целях. Полагаем, социально значимые объекты, в том числе объекты транспортной инфраструктуры, могут быть использованы и как средство достижения криминальных целей. Например, в сфере незаконного оборота НС и ПВ представители криминала задействуют объекты транспортной инфраструктуры для перевозки запрещенных гражданским оборотом веществ, перемещения самих наркокурьеров. Интересно, что А. М. Столяренко и Н. Д. Эриашвили выделяют наблюдение в целом как базовую технологию профайлинга, позволяющую решать стоящие перед профайлером задачи. Можно сделать вывод, что психотехника наблюдения и наблюдение в рамках реализации методики профайлинга являются схожими понятиями.

Схожее понятие «психологическое наблюдение» рассматривают А. Е. Юрицин, А. В. Ульянова, В. А. Зверев, О. Г. Половников [3, с. 44–48]. Авторы в понятие «психологическое наблюдение» включают изучение психических и поведенческих реакций потенциального преступника (террориста) на транспорте при реализации методики профайлинга преимущественно в местах скопления людей. Указанная позиция несколько сужает возможности наблюдения, делает его менее универсальным.

Наблюдение на объектах транспортной инфраструктуры по объектам наблюдения может делиться на следующие виды:

– наблюдение за скоплением людей (пропускной пункт, стойка регистрации, переполненное транспортное средство, места посадки и высадки пассажиров). Некоторые авторы выделяют понятие «массовый профайлинг» [4, с. 62], то есть наблюдение за людьми, находящимися в одной ситуативной группе, с целью выявления в их поведении и внешнем облике явных расхождений от основной ситуативной группы, например, одежда не по сезону, наличие подозрительных предметов в руках, сигнальное поведение и прочее;

– наблюдение за малыми группами, например, семья из нескольких человек, друзья, представители рабочего коллектива, спортсмены нередко действуют в рамках выбранной легенды;

– наблюдение за парой, например, родителем с ребенком, супружеской парой, двумя подругами или друзьями и т. п.;

– наблюдение за человеком с домашним животным, грудным ребенком или человеком, сопровождающим престарелого пассажира, человека в инвалидном кресле. Так, сумки-переноски с животными и переноски для детей практически не подвергаются досмотровым мероприятиям, чем могут пользоваться преступники, пряча в них НС и ПВ, а также иные предметы, запрещенные к гражданскому обороту;

– наблюдение за одиноким человеком, в том числе имеющим невербальный дистанционный контакт с соучастником.

Наблюдение может выступать методом профайлинга, а также самостоятельным методом, который может усиливаться технологиями профайлинга в случае изменения оперативной обстановки. Так, в своей профессиональной деятельности сотрудники транспортной полиции на объектах обслуживаемой территории используют метод наблюдения постоянно, в том числе отдельно от методики профайлинга. Но в случае возникновения необходимости обычное профессиональное наблюдение сотрудника транспортной полиции может усиливаться методикой профайлинга. В таком случае наблюдение приобретает черты психотехники наблюдения, а также психологического наблюдения, описанных выше.

Наблюдательность сотрудника транспортной полиции, инициирующая применение наблюдения в рамках технологии профайлинга, направлена на:

– сбор максимальных сведений о подозреваемом лице;

– проверку версий по подготавливаемому, совершаемому или совершенному преступлению в сфере незаконного оборота наркотиков;

– идентификацию наркокурьера по ориентировке.

Профайлер может наблюдать за людьми как непосредственно, так и опосредованно, например, по камерам видеонаблюдения системы «Безопасный город», которые обладают высоким разрешением, способностью продемонстрировать качественное изображение, приближением картинки, широким обзором. Опосредованное наблюдение необходимо использовать как дополнительное средство контроля за общественным порядком и общественной безопасностью на объектах транспортной инфраструктуры.

Успешность наблюдения определяется принципами, на которые должен полагаться сотрудник полиции-профайлер:

– включенность в процесс наблюдения и анализ визуальных данных;

– спокойствие – процесс наблюдения должен основываться на физическом и психическом спокойствии сотрудника полиции;

– динамизм – не проявляя физически активного наблюдения и анализа поведения людей на объектах транспортной инфраструктуры, сотрудник полиции должен найти возможность оценить исходные данные на различном расстоянии. Диспозиция наблюдения должна меняться;

– неспешность – темп наблюдения должен быть тем медленнее, чем активнее наблюдаемый субъект;

– повторяемость – неоднократное наблюдение и повторный анализ визуальных данных.

Как специальный метод наблюдения в профайлинге можно выделить метод сквозного включенного наблюдения, который применяется в часы-пик на объектах транспортной инфраструктуры, в период нахождения максимального числа людей.

Сквозное включенное наблюдение на объектах транспортной инфраструктуры – это сосредоточенное наблюдение за непрерывным потоком людей с целью выявления искомых и (или) подозреваемых лиц в незаконном обороте наркотиков лиц, в том числе:

– лиц, передающих друг другу ручную кладь или багаж без вербального контакта по цепочке;

– людей, пристально наблюдающих за своим или чужим багажом;

– лиц, ищущих возможность обойти камеры видеонаблюдения, избегающих визуального контакта с сотрудниками органов внутренних дел;

– лиц, использующих медицинские маски и перчатки, кепки с козырьками и большие темные очки, а также иные средства, способные затруднить идентификацию личности человека, усложняющие анализ его внешнего физического и эмоционального состояния;

– людей, одетых не по погоде, в чрезмерно объемную одежду или имеющих одежду и носимые вещи, сильно резонирующие по стилю, времени года;

– лиц, оставляющих на время без присмотра личные вещи, ручную кладь, багаж;

– лиц, передавших квитанцию от багажа иным лицам или оставившим ее в определенном месте;

– лиц, зашедших в одно из помещений объекта транспортной инфраструктуры с личными вещами, багажом, а вышедших без вещей и багажа или с иными предметами;

– лиц без ручной клади, использующих «камуфлированный» багаж, когда объем и размер ручной клади не соответствует весу и содержанию (при обследовании);

– лиц, осторожно обращающихся с багажом, медленно или заторможено перемещающихся и (или) аккуратно присаживающихся в кресло в зале ожидания (сначала на одну ягодицу, потом на другую) и поднимающихся с кресел. Это могут быть наркокурьеры-глотатели, провозящие наркотики в своем теле путем их заглатывания и «запихиватели», те что помещают наркотики в естественные полости. Как правило, внутри организма перевозят три вида наркотиков: кокаин, героин и каннабиноиды [5, с. 8]. Такие наркокурьеры боятся напрягать мышцы тела в целях избегания внутриполостного разрыва контейнера с наркотиками [11, с. 342–347], стремятся не поднимать тяжести, минимизировать тонус мышц тела;

– лица или лиц, пристально наблюдающего (их) за конкретным человеком – нередко наркокурьера сопровождают «наблюдате-

ли» из числа отправителей наркотиков или получателей;

– лиц, инстинктивно прощупывающих ручную кладь, носимые вещи, поверяющих содержимое за пазухой, касающихся своего живота и т. п. – они могут оказаться наркокурьерами-наркоманами;

– лиц, проявляющих чрезмерную нервозность или выраженную заторможенность в действиях и реакциях на внешние раздражители и окружающую обстановку.

В случае использования наркокурьерами в транзитной цепи индивидуальных транспортных средств важную роль в выявлении и раскрытии преступлений в сфере незаконного оборота НС и ПВ играет реализации метода наблюдения сотрудниками Государственной автоинспекции. Так, при проверке автомобиля сотрудниками Государственной автоинспекции наркокурьер при контакте с полицейским может транслировать различные реакции, в зависимости от психотипа личности – быть многословным, чрезмерно суетливым, отвлекать полицейских различными вопросами или просьбами (показать дорогу, узнать о ближайшей автозаправочной станции и прочее), проявлять заторможенность, нервозность, испуг и т. п. [12, с. 60]. Не исключены ситуации, когда за рулем может оказаться наркокурьер-наркоман. В таком случае могут проявляться признаки наркотического опьянения: нарушение речи, неустойчивая поза, замедленные реакции при отсутствии запаха алкоголя; отмечается выраженное расширение или сужение зрачков глаз; отрицательные результаты теста на координацию движения. В Великобритании полицейские применяют тест с этими параметрами при подозрениях на наркотическое опьянение водителей [13, с. 60–73]. В России порядка 10 % водителей управляют транспортными средствами в состоянии наркотического опьянения [14, с. 33], в связи с чем актуальность применения метода наблюдения в рамках технологии профайлинга сотрудниками Государственной автоинспекции высока.

Наибольшую эффективность наблюдение как метод профайлинга при противодей-

ствии незаконному обороту НС и ПВ на объектах транспортной инфраструктуры может иметь место на этапе рамочного досмотра, в формате скрытого наблюдения в зале ожидания аэропорта, железнодорожного вокзала, автовокзала. Периоды большого скопления людей на объектах транспортной инфраструктуры (время прилета самолета, прибытия поезда, автобуса дальнего следования) выступают наиболее благоприятными моментами для активизации наркотрафика, в связи с чем сотрудники органов внутренних дел должны повышать продуктивность профессионального наблюдения, сосредоточенно анализируя окружающую обстановку и людей. Следует работать не только непосредственно, но и опосредованно, наблюдая за обстановкой через камеры видеонаблюдения, в том числе через системы «Безопасный город». По мнению аналитиков McKinsey, в городах, внедривших системы «Безопасный город» и «Умный город», прогнозируется значительное сокращение преступлений [15, с. 6]. Преступления в сфере незаконного оборота НС и ПВ имеют в большей степени неочевидный, хорошо замаскированный характер, в связи с чем рекомендуется инициировать проведение учений в условиях, максимально приближенных к реальной обстановке с отработкой навыков наблюдения.

Для выявления наличия наркотиков на теле или в ручной клади лица возможно негласно (в гражданской одежде) использовать специалиста-кинолога со служебной собакой. Под видом пассажира или встречающего лица человек может находиться на объекте транспортной инфраструктуры со служебным псом небольшого размера, держа его

на руках или в переноске. Приблизившись к потенциальному подозреваемому, он может отпустить животное, показывая свою занятость в мобильном телефоне, личных вещах, документах, и проследить за проявлением сигнального поведения животного (посадка, укладка и прочее), т. е. беззвучной демонстрацией выявления искомых НС и ПВ.

Максимальный результат от метода наблюдения в рамках профилирования на объектах транспортной инфраструктуры при выявлении преступлений в сфере незаконного оборота НС и ПВ будет достигаться посредством повышения уровня профессиональной подготовки сотрудников транспортной полиции, наращивания практического опыта, знаний, умений и навыков в области криминалистического профайлинга, развития профессиональной личностной мотивации в наблюдательном процессе.

Заключение

Можно сделать вывод о высокой потенциальной продуктивности и больших возможностях метода наблюдения в технологии профайлинга в рамках противодействия незаконному обороту НС и ПВ на объектах транспортной инфраструктуры. Важно при этом отметить, что результативность напрямую связана с уровнем подготовленности сотрудников полиции и их активности в части применения наблюдения как метода профайлинга. Представленные алгоритмы наблюдения на объектах транспортной инфраструктуры могут быть применимы на объектах транспортной инфраструктуры в рамках противодействия иным преступлениям, в целях обеспечения общественной безопасности, а также розыска преступников.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Афанасьева О. Р. Современные тенденции незаконного оборота наркотиков на объектах транспорта // Транспортное право и безопасность. 2020. № 4 (36). С. 45–53.
2. Загайнов В. В. Использование профайлинга в выявлении на объектах транспорта лиц, перевозящих наркотические средства внутриполостным способом // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2014. № 2 (69). С. 3–13.
3. Юрицин А. Е., Куянова А. В., Зверев В. О. и др. Психологическое портретирование и технология профайлинга в деятельности полиции как средство противодействия террористическим актам на транспорте // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 3 (62). С. 44–48.

4. Цветков В. Л., Кардашевский В. В., Хрусталева Т. А. и др. Применение технологии профайлинга в деятельности подразделений полиции по предупреждению преступлений и административных правонарушений на объектах спорта при проведении официальных спортивных соревнований : учебно-методическое пособие. М., 2017. 62 с.

5. Афонин Д. Н. Применение рентгеновских сканеров персонального досмотра для выявления наркокурьеров // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2016. № 4 (60). С. 27–31.

6. Малыхина Т. А. Примерный прогноз развития криминальной ситуации на объектах транспорта Восточно-Сибирского региона на 2015–2016 гг. // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. № 1 (32). С. 78–87.

7. Харатишвили А. Г. Особенности расследования контрабанды наркотиков на первоначальном этапе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2006. 26 с.

8. Ивушкина О. В. Направления уголовной политики в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков // Сибирский юридический вестник. 2023. № 2 (101). С. 74–79.

9. Харевич Д. Л. Способы сокрытия следов преступления и уклонения от уголовной ответственности при перевозке (пересылке) наркотиков // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2019. № 19-1. С. 22–24.

10. Столяренко А. М. Применение психотехники наблюдения для выявления потенциально опасных лиц // Образование. Наука. Научные кадры. 2014. № 6. С. 215–219.

11. Горбунова Я. А. Особенности выявления органами внутренних дел фактов контрабанды наркотических средств внутриполостным способом // Правопорядок в России: проблемы совершенствования : сборник научных трудов Международной научно-практической конференции, приуроченной к 20-летию образования Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя. М. : Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2022. С. 342–347.

12. Нугаева Э. Д. Некоторые криминалистические аспекты личности преступника, занимающегося организованной преступной деятельностью в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов // Право: ретроспектива и перспектива. 2022. № 2 (10). С. 57–66.

13. Бурцев А. А. Обзор международного опыта объективизации признаков наркотического опьянения у водителей транспортных средств // Вопросы наркологии. 2021. № 2 (197). С. 60–73.

14. Головкин В. В. Управление транспортным средством водителем в состоянии наркотического опьянения: теория и практика противодействия // Научный вестник Омской академии МВД России. 2015. № 4 (59). С. 33–34.

15. Качанов С. А. О месте аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» в концепции «Умный город» // Технологии гражданской безопасности. 2019. Т. 16. № 3 (61). С. 6–14.

REFERENCES

1. Afanasyeva O. R. Modern trends in drug trafficking at transport facilities // Transport law and security. 2020. No. 4 (36). P. 45–53. (In Russ.)

2. Zagainov V. V. The use of profiling in identifying persons transporting narcotic drugs intracavity at transport facilities // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. No. 2 (69). P. 3–13. (In Russ.)

3. Yuritsin A. E., Kuyanov A. V., Zverev V. O., et al. Psychological portraying and profiling technology in police activities as a means of countering terrorist acts in transport // Psychopedagogy in law enforcement agencies. 2015. No. 3 (62). P. 44–48. (In Russ.)

4. Tsvetkov V. L., Kardashevsky V. V., Khrustaleva T. A., et al. The use of profiling technology in the activities of police units to prevent crimes and administrative offenses at sports facilities during official sports competitions : educational and methodological manual. M., 2017. 62 p. (In Russ.)

5. Afonin D. N. Application of personal search X-ray scanners to identify drug couriers // Scientific Notes of St. Petersburg named after V. B. Bobkov branch of the Russian Customs Academy. 2016. No. 4 (60). P. 27–31. (In Russ.)

6. Malykhina T. A. Approximate forecast of the development of the criminal situation at transport facilities in the East Siberian region for 2015–2016 // Bulletin of Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. No. 1 (32). P. 78–87. (In Russ.)

7. Kharatishvili A. G. Features of the investigation of drug smuggling at the initial stage : abstract of the dissertation ... Cand. of Law. St. Petersburg, 2006. P. 26. (In Russ.)
8. Ivushkina O. V. Directions of criminal policy in the field of combating drug trafficking // Siberian Legal Bulletin. 2023. No. 2 (101). P. 74–79. (In Russ.)
9. Kharevich D. L. Methods of concealing traces of a crime and evading criminal liability when transporting (shipping) drugs // Current problems in the fight against crimes and other offenses. 2019. No. 19-1. P. 22–24. (In Russ.)
10. Stolyarenko A. M. Application of observation psychotechnics to identify potentially dangerous persons // Education. The science. Scientific personnel. 2014. No. 6. P. 215–219. (In Russ.)
11. Gorbunova Y. A. Features of detection by internal affairs bodies of facts of smuggling of narcotic drugs by intracavitary method // Legal order in Russia: problems of improvement : collection of scientific papers of the International scientific and practical conference dedicated to the 20th anniversary of the formation of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'. M. : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', 2022. P. 342–347. (In Russ.)
12. Nugaeva E. D. Some criminalistic aspects of the personality of a criminal engaged in organized criminal activity in the field of illicit trafficking in narcotic drugs, psychotropic substances and their analogues // Law: retrospective and perspective. 2022. No. 2 (10). P. 57–66. (In Russ.)
13. Burtsev A. A. Review of international experience in objectifying signs of drug intoxication among vehicle drivers // Issues of Narcology. 2021. No. 2 (197). P. 60–73. (In Russ.)
14. Golovko V. V. Driving a vehicle while under the influence of drugs: theory and practice of counteraction // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. No. 4 (59). P. 33–34. (In Russ.)
15. Kachanov S. A. On the place of the “Safe City” hardware and software complex in the “Smart City” concept // Civil Security Technologies. 2019. Vol. 16. No. 3 (61). P. 6–12. (In Russ.)

Информация об авторах:

Зиборова О. С. – кандидат юридических наук, доцент;
Нугаева Э. Д. – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors:

Ziberova O. S. – Candidate of Law, Associate Professor;
Nugaeva E. D. – Candidate of Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 28.06.2024; одобрена после рецензирования 11.07.2024; принята к публикации 27.09.2024.

The article was submitted 28.06.2024; approved after reviewing 11.07.2024; accepted for publication 27.09.2024.

Научная статья
УДК 343.4:331.45(470)

Евгений Сергеевич Квасников
*Омская академия МВД России, Омск, Россия,
evgen1219@mail.ru*

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ КОНСТРУКЦИИ СТ. 143 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Вопросы эффективности уголовно-правовой охраны безопасного труда не теряют своей актуальности. Возникающие проблемы при практическом применении ст. 143 УК РФ «Нарушение требований охраны труда»; неточное изложение диспозиции ч. 1 ст. 143 УК РФ; отсутствие регламентации в указанной норме потенциальных последствий, обуславливающих общественную опасность нарушения требований охраны труда; размеры и виды наказаний, закрепленные в санкциях соответствующих уголовно-правовых норм, указывают на преуменьшение значения жизни и здоровья трудящихся, что диктует необходимость совершенствования законодательной регламентации уголовной ответственности за нарушение требований безопасности труда. В связи с этим и на основании исследования практики применения ст. 143 УК РФ, мнений ученых-правоведов, с учетом собственного видения автор аргументирует потребность совершенствования законодательной конструкции ст. 143 УК РФ, предлагает и обосновывает варианты такой модернизации.

Ключевые слова: совершенствование, законодательная конструкция, уголовно-правовая норма, нарушение, требования охраны труда, преступление

Для цитирования: Квасников Е. С. Совершенствование законодательной конструкции ст. 143 Уголовного кодекса Российской Федерации // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2024. № 3 (19). С. 37–45.

Original article

Evgeny S. Kvasnikov
*Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs
of Russia, Omsk, Russia, evgen1219@mail.ru*

IMPROVEMENT OF THE LEGISLATIVE STRUCTURE OF ARTICLE 143 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The issues of the effectiveness of criminal law protection of safe work do not lose their relevance. Problems arising in the practical application of Article 143 of the Criminal Code of the Russian Federation “Violation of labor protection requirements”; inaccurate presentation of the disposition of part 1 of Article 143 of the Criminal Code of the Russian Federation; lack of regulation in the specified norm of potential consequences causing public danger of violation of labor protection requirements; The sizes and types of punishments fixed in the sanctions of the relevant criminal law norms indicate an understatement of the importance of the life and health of workers, which dictates the need to improve the legislative regulation of criminal liability for violations of labor safety requirements. In this regard, and based on a study of the practice of applying Article 143 of the Criminal Code of the Russian Federation, the opinions of legal scholars, taking into account his own vision, the author argues for the need to improve the legislative structure of Article 143 of the Criminal Code of the Russian Federation, proposes and justifies options for such modernization.

Keywords: improvement, legislative structure, criminal law norm, violation, labor protection requirements, crime

For citation: Kvasnikov E. S. Improvement of the legislative structure of Article 143 of the Criminal Code of the Russian Federation // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2024. No. 3 (19) P. 37–45. (In Russ.)

Введение

Необходимость укрепления промышленного суверенитета страны, стабильного развития технологий и промышленности¹, увеличения уровня производительности труда и вместе с тем обеспечение разных сфер промышленности квалифицированными рабочими кадрами, а также снижение уровня производственного травматизма и профессиональных заболеваний² являются взаимосвязанными, официально признанными задачами государственного масштаба.

История показывает, что проблема травматизма и смертности при осуществлении трудовой деятельности неискоренима. Осознавая это, законодатель принимает правовые меры, способствующие частичному устранению такой проблемы, в числе которых уголовная ответственность за нарушение требований безопасности труда. Универсальной уголовно-правовой нормой, охраняющей безопасность трудовой деятельности, является ст. 143 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ).

На разных этапах развития российской государственности законодатель, используя средства законодательной техники, стремился оптимизировать уголовное законодательство под соответствующие отношения внутри предприятий, организаций, а также под экономику страны и государственную экономическую политику [1]. Несмотря на то, что в последние годы в ст. 143 УК РФ вносились изменения и дополнения³, реше-

ние вопросов, связанных с уголовно-правовой охраной соответствующих общественных отношений, имеет место и в настоящее время.

Методы

В исследовании использовались следующие методы: диалектический, анализ и синтез, сравнение и обобщение, индукция и дедукция, исторический, формально-юридический, социологический и статистический. Исследование основано в том числе на результатах изучения 119 материалов уголовных дел, возбужденных по ст. 143 УК РФ, и анкетирования по вопросам квалификации рассматриваемого преступления 436 сотрудников следственных управлений Следственного комитета Российской Федерации двадцати ее субъектов.

Результаты

Общественная опасность не имеет заранее установленных критериев в особенности для законодателя. Общественная опасность является объективной категорией [2] и существует вне зависимости от признания ее таковой при законотворчестве. Проводя параллель между данным тезисом и общественной опасностью нарушения требований безопасности трудовой деятельности в современных условиях, отметим широкий спектр факторов, ее обуславливающих.

Если в советский период забота об охране труда по большей части лежала на государстве-работодателе, то сейчас в условиях рыночной экономики общественная опасность нарушения требований охраны труда

¹ Владимир Путин назвал шесть ключевых задач на 2023 год и объявил о новых решениях в социальной сфере и экономике // RG.RU. URL: <https://rg.ru/2022/12/15/strategiia-prosta-kachestvo-zhizni-kazhdogo.html> (дата обращения: 02.03.2024)

² О стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ; О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 162-ФЗ; О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О специальной оценке условий труда» : федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 421-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

характеризуется разнообразием организационно-правовых форм и видов категории работодателя; его субъективной возможностью воздействовать на трудящегося как на слабую сторону трудовых отношений, а также возможностью скрывать случаи нарушения требований безопасности и травматизма на производстве. Основаниями для криминализации нарушения требований охраны труда также являются тяжкие последствия в виде причинения тяжкого вреда здоровью либо смерти; повсеместное невыполнение требований безопасности и латентный характер нарушений. Специфику общественной опасности рассматриваемого преступления придает трансформация занятости [3].

От должной регламентации уголовной ответственности за нарушение трудового законодательства или иных правовых актов в сфере охраны труда зависит надлежащее применение соответствующей уголовно-правовой нормы. Вместе с тем статистика применения ст. 143 УК РФ свидетельствует об обратном¹. О низкой эффективности противодействия преступному нарушению требований охраны труда также неоднократно упомянуто в научной литературе. Так, исследователями акцентировалось внимание на целесообразности законодательной модернизации субъективных признаков соответствующего преступления [4; 5]; на проблемах квалификации и отсутствия единообразия практики применения ст. 143 УК РФ [6]; на пониженном уровне уголовно-правовой охраны жизни и здоровья [7, с. 166–167], в том числе трудящихся; на недопустимости обесценивания жизни трудящихся [8, с. 104]; на отсутствии учета в рассматриваемой уголовно-правовой норме количества потерпевших [9, с. 15] и др.

Статья 143 УК РФ является бланкетной уголовно-правовой нормой, в связи с чем подразумевается, что между уголовным

и другим отраслевым законодательством (в частности трудовым) должна присутствовать тесная взаимосвязь. Из этого логично следует вывод о том, что между рассматриваемой статьей и законодательством в сфере охраны труда должна быть правовая гармония, то есть какие-либо разночтения должны быть исключены. Между тем коллизии уголовного и трудового законодательства с момента вступления в силу действующей редакции ст. 143 УК РФ не были устранены. В результате научно-технологического развития и в связи с пандемией COVID-19 был значительно расширен субъектный состав трудящихся, появились нетипичные формы занятости: дистанционная работа (ст. 312.1 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ)), платформенная занятость, самозанятость, аутсорсинг, аутстаффинг и др.

Трудовое законодательство содержит запрет на заключение гражданско-правовых договоров при наличии трудовых отношений (ст. 15 ТК РФ). Это обусловлено в том числе тем, что если трудовые отношения будут подменяться гражданско-правовыми отношениями, охрана труда не будет обеспечиваться вовсе, поскольку какой-либо правовой императив относительно возложения обязанности соблюдать или обеспечивать соблюдение соответствующих требований безопасности в данном случае отсутствует.

Вместе с тем результат изучения 119 материалов уголовных дел, возбужденных по ст. 143 УК РФ, показал, что в 12 % случаев имела место подмена трудовых отношений гражданско-правовыми. Явление такой подмены отношений уже характеризуется систематичностью, на что неоднократно обращалось внимание в научно-практической литературе [10; 11; 12; 13]. В результате анкетирования 436 сотрудников следственных управлений Следственного комитета Рос-

¹ Согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации и Федеральной службы по труду и занятости, за период 2018–2023 гг. выявлено около полумиллиона нарушений требований охраны труда; направлено около 37 тысяч материалов в правоохранительные органы в связи с несчастными случаями на производстве (в соответствии со ст. 143 УК РФ). Согласно данным ГИАЦ МВД России, количество зарегистрированных уголовных дел по ст. 143 УК РФ не превышает пяти тысяч. Число лиц, осужденных по ст. 143 УК РФ, составляет 627 (с 2018 г. по первую половину 2023 г.).

сийской Федерации двадцати ее субъектов выявлено, что в числе других причин сложности выявления соответствующих преступлений и их квалификации является причина неофициального трудоустройства.

Таким образом, за последние пять лет появилось множество нетрадиционных форм занятости, где самостоятельная охрана труда, не регулируемая законом, стала нормой. Однако граждане не в силах полностью оценить все риски, связанные с осуществлением трудовой деятельности в обозначенных сферах занятости. Кроме того, неоформленные должным образом трудовые отношения или в случае подмены последних гражданско-правовыми отношениями, особенно в нетрадиционных формах занятости, приводят к полной необеспеченности охраны труда. В результате таких нарушений часто происходят несчастные случаи, в том числе летальные исходы¹.

Указанные изменения на рынке труда, включая появление нетрадиционных форм занятости и цифровизацию, увеличивают пробелы между ст. 143 УК РФ и соответствующими положениями ТК РФ. Как результат можно отметить сложность при практическом применении соответствующих норм.

Результаты исследования показывают, что существующий уровень уголовно-правовой защиты безопасности труда недостаточен. Производства по уголовным делам, возбужденным по ст. 143 УК РФ, нередко прекращаются по основаниям, закрепленным в главе 11 УК РФ [14, с. 103]. По официальным данным Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации, большая часть обвинительных приговоров по ст. 143 УК РФ была вынесена в связи с причинением смерти в результате нарушений требований безопасности. За предыдущие пять лет из общего числа осужденных лишь около 5 % были приговорены к реаль-

ному лишению свободы. Причем срок лишения свободы половины из такой категории осужденных составил до одного года включительно. Примечательно, что реальное лишение свободы по ч. 1 ст. 143 УК РФ вообще не применялось. К штрафу была приговорена четверть осужденных, для большей части которых размер штрафа составил от 25 до 100 тысяч рублей. Штраф в размере от 300 до 400 тысяч вообще не назначался (при предусмотренном максимальном размере в 400 тысяч)². Согласно результатам вышеупомянутого анкетирования, правоприменители испытывают сложность квалификации рассматриваемого преступления в связи с проблемами определения субъекта преступления, отсутствием регламентации его функций по соблюдению требований безопасности; определением признаков потерпевшего; сокрытием трудовых отношений; определением того, какие именно требования охраны труда были нарушены и др.

В целом сложности квалификации обусловлены несколькими факторами, включая несвоевременную адаптацию законодательства к изменяющимся формам занятости, отсутствие консистентности в судебной практике при рассмотрении уголовных дел по ст. 143 УК РФ, а также законодательные пробелы в определении ответственности за такие преступления. Проблемы также возникают при определении объективных и субъективных признаков рассматриваемого преступления и признаков потерпевшего.

Таким образом, целесообразно пересмотреть действующий уголовно-правовой запрет, направленный на защиту безопасного труда, и в целом оптимизировать регламентацию уголовной ответственности за нарушение рассматриваемых требований. Новые вариации в общественных отношениях могут приводить к изменению признаков, характеризующих элементы состава престу-

¹ См.: Решение Осинского районного суда (Пермский край) от 21 мая 2019 г. по делу № 2-434/2019. URL: sudact.ru/regular/doc/w3wqQSH6lxdJ/ (дата обращения: 09.01.2024); решение Кировского районного суда г. Омска от 20 июля 2018 г. по делу № 2-2196/2018. URL: sudact.ru/regular/doc/nzMJnxcJwEmN/ (дата обращения: 09.01.2024).

² Официальный сайт Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 29.03.2024).

пления, предусмотренного ст. 143 УК РФ. С учетом неопределенности в формулировке ст. 143 УК РФ требуется создать устойчивую основу юридического изложения данной нормы, которая осталась бы неизменной в своей юридической сущности, но была бы адаптирована к изменяющимся общественным отношениям, включая трудовые.

Можем полагать, что в современных реалиях (в рамках проводимого исследования) ключевым становится решение проблем, связанных с юридико-техническим описанием уголовно-правовых норм, направленных на охрану безопасного труда, а также с квалификацией нарушений в сфере охраны труда.

К ним относятся актуальные вопросы, связанные, во-первых, с исключением препятствий привлечения к уголовной ответственности по ст. 143 УК РФ, в том числе в случае неоформления трудовых отношений, подмены трудовых отношений гражданско-правовыми отношениями. С уголовно-правовой точки зрения полагаем, что данные препятствия возможно преодолеть путем исключения следующих пробелов в законодательной технике.

Так, требования охраны труда – не нормы материального права об охране труда. Исследование практики квалификации преступления, предусмотренного ст. 143 УК РФ, показало, что буквальное толкование закона не позволяет привлекать к ответственности за нарушение общих норм ТК РФ об охране труда¹. При практическом правоприменении возникают многочисленные вопросы: как квалифицировать преступление в случае наступления соответствующих последствий, когда работодатель вообще ни на кого не возложил обязанности по соблюдению требований охраны труда? Можно ли утверждать, что в таком случае нарушил требования охраны труда сам работодатель, когда не выполнил общие нормы ТК РФ в сфере охраны труда? А если работодатель вообще скрыл факт

трудовых отношений? Как правоприменителю установить признаки трудовых отношений, если, например, фактический допуск к работе был однократным? При отрицании работодателя намерения использовать труд рабочего в дальнейшем, т. е. намерения скрыть постоянный характер работы либо придание вида однократного допуска к работе вместо систематического характера труда, это сделать крайне сложно.

Действующая редакция диспозиции ст. 143 УК РФ не позволяет однозначно ответить на данные вопросы, поскольку нарушение общих норм об охране труда и нарушение требований охраны труда – не одно и то же.

Диспозиция ст. 143 УК РФ гласит: «Нарушение требований охраны труда, совершенное лицом, на которое возложены обязанности по их соблюдению». Кроме вопроса о том, как квалифицировать преступление, если данные обязанности не были возложены, возникает вопрос о субъектном составе. Согласно ТК РФ работодатель должен и обеспечивать, и соблюдать требования безопасности труда (ст.ст. 22, 214). На основании положений соответствующих нормативных правовых актов руководитель службы по охране труда и специалист в области охраны труда обязаны только соблюдать установленные требования. Помимо разного лингвистического толкования данных терминов, есть вопрос: кого (уполномоченного работника или работодателя) следует привлекать к уголовной ответственности, если, например, в случае совмещения трудовых обязанностей часть функций по охране труда работнику не делегирована?

Во-вторых, имеется проблема долгосрочной перспективы функционирования ст. 143 УК РФ. С появлением новых вариаций в общественных отношениях (в частности, трудовых) в дальнейшем также будут меняться и признаки, характеризующие элементы рассматриваемого состава престу-

¹ Приговор Комаричского районного суда Брянской области от 21 декабря 2017 г. по уголовному делу № 1-58/2017.

пления, что будет затруднять квалификацию преступления по ст. 143 УК РФ. В рассматриваемую норму несколько раз вносились изменения и дополнения, однако и в действующей ее редакции есть определенные разночтения, например, между определением требований охраны труда, закрепленным в примечании к ст. 143 УК РФ, и определением данных требований в ст. 209 ТК РФ. Полагаем, что такие коллизии можно объяснить высокой интенсивностью изменения отраслевого законодательства, которое очевидно будет изменяться и дополняться в дальнейшем. Так как ст. 143 УК РФ – бланкетная норма, то ее формулировка и содержание диктуют необходимость постоянного согласования с соответствующими нормами других отраслей права. Тем более, что несвоевременная адаптация норм законодательства к существующим реалиям еще более будет препятствовать правильному применению ст. 143 УК РФ.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что важно разработать определенный «каркас» рассматриваемой уголовно-правовой нормы, который на перспективу позволит ей функционировать в рамках развития общественных отношений в сфере занятости.

В-третьих, целесообразно решить вопрос, связанный с закреплением в ст. 143 УК РФ потенциальных криминообразующих тяжких последствий в дополнение к предусмотренным – причинение тяжкого вреда здоровью либо смерти. Иные тяжкие последствия для неопределенного круга лиц нередко возникают в связи с нарушением соответствующих требований¹, когда непосредственным причинителем вреда является сам погибший работник, а не нарушитель требований. В частности, речь идет о дезорганизации объектов жизнеобеспечения в результате аварий, взрывов, и т. п.

В случае, когда в результате нарушения требований безопасности труда погиб непосредственный причинитель вреда, привлечение нарушителя требований безопасности к уголовной ответственности по иным уголовно-правовым нормам, кроме как по ст. 143 УК РФ, не будет являться правомерным. В настоящее время уголовной ответственности за это не предусмотрено, и деяние, повлекшее такие последствия, в результате нарушения требований охраны труда остается безнаказанным, поскольку непосредственным причинителем вреда является сам потерпевший, а не нарушитель рассматриваемых требований. Исследование материалов 119 уголовных дел, возбужденных по ст. 143 УК РФ, показало, что указанные последствия возникают практически в каждом десятом случае нарушений.

Более того, нарушение соответствующих требований безопасности может быть допущено и на потенциально опасных производственных объектах (подразделениях таких объектов), функционирование которых специфично повышенной опасностью, в случаях, когда данные объекты (их подразделения) не обладают статусом опасных производственных объектов. Данные ситуации возникают, когда место производства в установленном законом порядке в качестве опасного производственного объекта не было зарегистрировано.

В-четвертых, целесообразно решить вопросы, связанные с закреплением в рассматриваемой норме отягчающих обстоятельств, отражающих повышенную степень общественной опасности преступления, и оптимизацией размера санкций за совершение преступления, предусмотренного ст. 143 УК РФ. В настоящее время в эпоху трансформации занятости наблюдается стабильный рост уклонения от заключения трудовых договоров. В данной ситуации

¹ Приговор мирового судьи судебного участка № 2 г. Бийска Алтайского края от 16 октября 2019 г. по уголовному делу № 1-29/2019. URL: http://biysk2.alt.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=cs&case_id=73780108&delo_id=1540006 (дата обращения: 09.02.2024); Приговор Бугурусланского районного суда (Оренбургская область) от 14 ноября 2019 г. по делу № 1[1]-135/2019. URL: sudact.ru/regular/doc/RDONOмYMAW1/ (дата обращения: 09.02.2024); Постановление Орджоникидзевского районного суда г. Уфы от 14 июля 2020 г. по делу № 1-112/2020. URL: [//sudact.ru/regular/doc/RRtNitAMxgoH/](http://sudact.ru/regular/doc/RRtNitAMxgoH/) (дата обращения: 16.11.2023) и др.

при наступлении несчастного случая (в том числе причинения тяжкого вреда здоровью либо смерти) без выявления компетентными органами указанной подмены отношений виновный не понесет никакой юридической ответственности, а законные права и интересы потерпевшего останутся без защиты. Маскировка трудовых отношений также существенно затрудняет квалификацию преступления, предусмотренного ст. 143 УК РФ, поскольку при квалификации необходимо установить действительность признаков трудовых отношений. В дополнение к этому гибель трудящегося еще более усугубляет сложность квалификации. Таким образом, подмена фактически трудовых отношений гражданско-правовыми отношениями, при которой требования безопасности труда не соблюдаются вообще, если это повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью либо смерти потерпевшего, повышает степень общественной опасности рассматриваемого преступления.

Заключение

Таким образом, наше видение совершенствования уголовно-правовой охраны безопасного труда заключается в следующем:

1. Название ст. 143 УК РФ «Нарушение требований охраны труда» целесообразно заменить на «Нарушение требований трудового законодательства или иных актов, содержащих нормы трудового права в сфере охраны труда». Следует также указать данную формулировку в диспозиции ч. 1 ст. 143 УК РФ. Так как содержание примечания к ст. 143 УК РФ противоречит определению требований охраны труда, закреплённому в

ст. 209 ТК РФ, данное примечание из УК РФ следует исключить.

2. В доктрине указано, что при расширении уголовно-правового запрета в части, касающейся уголовно наказуемой неосторожности, используются следующие способы: закрепление ответственности за неосторожную эксплуатацию техники, за неосторожное создание опасности, за игнорирование возможности предвидеть и предотвратить наступление вреда [15, с. 134]. Предлагаем закрепить в рассматриваемой норме потенциальные криминообразующие тяжкие для неопределенного круга лиц последствия в дополнение к причинению тяжкого вреда здоровью либо смерти.

3. При подмене трудовых отношений существенно повышается степень общественной опасности рассматриваемого преступления. С целью дифференциации уголовной ответственности необходимо рассмотреть вопрос о закреплении в ст. 143 УК РФ отягчающих обстоятельств, отражающих повышенную степень общественной опасности, а именно: нарушение соответствующих требований, совершенное при подмене трудовых отношений гражданско-правовыми отношениями.

4. Предлагаем оптимизировать размер санкций за совершение преступления, предусмотренного ст. 143 УК РФ, исходя из соотношения средней ранжированности наказаний – медианы санкций по степени общественной опасности и по схожему непосредственному объекту смежных составов преступлений (ч.ч. 2, 3 ст. 109, ч. 2 ст. 118, ч.ч. 1–3 ст. 216, ч.ч. 1–3 ст. 217, ч.ч. 2, 3 ст. 238, ч.ч. 2, 3 ст. 293 УК РФ).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Пудовочкин Ю. Е. Закономерности формирования и развития российской уголовной политики в условиях глобализации // Журнал российского права. 2017. №. 3. С. 82–91.
2. Чемеринский К. В. Общественная опасность как категория уголовного права // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2014. №. 1. С. 99–104.
3. Квасников Е. С. Социальная обусловленность уголовной ответственности за нарушение требований охраны труда // Вестник Белгородского юридического института МВД России. 2023. №. 1. С. 97–102.
4. Коняхин В. П., Рыбалка А. А. Основные направления совершенствования законодательного определения субъекта нарушения требований охраны труда (статья 143 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. №. 1. С. 37–38.

5. Рарог А. И. Субъект преступного нарушения правил охраны труда: закон и практика // Уголовное право. 2019. № 4. С. 80–85.
6. Толкаченко А. А., Ляскало А. Н. Спорные вопросы уголовно-правовой квалификации нарушений правил охраны труда и техники безопасности // Уголовное право. 2019. № 5. С. 89–99.
7. Татарников В. Г. Некоторые вопросы совершенствования норм об уголовной ответственности за преступления, совершенные по неосторожности // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2007. Т. 3. № 1. С. 166–170.
8. Нуркаева Т. Н., Диваева И. Р. Нарушение требований охраны труда: вопросы толкования, квалификации и совершенствования законодательства // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке. 2017. Т. 9. № 1. С. 100–106.
9. Зиядова Д. З., Мурзаева Д. Г. Уголовно-правовое воздействие на нарушение требований охраны труда // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 7. С. 15–16.
10. Зобова Е. П. Риски переквалификации ГПД в трудовые договоры: работаем с самозанятыми // Строительство: бухгалтерский учет и налогообложение. 2022. № 5.
11. Новикова Т. Налоговая служба знает, что творится «на кухне» бизнеса // Трудовое право. 2022. № 7.
12. Комиссарова Т. Ю. Верховный Суд опять признал гражданско-правовые отношения трудовыми // Отдел кадров государственного (муниципального) учреждения. 2019. № 7.
13. Подкопаев М. В. Подменять трудовой договор гражданско-правовым рискованно // Оплата труда в государственном (муниципальном) учреждении: бухгалтерский учет и налогообложение. 2022. № 11.
14. Новиков В. А., Шиян В. И. Нарушение требований охраны труда (ст. 143 УК РФ): состояние и актуальные вопросы квалификации // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2019. № 3. С. 98–103.
15. Бавсун М. В., Векленко С. В. Проблемы виновного вменения за преступления, совершаемые по неосторожности // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2004. № 5. С. 133–141.

REFERENCES

1. Pudovochkin Yu. E. Patterns of formation and development of Russian criminal policy in the context of globalization // Journal of Russian Law. 2017. No. 3. P. 82–91. (In Russ.)
2. Chemerinsky K. V. Public danger as a category of criminal law // Bulletin of the V. N. Tatishchev Volga State University. 2014. No. 1. P. 99–104. (In Russ.)
3. Kvasnikov E. S. Social conditionality of criminal liability for violation of labor protection requirements // Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 1. P. 97–102. (In Russ.)
4. Konyakhin V. P., Rybalka A. A. The main directions for improving the legislative definition of the subject of violation of labor protection requirements (Article 143 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. No. 1. P. 37–38. (In Russ.)
5. Rarog A. I. The subject of criminal violation of labor protection rules: law and practice // Criminal law. 2019. No. 4. P. 80–85. (In Russ.)
6. Tolkachenko A. A., Lyaskalo A. N. Controversial issues of criminal law qualification of violations of labor protection and safety regulations // Criminal law. 2019. No. 5. P. 89–99. (In Russ.)
7. Tatarnikov V. G. Some issues of improving the norms on criminal liability for crimes committed by negligence // Bulletin of the Irkutsk State Technical University. 2007. Vol. 3. No. 1. P. 166–170. (In Russ.)
8. Nurkaeva T. N., Divaeva I. R. Violation of labor protection requirements: issues of interpretation, qualification and improvement of legislation // Actual problems of law and the state in the 21st century. 2017. Vol. 9. No. 1. P. 100–106. (In Russ.)
9. Ziyadova D. Z., Murzaeva D. G. Criminal legal impact on violation of labor protection requirements // Gaps in Russian legislation. 2017. No. 7. P. 15–16. (In Russ.)
10. Zobova E. P. Risks of retraining GPA in employment contracts: working with the self-employed // Construction: accounting and taxation. 2022. No. 5. (In Russ.)

11. Novikova T. The tax service knows what is going on “in the kitchen” of business // Labor law. 2022. No. 7. (In Russ.)
12. Komissarova T. Y. The Supreme Court again recognized civil law relations as labor relations // The personnel department of a state (municipal) institution. 2019. No. 7. (In Russ.)
13. Podkopaev M. V. It is risky to replace an employment contract with a civil one // Remuneration of labor in a state (municipal) institution: accounting and taxation. 2022. № 11. (In Russ.)
14. Novikov V. A., Shiyan V. I. Violation of labor protection requirements (Article 143 of the Criminal Code of the Russian Federation): state and current issues of qualification // Bulletin of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation. 2019. No. 3. P. 98–103. (In Russ.)
15. Baysun M. V., Veklenko S.V. Problems of culpable imputation for crimes committed by negligence // News of higher educational institutions. Law studies. 2004. No. 5. P. 133–141. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 04.04.2024; одобрена после рецензирования 26.06.2024; принята к публикации 27.09.2024.

The article was submitted 04.04.2024; approved after reviewing 26.06.2024; accepted for publication 27.09.2024.

Научная статья

УДК 343.985.7:343.346:[347.453.6:629.33](470)

Дарья Александровна Москаленко*Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, darya2013lavrova@yandex.ru**ORCID: 0009-0009-4938-5304***КРАТКОСРОЧНАЯ АРЕНДА АВТОМОБИЛЯ
КАК СПОСОБ СОКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 264.1 УК РФ**

Аннотация. Услуги, предоставляемые каршеринговыми сервисами, в сегодняшней действительности являются неотъемлемой частью жизни. Обращено особое внимание на проблему аварийности с участием водителей каршеринговых автомобилей в России в целом и в Южном федеральном округе. Управление арендованным транспортным средством в состоянии опьянения, в том числе лицом, ранее подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость, в современных условиях представляет угрозу для жизни и здоровья граждан, безопасности дорожного движения. Освещены существующие уголовно-правовые и криминалистические подходы к рассмотрению транспортного средства для услуг каршеринга как орудия, средства совершения преступления, предмета преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), и способа его совершения и сокрытия. Актуальна также проблема использования водителями в состоянии опьянения автомобилей, взятых в краткосрочную аренду, для сокрытия преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ. Помимо прочего, проанализированы такие возможные способы предотвращения сокрытия данных преступлений, как алкозамки, тесты на внимание. Сделан вывод о целесообразном рассмотрении каршеринга как способа сокрытия преступления и криминалистически значимого элемента ст. 264.1 УК РФ.

Ключевые слова: безопасность дорожного движения, каршеринг, водитель, состояние опьянения, дознаватель, противодействие расследованию

Для цитирования: Москаленко Д. А. Краткосрочная аренда автомобиля как способ сокрытия преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2024. № 3 (19). С. 46–56.

Original article

Darya A. Moskalenko*Volgograd Academy of the Interior Ministry of the Russian Federation, Volgograd, Russia, darya2013lavrova@yandex.ru**ORCID: 0009-0009-4938-5304***SHORT-TERM CAR RENT AS A WAY TO CONCEAL A CRIME
UNDER THE ARTICLE 264.1 OF THE CRIMINAL CODE
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Abstract. The services provided by carsharing services are an integral part of life in today's reality. Special attention is paid to the problem of accidents involving drivers of carsharing cars in Russia as a whole and in the Southern Federal District. Driving a rented vehicle while intoxicated, including by a person who has previously been subjected to administrative punishment or has a criminal record, in modern conditions poses a threat to the life and health of citizens and road safety. The author analyses the existing criminal law and criminalistic approaches to the consideration of a vehicle for carsharing services as a tool, means, subject of a crime, responsibility for which is provided for in Article 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, and

© Москаленко Д. А., 2024

the method of its commission and concealment. The problem of drivers in a state of intoxication using short-term rental cars to conceal a crime under Article 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation is also relevant. Among other things, possible ways to prevent the commission of these crimes, such as alcohol locks and attention tests, are analyzed. The author draws the conclusion that it is advisable to consider carsharing as a way of concealing a crime and a criminalistically significant element of Article 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: traffic safety, carsharing, driver, state of intoxication, detective, counteraction to the investigation

For citation: Moskalenko D. A. Short-term car rent as a way to conceal a crime under the article 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2024. No. 3 (19). P. 46–56. (In Russ.)

Введение

В 2023 году впервые за последние 10 лет на территории Российской Федерации произошел рост основных показателей дорожно-транспортной аварийности. Среди регионов Южного федерального округа (далее – ЮФО) одновременно увеличилось количество дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП), число погибших и раненых в пяти субъектах: в республиках Адыгея и Калмыкия, Краснодарском крае, Волгоградской и Ростовской областях¹. Количество ДТП, в которых погибли и (или) были ранены люди, на территории Российской Федерации увеличилось на 4,5 % (132 466), число погибших в них – на 2,3 % (14 504), раненых – на 4,3 % (166 500)².

Одновременно с увеличением количества ДТП активно возрастает предложение услуг краткосрочной аренды автомобиля с поминутной тарификацией. В настоящее время на российском рынке представлено достаточное количество компаний, предлагающих такие услуги: Делимобиль, Сити-ренд, Яндекс.Драйв, Anytime, Timcar, EasyDrive24, Cars7, BelkaCar, YouDrive, Carsmile, UrentCar, в том числе премиальный сегмент – МатрёшCar.

Стоит отметить, что по итогам 2023 года зафиксировано снижение на 1,3 % (766)

количества ДТП с участием каршеринговых транспортных средств, числа раненых в них – на 2,4 % (964), при этом отмечен рост числа погибших на 3,9 % (53), а наибольшее количество ДТП с участием каршеринга зарегистрировано в выходные дни, на которые пришлось почти треть всех происшествий (32,6 %, или 250)³. Среди субъектов ЮФО в рейтинг регионов с наибольшими показателями аварийности каршеринга вошел Краснодарский край: в 20 ДТП (АППГ – +81,8 %) погибли три человека (АППГ – 0), ранены 25 человек (+66,7 %)⁴.

Отдельного внимания заслуживает проблема управления автомобилями каршеринга лицами, находящимися в состоянии опьянения – алкогольного, наркотического, токсического. По вине водителей арендованных транспортных средств совершено более двух третей (68,9 %, или 528) от всех ДТП с их участием⁵. При этом преимущественная возрастная группа водителей составляет 20–34 года. В связи с этим возможно предположить, что лица данной возрастной группы являются наиболее активными пользователями каршеринговых сервисов. Водители, имеющие признаки опьянения, были виновны в 9 из 10 ДТП (92 %). Наиболее существенное увеличение количества происшествий с участием водителей с призна-

¹ Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации в 2023 году. Информационно-аналитический обзор. М. : ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2024. С. 4.

² Показатели состояния безопасности дорожного движения в Российской Федерации в 2023 году // Официальный сайт Госавтоинспекции. URL: <http://stat.gibdd.ru> (дата обращения: 07.05.2024).

³ Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации в 2023 году. Информационно-аналитический обзор. М. : ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2024. С. 85.

⁴ Там же. С. 86.

⁵ Там же. С. 87.

ками опьянения отмечено в двух субъектах ЮФО: в Астраханской области (+137,5 %, 19) и в г. Севастополе (+100 %, 8)¹. Таким образом, вышеперечисленные статистические данные подтверждают актуальность использования каршеринговых транспортных средств.

На протяжении десятилетнего существования в России каршеринговые сервисы, начиная с окончания пандемии коронавирусной инфекции, продолжают стремительно набирать популярность у населения. Это обусловлено рядом причин: 1) распространенность автомобилей в черте города; 2) удобство передвижения; 3) доступность (относительно низкая стоимость); 4) низкие требования к водительскому стажу арендатора (не менее 2–4 лет); 5) отсутствие необходимости постоянного обслуживания данного транспортного средства; 6) возможность воспользоваться чужим аккаунтом (для лиц, не имеющих права управления транспортным средством либо лишенных его).

Заключение договора услуг по краткосрочной аренде автомобиля в дистанционном формате создает возможность регистрации в приложении каршеринга и использования чужих профилей. Ключевые категории лиц, формирующих спрос на «теневом» рынке персональных данных легальных пользователей сервисов каршеринга, следующие: арендаторы, которым заблокирован доступ в связи с неоднократными нарушениями правил управления транспортным средством, а также лица, не имеющие права на заключение договора краткосрочной аренды [1, с. 129].

Обращаясь к правовой регламентации услуг каршеринга на российском рынке, отметим, что договор каршеринга представляет собой вид краткосрочной аренды автомобиля с поминутной тарификацией, получивший высокую актуальность в ис-

пользовании на территории Российской Федерации [2, с. 410].

А. В. Чаркин рассматривает право человека на вождение автомобиля, в частности посредством каршеринга, как нематериальное благо [3, с. 196]. Данное нематериальное право человека не может быть ограничено, в связи с чем доступ к аренде и последующему управлению транспортным средством имеет значительное количество граждан. К сожалению, сервис по краткосрочной аренде транспортных средств все чаще используется недобросовестными водителями, которые в нарушение п. 2.7 Правил дорожного движения управляют транспортным средством в состоянии опьянения².

Остро на сегодняшний день также стоит вопрос краткосрочной аренды автомобилей водителями в состоянии опьянения не только для законодателя и сотрудников правоохранительных органов, но и для средств массовой информации, которые освещают практически каждое ДТП с участием каршеринга, а также принимают участие в рейдах сотрудников Госавтоинспекции, после чего делают репортажи, транслируемые по телевидению и в социальных сетях.

В общественном восприятии каршеринг отражается, скорее, как инкрементальная (направленная на постепенное улучшение свойств известного продукта или услуги), чем радикальная (предполагающая внедрение изменений принципиально нового свойства) инновация, обладающая значительным потенциалом для принятия населением прежде всего крупных городов [4, с. 159].

Методы

При производстве исследования были использованы следующие методы:

– метод систематизации и обобщения информации был реализован при анализе библиографических источников, а также статистических и аналитических данных

¹ Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации в 2023 году. Информационно-аналитический обзор. М. : ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2024. С. 40.

² О правилах дорожного движения : постановление Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

правоохранительных органов, отражающих актуальность проблематики исследования;

– гипотетико-дедуктивный метод применялся при выдвигении гипотезы о целесообразности рассмотрения в криминалистике автомобиля каршеринга как способа сокрытия преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ;

– сравнительно-правовой метод позволил рассмотреть деятельность по краткосрочной аренде автомобилей в поле расследования по уголовным делам об управлении таким транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость, как способ сокрытия данного преступления.

Результаты

При рассмотрении криминалистически значимых элементов управления транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость, применительно к взятым в краткосрочную аренду автомобилям в рамках производства по уголовным делам, возбужденным по ст. 264.1 УК РФ, существует несколько точек зрения, которые необходимо обозначить.

Во-первых, транспортное средство каршеринга может быть рассмотрено как орудие совершения данного преступления. Под орудием преступления понимают предмет материального мира, используемый лицом при осуществлении преступного деяния, в целях осуществления разрушающего воздействия на предметы преступления или причинения физического вреда человеку¹.

С позиции ряда авторов, основным отличием средств от орудий преступления является непосредственное воздействие последних на объекты посягательства [5, с. 33]. А. М. Хлус в качестве орудий совершения преступления представляет предме-

ты: 1) бытового назначения; 2) специально изготовленные виновным для совершения преступления; 3) случайно оказавшиеся под рукой преступника в момент совершения преступных действий [6, с. 26].

Однако относить транспортное средство каршеринга к орудию совершения преступления нецелесообразно. Так, при заранее спланированном убийстве автомобиль, взятый в краткосрочную аренду, может выступить орудием преступления при условии, что именно с использованием такого автомобиля совершается наезд на потерпевшего – тем самым ему причиняются телесные повреждения (смерть).

Во-вторых, использование услуг кратковременной аренды автомобиля может быть рассмотрено как средство совершения преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ.

Применительно к ст. 264.1 УК РФ, ст. 264 УК РФ автомобиль каршеринга с точки зрения и уголовного права, и криминалистики, будет выступать средством совершения преступления, так как само транспортное средство является предметом материального мира, использованным при совершении преступления, но непосредственно на предмет преступления (или на потерпевшего) не воздействовавшим².

Данную позицию разделяют Н. Ф. Кузнецова и И. М. Тяжкова³. Упомянутый нами А. М. Хлус расширяет перечень групп средств совершения преступления, предложенный М. В. Салтевским [7, с. 48]: 1) орудия; 2) оружие; 3) транспортные и иные технические средства, механизмы; 4) документы; 5) вещества; 6) животные; 7) предприятия, учреждения, фирмы; 8) информация и ее материальные носители; 9) компьютерная техника и программное обеспечение, – и утверждает, что в криминалистике не следует рассматривать источники повышенной

¹ Уголовное право России. Общая часть : учеб. для академического бакалавриата / под ред. И. Я. Козаченко, Г. П. Новоселова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2015. С. 153.

² Уголовное право России. Общая часть : альбом схем / авт.-сост. В. А. Волколупова, А. С. Сенцов. Изд. 2-е, перераб., доп. Волгоград : ВА МВД России, 2016. С. 41.

³ См. Курс уголовного права. Т. 1. Общая часть: Учение о преступлении / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М., 2002. С. 259.

опасности в качестве самостоятельной группы средств совершения преступлений [5, с. 1]. Так, не все, что охватывается понятием «источник повышенной опасности», может быть средством совершения преступления с точки зрения практики. К тому же не всегда источник повышенной опасности выполняет в преступлении роль средства его совершения [5, с. 28].

Однако в криминалистике целесообразно говорить об автомобиле каршеринга как о средстве совершения преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, при наличии не только умысла у лица на управление транспортным средством в состоянии опьянения, но и на обязательное выявление данного правонарушения сотрудниками Госавтоинспекции.

В-третьих, транспортное средство каршеринга может быть рассмотрено как предмет совершения преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ. Наиболее удачное определение, позволяющее разграничить орудие, средство и предмет преступления, понимает последний как материальный субстрат, вещь материального мира, с помощью которой законодатель конкретизирует объект общественно опасного посягательства, и, непосредственно воздействуя на который, субъект причиняет объекту существенный вред или создает реальную угрозу причинения такого вреда¹. Если предмет преступления указан в диспозиции, то он подлежит обязательному доказыванию и является системообразующим признаком (чего мы не видим в диспозиции, рассматриваемой нами ст. 264.1 УК РФ).

Однако В. Е. Трофимов все же рассматривает транспортное средство в качестве предмета преступления вне зависимости

от того, подлежит оно государственной регистрации или нет [8, с. 11]. Аналогичной позиции придерживались исследователи Ю. В. Грачева и А. И. Чучаев [9], М. Н. Косарев и А. Г. Рублев².

Следует отметить, что вопрос о характере вреда, причиненного данным составом преступления, находит выражение в предмете преступного посягательства, которым выступает безопасность дорожного движения, а не механическое транспортное средство – автомобиль каршеринга.

Официальная позиция законодателя выражена следующим образом: «Для целей применения п. «г» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ транспортное средство не может быть признано орудием, оборудованием или иным средством совершения преступления, предусмотренного ст. 264 либо 264.1 УК РФ»³. Для реализации механизма конфискации имущества в статью 104.1 УК РФ Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 258-ФЗ введен п. «д», регламентирующий порядок конфискации транспортного средства, принадлежащего обвиняемому и используемого им при совершении преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ. Так, законодатель выделил транспортное средство, использованное при совершении преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, в отдельный от орудия, оборудования или иного средства совершения преступления пункт.

В-четвертых, использование транспортного средства, взятого в краткосрочную аренду, может быть рассмотрено как способ совершения преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ.

Под способом совершения преступления понимаются юридически значимые

¹ Уголовное право России. Общая часть : альбом схем / авт.-сост. В. А. Волколупова, А. С. Сенцов. Изд. 2-е, перераб., доп. Волгоград : Волгоградская академия МВД России, 2016. С. 32.

² Косарев М. Н., Рублев А. Г. Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств: состав преступления и вопросы его квалификации (ст. 264 УК РФ) : учеб. пособие. Екатеринбург : УрЮИ МВД России, 2016. С. 9.

³ О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2008 г. № 25. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

особенности приемов, средств и методов совершения преступления. Применительно к ст. 264.1 УК РФ способ совершения преступления чаще играет подчиненную роль по отношению к механизму и другим элементам криминалистической характеристики ДТП. В этом ключе способ совершения ДТП на автомобилях каршеринга чаще изучается с позиций особенностей поведения в предаварийной обстановке, способа предотвращения наступления вредных последствий.

В-пятых, использование кратковременно арендованного транспортного средства может быть рассмотрено как способ сокрытия преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ. Данная позиция представляется наиболее правильной и актуальной на сегодняшний день. Лица, ранее привлекавшиеся к административной и (или) уголовной ответственности, осведомлены об обязательной конфискации принадлежащего им и использованного при совершении преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, транспортного средства. Использование автомобиля краткосрочной аренды позволяет «сохранить» свое имущество от взыскания в пользу государства. Транспортное средство каршеринга эвакуируют на специальную стоянку, а водителю, допустившему повторное управление транспортным средством в состоянии опьянения, необходимо заплатить штраф, а не потерять большой по стоимости автомобиль. Еще одним аргументом целесообразности рассмотрения каршеринга в качестве способа сокрытия преступления является возможность использования услуг каршеринга под чужим аккаунтом (как купленным, так и заимствованным с согласия собственника аккаунта) лицами, заведомо не имеющими права управлять транспортным средством. Третьим доводом в пользу выдвинутого тезиса является уверенность недобросовестных водителей в том, что сотрудники Госавтоинспекции останавливают каршеринги реже, чем другие автомобили, а, следовательно, повышается возможность безнаказанного управления транспортным средством в состоянии опьянения.

Однако целесообразным представляется подчеркнуть, что при рассмотрении вышеуказанных позиций невозможно утверждать о роли транспортного средства каршеринга как криминалистически значимого элемента без обращения к уголовно-правовым библиографическим источникам. В данном вопросе наука криминалистика не обходится без теоретических положений уголовного права: различить орудие, средство и способ совершения и сокрытия преступления нам помогает цель данного преступления.

Г. Ш. Аюпова утверждает, что «четкое и единое понимание таких признаков, как предмет, орудие и средство преступления, имеет уголовно-правовое значение при применении положений ст. 264.1 УК РФ, транспортное средство следует признать средством преступления» [10, с. 71].

Также имеет место мнение о том, что транспортное средство не относится ни к предмету, ни к средству совершения преступления, а является лишь источником повышенной опасности [11].

На основании приведенных мнений ученых представляется целесообразным рассматривать транспортное средство, взятое в краткосрочную аренду, как способ сокрытия преступления в структуре криминалистически значимых элементов преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ.

Используя арендованный автомобиль как средство совершения преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, водитель заключает с юридическим лицом, предоставляющим такие услуги, непубличный договор, а «смарт-контракт» [12, с. 207]. Все чаще звучат мнения о том, что договор каршеринга следует признать самостоятельным видом договора аренды [13, с. 32]. В настоящее время любой человек, желающий взять в краткосрочную аренду транспортное средство, путем использования аккаунта сервиса каршеринга заключает в приложении договор такой аренды. При этом не требуется реальное присутствие оператора системы каршеринга: электронная форма заключения договора приводит к тому, что юридическое

лицо (арендодатель) фактически не знает, кто находится за рулем каршеринга.

Таким образом, водители несут наказание за нарушения правил дорожного движения как в соответствии с действующим федеральным законодательством, так и по условиям договора каршеринга, то есть компании по условиям договора получают дополнительную финансовую выгоду [14, с. 9]. Можно утверждать, что сервисы каршеринга в данных ситуациях злоупотребляют правом: компания, получив штраф за передачу управления транспортным средством лицу в состоянии опьянения (ст. 12.32 КоАП РФ), оплачивает его, а затем имеет право в регрессном порядке взыскать сумму данного штрафа с арендатора, а также определенную сумму за неисполнение условий договора (управление автомобилем в состоянии опьянения).

Данные положения наглядно иллюстрируют строгость механизма «двойной» ответственности водителя, управляющего каршерингом в состоянии опьянения, что порождает использование нетрезвыми водителями различных способов сокрытия преступления и противодействия расследованию в целом.

В связи с изложенным в отношении статьи 264.1 УК РФ целесообразно также анализировать такие способы сокрытия преступления, как использование чужого аккаунта в сервисе каршеринга, перемещение на пассажирское сиденье автомобиля, перемена мест пассажира с водителем, попытка покинуть транспортное средство и скрыться от сотрудников полиции, распитие алкогольных напитков сразу после остановки водителя инспектором Госавтоинспекции и прочее. В настоящее время услуги покупки чужого аккаунта каршеринга используются водителями, неоднократно привлекавшимися к административной и (или) уголовной ответственности за управление транспортным средством в состоянии опьянения, все чаще. Так, в поисковой системе, принадлежащей российской транснациональной компании в отрасли информационных технологий «Яндекс», на запрос «Купить аккаунт карше-

ринга выдано около 18 тысяч результатов. Т. А. Лахтина и др. полагают, что «гарантированно обеспечить подтверждение личности водителя возможно с помощью регистрации пользователей каршеринга через Портал государственных услуг» [8, с. 209]. А. А. Никитин предлагает очную регистрацию водителей в комитете по транспорту субъекта Российской Федерации [15, с. 161]. Представляется очевидным, что на сегодняшний день ни одно из этих предложений не может быть реализовано.

К мерам выявления фактов управления автомобилями в состоянии опьянения лицами, подвергнутыми административному наказанию или имеющими судимость, противодействия сокрытию данных преступлений следует отнести установку на арендованных автомобилях алкозамков, обязательное прохождение тестов на реакцию и внимательность. Эффективность алкозамков зависит от типа опьянения водителя, пытающегося арендовать транспортное средство: алкоголь, как правило, употребляется до начала аренды автомобиля «каршеринга», а наркотические средства – в период аренды [16, с. 151].

Алкозамок представляет собой алкотестер со съемным мундштуком, который позволяет перед запуском каршеринга выявить состояние опьянения водителя. В случае превышения допустимой концентрации спиртного в литре выдыхаемого воздуха (0,16 мг/л) бортовой компьютер блокирует запуск двигателя. Необходимо, чтобы в любой момент управления автомобилем система запрашивала повторный тест в целях исключения ситуации, при которой водитель, находящийся в нетрезвом состоянии, попросит трезвого подуть в прибор [17, с. 60]. Установка алкоблокиратора вынуждает сервис каршеринга оборудовать автомобиль бортовым компьютером. Согласно расчетам В. В. Вараева цена подобранной инструментальной базы для установки одного полного комплекта оборудования алкозамка на каршеринг на 2023 год составляет 18 100 рублей [18, с. 10–11]. На бортовом компьютере автомобиля, обеспечивающем работу

алкозамка, должно быть установлено специализированное приложение, способное зафиксировать мобильное устройство, а также идентификационный электронный модуль абонента (аккаунт), воспользовавшегося услугой [12, с. 208].

В целом интересное поле исследований представляют возможности искусственного интеллекта, которые могут быть внедрены как в систему алкозамков, так и для тестирования водителей на состояние опьянения в приложении каршеринговых сервисов. В отношении водителей, допускаящих управление транспортным средством в состоянии опьянения, целесообразно создать «черный список» в самих компаниях каршеринга, которые будут делиться данными этих баз не только друг с другом, но и с правоохранительными органами.

Установка алкозамков на автомобилях каршеринга образует новый источник виртуальных следов, с которыми столкнется дознаватель при расследовании уголовных дел, возбужденных по ст. 264.1 УК РФ. Фактически возникнет ситуация, когда имеется источник виртуальных следов, но отсутствует определенный законодателем порядок изъятия таких следов и их последующего доказательственного значения. Целесообразно предположить, что виртуальная следовая картина с алкозамка, функционирующего как устройство бортового компьютера автомобиля, должна изыматься по аналогии с записями прибора регистрации информации «Дозор» и записями из патрульного автомобиля – специалистами, имеющими допуск на производство компьютерных экспертиз.

Тестовый режим методик выявления нетрезвых пользователей проводится в приложении с помощью специально разработанного программного обеспечения сервиса каршеринга «Делимобиль», проверяющего водителей в приложении только с 23:00 до 05:00¹. В случае неудачной попытки решения теста водителю в прило-

жении необходимо направить свое видеоселфи оператору сервиса, который примет решение о дальнейшем согласии или отказе в аренде каршеринга данному лицу. Это означает, что компании, используя принцип свободы договора, не стремятся признавать каршеринг договором проката, так как это повлечет за собой требование заключать сделку по правилам публичного договора [19, с. 52].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что успешная разработка и тестирование алкозамков в России, в том числе введение специального ГОСТа, создает поле для практической реализации – обязательной установки данных технических средств на автомобилях, которые могут быть взяты в краткосрочную аренду с поминутной тарификацией.

Заключение

Таким образом, нами были исследованы уголовно-правовые и криминалистические позиции рассмотрения арендованного автомобиля как орудия, средства, предмета, способа совершения и сокрытия преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ. Сделан вывод о целесообразном рассмотрении использования краткосрочной аренды автомобиля в качестве способа сокрытия указанного преступления с позиций криминалистически значимого элемента данного состава.

Основными аспектами влияния сервиса каршеринга на безопасность дорожного движения применительно к рассматриваемой нами теме в настоящее время являются управление транспортным средством в состоянии опьянения, в том числе лицами, ранее подвергнутыми административному наказанию или имеющими судимость, а также использование недостоверных персональных данных в аккаунтах каршеринга для сокрытия фактов нарушения законодательства. Помимо прочего, рассмотрены способы сокрытия совершенного преступления и противодействия расследованию по уголовному делу в целом. Акцентировано

¹ «Делимобиль» начал тестировать водителей на трезвость и усталость // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/news/2020/09/21/840674-delimobil-nachal-testirovatvoditelei-na-trezvost-i-ustalost> (дата обращения: 14.05.2023).

внимание на возможной будущей сложности расследования данной категории уголовных дел, вызванной отсутствием практики изъятия и последующего использования виртуальных следов в доказывании.

На основании изложенного предлагается введение обязательной установки на транспортных средствах каршеринга устройств распознавания состояния алкогольного опьянения водителей, а также внедрение

искусственного интеллекта в разработку данного вопроса. Возможно создание совместных пилотных проектов коммерческих организаций, научно-исследовательских институтов и МВД России по созданию единой информационной системы пользователей каршерингов, куда каждый из субъектов сможет вносить данные о водителях, хотя бы единожды попадавших в нетрезвом состоянии за рулем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Халиуллина Л. Г. Незаконный оборот учетно-регистрационных данных пользователей сервисов «Каршеринга» // Государственная служба и кадры. 2020. № 2. С. 126–130.
2. Шамсутдинов М. Ф. Проблемы договора каршеринга в Российской Федерации // Молодой ученый. 2023. № 23 (470). С. 409–411.
3. Чаркин А. В. Каршеринг как инструмент ограничения права на вождение автомобиля // Вопросы российской юстиции. 2020. № 10. С. 195–200.
4. Нефедова А. И., Фурсов К. С. Спрос на каршеринг в России: портрет потенциальных пользователей // ЖССА. 2019. № 6. С. 150–171.
5. Андреев В., Розовский Б., Светлов А. Орудия и средства совершения преступления // Социалистическая законность. 1963. № 7. С. 32–33.
6. Хлус А. М. Средства совершения преступлений как элемент их криминалистической структуры // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 1 (103). С. 24–33.
7. Салтевский М. В. Собираение криминалистически значимой информации техническими средствами на предварительном следствии. Киев : КВШ, 1980. 111 с.
8. Трофимов В. Е. Уголовная ответственность за управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2022. 31 с.
9. Грачева Ю. В., Чучаев А. И. Дополнительные уголовно-правовые меры обеспечения безопасности автотранспорта // Уголовное право. 2015. № 3. С. 10–15.
10. Аюпова Г.Ш. Уголовная ответственность за нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. 225 с.
11. Исаев Н. Ю. Уголовная ответственность за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2009. 30 с.
12. Лахтина Т. А., Фадеева И. В., Куцык В. П. Проблемы правового обеспечения безопасности дорожного движения с учетом развития услуг каршеринга в России // Вестник экономической безопасности. 2021. № 3. С. 206–211.
13. Комиссарова С. В. Правовая природа договора онлайн аренды на примере каршеринга // Право и государство: теория и практика. 2022. № 8 (212). С. 30–32.
14. Былинин И. А. К вопросу административно-правового регулирования каршеринга и применения федерального государственного надзора в области безопасности дорожного движения к его участникам // ВВ: Административное право и практика администрирования. 2020. № 3. С. 17–27.
15. Никитин А. А. Актуальные проблемы сервиса «каршеринг» // Инновационный потенциал развития науки в современном мире: достижения и инновации : сборник научных статей по материалам XIII Международной научно-практической конференции. В 3 ч. Ч. 2. Уфа : Изд. НИЦ Вестник науки, 2023. С. 158–162.
16. Халиуллина Л. Г. Криминалистическая характеристика уголовно-наказуемых нарушений безопасности движения и эксплуатации автомобилей сервисов «каршеринга» // Вестник экономической безопасности. 2020. № 3. С. 150–153.

17. Горбатенко Д. С. Аварийность на автомобильном транспорте, используемом в режиме каршеринга // Научно-технический вестник Поволжья. 2019. № 12. С. 59–61.
18. Вараев В. В., Кристальный С. Р. Современные системы определения нетрезвого водителя для использования в структуре каршеринга // Автомобиль. Дорога. Инфраструктура. 2023. № 2 (36). С. 1–12.
19. Смирнов И. О. Анализ правовой природы договора каршеринга // Скиф. 2021. № 5 (57). С. 50–54.

REFERENCES

1. Khaliullina L. G. Illegal turnover of registration data of users of carsharing services // Civil Service and Personnel. 2020. No. 2. P. 126–130. (In Russ.)
2. Shamsutdinov M. F. Problems of the carsharing agreement in the Russian Federation // Young scientist. 2023. No. 23 (470). P. 409–411. (In Russ.)
3. Charkin A. V. Carsharing as a tool for restricting the right to drive a car // Issues of Russian Justice. 2020. No. 10. P. 195–200. (In Russ.)
4. Nefedova A. I., Fursov K. S. Demand for carsharing in Russia: a portrait of potential users // Journal of Sociology and Social Anthropology. 2019. No. 6. P. 150–171. (In Russ.)
5. Andreev V., Rozovsky B., Svetlov A. Tools and means of committing a crime // Socialist legality. 1963. No. 7. P. 32–33. (In Russ.)
6. Khlus A. M. Means of committing crimes as an element of their forensic structure // Russian law: education, practice, science. 2018. No. 1 (103). P. 24–33. (In Russ.)
7. Saltevsy M. V. Collection of forensically significant information by technical means during preliminary investigation. Kiev : Kiev Higher School, 1980. 111 p. (In Russ.)
8. Trofimov V. E. Criminal liability for driving a vehicle while intoxicated by a person subject to administrative punishment or having a criminal record : abstract. dis. ... Cand. of Law. Moscow, 2022. 31 p. (In Russ.)
9. Gracheva Yu. V., Chuchaev A. I. Additional criminal and legal measures to ensure the safety of motor transport // Criminal Law. 2015. No. 3. P. 10–15. (In Russ.)
10. Ayupova G. Sh. Criminal liability for violation of traffic rules by a person subject to administrative punishment : diss. ... Cand. of Law. Yekaterinburg, 2018. 225 p. (In Russ.)
11. Isaev N. Yu. Criminal liability for violation of rules of the road and operation of vehicles : abstract. diss. ... Cand. of Law. Moscow, 2009. 30 p. (In Russ.)
12. Lakhtina T. A., Fadeeva I. V., Kutsyk V. P. Problems of legal provision of road safety, taking into account the development of car sharing services in Russia // Bulletin of Economic Security. 2021. No. 3. P. 206–211. (In Russ.)
13. Komissarova S. V. Legal nature of an online rental agreement using the example of carsharing // Law and state: theory and practice. 2022. No. 8 (212). P. 30–32. (In Russ.)
14. Bylinin I. A. On the issue of administrative and legal regulation of carsharing and the application of federal state supervision in the field of road safety to its participants // NB: Administrative law and administration practice. 2020. No. 3. P. 17–27. (In Russ.)
15. Nikitin A. A. Actual problems of the carsharing service // Innovative potential for the development of science in the modern world: achievements and innovations : collection of scientific articles based on the materials of the XIII International Scientific and Practical Conference. In 3 parts. Part 2. Ufa : Publ. Research Center «Bulletin of Science», 2023. P. 158–162. (In Russ.)
16. Khaliullina L. G. Criminological characteristics of criminally punishable violations of traffic safety and operation of carsharing services vehicles // Bulletin of Economic Security. 2020. No. 3. P. 150–153. (In Russ.)
17. Gorbatenko D. S. Accident rate among motor transport used in a car sharing mode // Scientific and Technical Bulletin of the Volga Region. 2019. No. 12. P. 59–61. (In Russ.)
18. Vараев V. V., Kristalny S. R. Modern systems for identifying a drunk driver for use in the car sharing structure // Automobile. Road. Infrastructure. 2023. No. 2 (36). P. 1–12. (In Russ.)

19. Smirnov I. O. Analysis of the legal nature of the carsharing agreement // Skif. 2021. No. 5 (57). P. 50–54. (In Russ.)

Информация об авторе:

Москаленко Д. А. – адъюнкт.

Information about the author:

Moskalenko D. A. – adjunct.

Статья поступила в редакцию 20.06.2024; одобрена после рецензирования 01.07.2024; принята к публикации 27.09.2024.

The article was submitted 20.06.2024; approved after reviewing 01.07.2024; accepted for publication 27.09.2024.

Научная статья
УДК 343.228(470)

Мелия Каюмовна Нуркаева

Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия, melia180955@mail.ru

ПРОЦЕСС СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ

Аннотация. В статье на основе анализа уголовного законодательства дореволюционного, советского и постсоветского периодов истории России, других памятников российского права, постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации и РСФСР рассматривается институт защиты от опасного для жизни насилия или от непосредственной угрозы применения такого насилия, а также история его развития. По результатам исследования автор пришел к выводу, что институт необходимой обороны претерпевал множество изменений, пройдя путь от права на самозащиту, наиболее тесно связанную с кровной мстью, до нынешнего своего положения как естественного самостоятельного субъективного права, гарантированного Конституцией Российской Федерации.

Ключевые слова: необходимая оборона, права на самозащиту, кровная мсть, естественное самостоятельное субъективное право, общественно полезное правомерное деяние

Для цитирования: Нуркаева М. К. Процесс становления и развития необходимой обороны по уголовному законодательству России // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2024. № 3 (19). С. 57–66.

Original article

Meliya K. Nurkaeva

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia, melia180955@mail.ru

THE PROCESS OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE NECESSARY DEFENSE UNDER THE CRIMINAL LEGISLATION OF RUSSIA

Abstract. Based on the analysis of criminal legislation of the pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet periods of Russian history, other monuments of Russian law, resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and the RSFSR, the article, examines the history of the development of the institution of protection from life-threatening violence or from the immediate threat of such violence. According to the results of the study, the author came to the conclusion that the institution of necessary defense has undergone many changes, having gone from the right to self-defense, most closely associated with blood feud, to its current position as a natural independent subjective right guaranteed by the Constitution of the Russian Federation.

Keywords: necessary defense, rights to self-defense, blood feud, natural independent subjective right, socially useful lawful act

For citation: Nurkaeva M. K. The process of formation and development of the necessary defense under the criminal legislation of Russia // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2024. No. 3 (19). P. 57–66. (In Russ.)

Введение

Актуальность темы исследования определяется прежде всего функциями института защиты от опасного для жизни насилия или от непосредственной угрозы применения такого насилия как формы проявления необходимой обороны. Данный институт

регулирует возможность защиты от общественно опасного посягательства именно в момент его совершения, что качественно отличает его от иных способов защиты нарушенных прав.

При применении этого института возникают проблемы, которые обусловлены,

во-первых, сложностью установления всех фактических обстоятельств, позволяющих дать правильную уголовно-правовую оценку действиям обороняющегося как преступным или непроступным, во-вторых, направленностью следственной и судебной практики, которая на данный момент имеет обвинительный уклон в отношении указанных лиц (такая практика нуждается в корректировке, следует перенести акцент с непроступности необходимой обороны на ее социальную полезность), в-третьих, в недостаточности правового регулирования этого института. Необходимо совершенствование законодательной регламентации положений Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) о необходимой обороне, что позволит формировать стабильную и непротиворечивую правоприменительную практику квалификации действий обороняющихся.

В разрешении трудностей, возникающих при реализации норм, связанных с необходимой обороной, поможет исторический метод, так как он позволяет показать сущность изучаемого правового явления в его развитии, объяснить его для современного правопонимания и правоприменения и, конечно, для правотворчества. В связи с этим в статье «Место необходимой обороны в системе форм защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации», которая была опубликована ранее, были проведены анализ действующего российского законодательства, постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, а также обзор практики применения судами положений главы 8 УК РФ об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, научных источников [1].

В настоящем исследовании сделана попытка проследить процесс возникновения и формирования института защиты от опасного для жизни насилия или от непосредственной угрозы применения такого насилия в российском законодательстве.

Вопросы периодизации развития этого института, а также особенности его регламентации на различных исторических этапах освещены в работах Д. М. Васина [2], В. В. Меркурьева [3], А. Ф. Кони [4], М. А. Кауфмана [5], Н. В. Стуса [6], С. В. Пархоменко [7], П. М. Филиппова [8], Н. А. Аркавенко [9] и других ученых.

Методы

В качестве методов исследования в настоящей работе использовались общетеоретические и специально-юридические. В статье последовательно анализируются различные методы исторического исследования. Рассматривается типология методов. Особое внимание уделяется таким методам, как нарративный, сравнительный, типологический, структурный, системный, метод периодизации. На наш взгляд, именно такой подход позволяет всесторонне рассмотреть предмет настоящего исследования.

Результаты

Изучая необходимую оборону, автор отметил, что имеющиеся проблемы в понимании и реализации этого института наложили определенный отпечаток на правоприменительную деятельность. Решение теоретических, практических, правотворческих проблем, несомненно, зависит от исторического понимания исследуемого явления. Поэтому от того, насколько глубоко и всесторонне будут рассмотрены исторические корни, закономерности, зависят в конечном счете и теоретический уровень нашего закона, и эффективность правоприменительной деятельности.

Обсуждение

Зарождение права на защиту от опасного для жизни насилия или от непосредственной угрозы применения такого насилия связывают с договором Олега с Византией 911 года¹, в котором право на необходимую оборону рассматривалось как естественное право человека на защиту [10, с. 101].

Следует отметить, что в то время объектом этого правомерного действия могло

¹ Русско-византийский договор 911 года // Повесть временных лет. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nestor_Letopisets/povest-vremennyh-let/ (дата обращения: 22.06.2024).

быть только лицо, на которое совершено нападение, то есть отсутствовала возможность реализации данного права в целях защиты иных лиц. Так как действия посягающего не рассматривались с точки зрения опасности для жизни обороняющегося, пределы необходимой обороны были сформулированы крайне расплывчато. Не допускалось причинение преступнику вреда, не направленного на предотвращение либо прекращение посягательства [11, с. 34].

Дальнейшее развитие института необходимой обороны связано с Русской Правдой (ст. 38 Акад. сп.): «Аще убьют татя на своем дворе, любо у клети, или у хлева, то той убит; аще ли до света держать, то вести его не княжь двор; а оже ли убьют, а люди будут видели связан, то платити в немь»¹. Или толкуя современным языком: «Если убьют вора на своем дворе или у клети, или у хлева, то за это не отвечают как за убийство, если же вора держали до рассвета, то привести его на княжеский двор на суд. Но если вора убьют, а люди видели его связанным, то надо платить за него»².

Как видим, Русская Правда содержала отдельные положения о необходимой обороне, хотя и не выделяла ее в качестве самостоятельного института, допускала ее в порядке защиты как личных прав (жизни, здоровья), так и имущественных, останавливаясь главным образом на последних. Так, было дозволено убить вора, пойманного на месте преступления, однако указывались и ограничения на его убийство.

Становление института необходимой обороны началось в середине XVII – начале XVIII веков в Соборном уложении 1649 года, где он воспринимается как естественное право. Был расширен круг субъектов необходимой обороны, появилась возможность реализации права в целях защиты ин-

тересов иных лиц. Именно на этом этапе, несмотря на сохранившиеся широкие права обороняющегося, появляется четкое ограничение института необходимой обороны от кровной мести. Не допускались излишняя жестокость и осуществление самосуда. При разрешении применения данного права в целях защиты от «реальных обид», то есть конкретных противоправных действий посягающего, отсутствовала возможность защиты от «словесных обид» (ст. 201 главы 10)³. Рассматривая данный вопрос, предположим, что защита могла осуществляться лишь в случае нападения, то есть нанесения первого удара, и полностью отсутствовала возможность применения данной нормы в превентивном порядке в том случае, когда обороняющееся лицо имело достаточные основания полагать, что «словесные обиды», то есть угрозы, могут быть воплощены лицом посягающим. Таким образом, условия правомерности необходимой обороны все еще не имели четких формулировок и не получили достаточного развития в данный период, однако именно в это время особо были выделены преступления, посягающие на честь женщин. Следовательно, можно сделать вывод о зарождении принципа соразмерности наносимого вреда посягающему лицу и тяжести совершаемого данным лицом посягательства.

Следующие кардинальные изменения рассматриваемый институт претерпевает в начале XVIII века. Данный период обусловлен ужесточением регламентации с одновременным ограничением объема реализации права на необходимую оборону. На этом этапе, в отличие от современных взглядов на институт необходимой обороны, данное право начинает рассматриваться государством как попытка ограничения государственной власти [12, с. 13]. Наиболее

¹ Краткая русская правда (по академическому списку половины XV в.). URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/RP/krp.htm> (дата обращения: 22.06.2024).

² Русская Правда. Краткая редакция (текст по академическому списку) / перевод Б. Б. Кафенгауза. URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ruspravda> (дата обращения: 22.06.2024).

³ Соборное уложение 1649 года. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1961. С. 139–140. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649.htm> (дата обращения: 22.06.2024).

ярко это отражается в Воинских Артикулах Петра I (глава XIX, артикулы 156–157)¹, которые меняют взгляды на необходимую оборону, одновременно сужая рамки его применения. Наиболее значимым изменением в части отношения к необходимой обороне явилось признание ее не как обстоятельства, исключаящего преступность деяния, оправдывающего обстоятельство, а как действия, продолжающего считаться противоправным и в то же время ненаказуемым. Таким образом, необходимая оборона рассматривалась лишь как вынужденная мера и не являлась правомерной защитой, а тем более общественно полезной деятельностью. Эта точка зрения подтверждается тем, что одновременно с изменением взглядов на необходимую оборону был резко сужен круг объектов и субъектов необходимой обороны. Артикулы Петра I рассматривают оборону лишь как защиту жизни и здоровья, тем самым ограничивая право в части осуществления защиты от ненасильственных посягательств. Вместе с тем необходимая оборона принимает форму самообороны. Вновь отсутствует возможность защиты иных лиц, что по своей сути возвращает институт необходимой обороны ко временам его возникновения. Более того, норма начинает носить субсидиарный характер, так как область ее применения ограничивалась случаями, в которых отсутствовала возможность избежать посягательства либо обратиться за помощью к государству. Однако именно этот период можно считать началом регламентации условий правомерности необходимой обороны. Таковыми считались своевременность обороны, а также впервые закреплялся в законе принцип соразмерности защиты и нападения [12, с. 13]. Тем не менее считать данные требования условиями правомерности в чистом виде нельзя, ведь, как было отмечено выше, необходимая оборона не

являлась правомерной защитой, а признавалась лишь исключаящим наказуемость деяния обстоятельством. Таким образом, на анализируемом этапе, с одной стороны, осуществлен возврат к истокам формирования института необходимой обороны, но вместе с тем положено начало такой неотъемлемой в наше время части данного института, как условия правомерности осуществления необходимой обороны.

Одним из наиболее значимых законодательных актов в истории развития института необходимой обороны является Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (ст.ст. 107–109)², в котором были закреплены определенные условия, при их соблюдении действия обороняющегося признавались правомерными. Объектами обороны могли являться жизнь, здоровье, собственность, неприкосновенность жилища, половая неприкосновенность женщины, также предусматривалась возможность защиты иных лиц от посягательств на вышеуказанные объекты. Среди условий также выделяется возможность осуществления необходимой обороны лишь при отсутствии возможности обратиться за защитой к местному либо ближайшему начальству. Более того, на лицо, осуществившее необходимую оборону, возлагалась обязанность незамедлительно сообщить о совершенных деяниях соседним жителям и при первой же возможности ближайшему начальству. Несмотря на то, что понятие превышения пределов необходимой обороны в Уложении 1845 года отсутствовало, имело место понятие «злоупотребление обороной». Злоупотреблением обороны признавался вред, причиненный посягающему лицу после прекращения посягательства.

Новый этап в развитии института необходимой обороны приходится на начало XX века. В дореволюционный период про-

¹ Воинский Артикул Петра I от 26 апреля 1715 г. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/articul.htm> (дата обращения: 22.06.2024).

² Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1845. С. 33–35. URL: <http://narod.ru/disk/35206988001/Уложение%201845.pdf.html> (дата обращения: 22.06.2024).

исходит возврат к пониманию необходимой обороны как естественного права. В отличие от Артикулов Петра I, Уголовное уложение 1903 года рассматривает необходимую оборону как обстоятельство, исключающее преступность деяния (ст. 45–46)¹. В связи с этим можно сделать вывод, что данный институт трактуется как гарантия правомерности нанесения вреда посягающему; в рассматриваемый период область применения необходимой обороны была значительно расширена, а также предусмотрена не только возможность защиты своих собственных прав. Государство констатирует правомерный характер защиты от посягательств.

Следующий этап развития института необходимой обороны приходится на советский период. В Руководящих началах по уголовному праву 1919 года норма о необходимой обороне, закрепленная в ст. 15, была изложена менее обстоятельно и подробно, чем в дореволюционный период². Формулировка, данная в этой статье, в значительной мере сужает область применения нормы о необходимой обороне и по большому счету повторяет нормы, установленные в Артикулах Петра I, за исключением возможности осуществления защиты иных лиц. В первую очередь следует отметить, что совершение насилия над личностью нападавшего в пределах необходимой обороны вновь рассматривается законодателем как обстоятельство, исключающее лишь наказуемость деяния. Следовательно, применение такого насилия представляется как неправомерное общественно опасное деяние. Более того, данная норма закрепляет действия обороняющегося как необходимое средство защиты от нападения, тем самым ограничивая об-

ласть ее применения, а также указывая на субсидиарный характер необходимой обороны. Отсутствие упоминания в законе о возможности защиты имущественных благ от посягательств свидетельствует о том, что рассматриваемый институт вновь дает возможность осуществлять защиту лишь от насильственных посягательств. Сравнивая ст. 15 Руководящих начал по уголовному праву 1919 года с дореволюционной нормой, отметим, что если норма 1903 года предусматривала наказание за превышение пределов необходимой обороны лишь в случаях, прямо указанных в законе, то норма 1919 года, хоть и не содержит в себе конкретных пределов защиты от общественно опасного посягательства, устанавливает безоговорочную наказуемость превышения мер необходимой обороны.

В более поздних законодательных актах советского периода истории России прослеживается тенденция к восстановлению институтом необходимой обороны своей значимости и расширению круга объектов защиты (ст. 19 Уголовного кодекса РСФСР 1922 года)³. С принятием Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 года круг объектов был расширен за счет интересов государства (ст. 9)⁴. Данная норма, как указывает Ю. М. Ткачевский [13 с. 20], в несколько измененном варианте содержится в части 1 статьи 13 Уголовного кодекса РСФСР 1926 года⁵.

Лишь с принятием Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 года вред, причиненный посягающему лицу в пределах необходимой обороны, перестал считаться преступным

¹ Новое уголовное уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 года. СПб. : Изд. В. П. Анисимова, 1903. С. 23–24. URL: <http://library6.com/books/553030.pdf> (дата обращения: 22.06.2024).

² Руководящие начала по уголовному праву РСФСР : постановление НарКомЮста РСФСР от 12 декабря 1919 г. URL: <http://pravo.levonevsky.org/baza/soviet/sss7311.htm> (дата обращения: 22.06.2024).

³ О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») : постановление ВЦИК от 1 июня 1922 г. // СУ РСФСР, 1922. № 15. Ст. 153.

⁴ Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик от 31 октября 1924 года. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2237.htm (дата обращения: 22.06.2024).

⁵ О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») : постановление ВЦИК от 22 ноября 1926 г. // СУ РСФСР, 1926. № 80. Ст. 600.

деянием, то есть обрел статус обстоятельства, исключаящего не только наказуемость, но и преступность деяния (ст. 13)¹. Также данным законодательным актом круг объектов необходимой обороны был дополнен интересами общества.

В первоначальной редакции Уголовного кодекса РСФСР 1960 года статья 13 о необходимой обороне² повторяла статью 13 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 года, включая в себя тот же круг объектов обороны, а также содержала пояснение касательно превышения пределов необходимой обороны.

Следует отметить, что значительную роль в совершенствовании института необходимой обороны и улучшения правоприменительной практики сыграло постановление Пленума Верховного Суда СССР № 11 от 4 декабря 1969 г. «О практике применения судами законодательств о необходимой обороне». Из указаний Пленума следует отметить п. 2, где говорилось: «Суды не должны механически исходить из требований соразмерности средств защиты и нападения, а также их интенсивности, а должны учитывать как степень и характер опасности, угрожающей обороняющемуся, так и его силы и возможности по отражению нападения. Следует учитывать и то, что при внезапности нападения вследствие внезапно возникшего сильного душевного волнения обороняющийся не всегда в состоянии точно взвесить характер опасности и избрать соразмерные средства защиты, что, естественно, может иногда повлечь и более тяжкие последствия, за которые это лицо не может нести ответственности»³.

В дальнейшем Федеральный закон от 1 июля 1994 г. № 10-ФЗ «О внесении изме-

нений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР»⁴ существенно изменил статью 13 о необходимой обороне, которая была изложена в новой редакции: «Каждый имеет право на защиту своих прав и законных интересов, прав и законных интересов другого лица, общества, государства от общественно опасного посягательства независимо от возможности избежать посягательства либо обратиться за помощью к другим лицам или органам власти. Правомерной является защита личности, прав и законных интересов обороняющегося, другого лица, общества и государства путем причинения любого вреда посягающему, если нападение было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия. Защита от нападения, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с угрозой применения такого насилия, является правомерной, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны, то есть умышленных действий, явно несоответствующих характеру и опасности посягательства». Данная редакция предусматривает подразделение видов посягательств и пределов необходимой обороны, применимых в зависимости от них. Первым видом является посягательство, сопряженное с насилием, опасным для жизни, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия. В случае защиты от такого посягательства отсутствуют пределы необходимой обороны. Вторым видом является посягательство, не сопряженное с насилием, опасным для

¹ Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (вместе с Основами законодательства) : Закон от 25 декабря 1958 г. (ред. от 08.04.1989) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 22.06.2024).

² Об утверждении Уголовного кодекса РСФСР (вместе с «Уголовным кодексом РСФСР») : Закон РСФСР от 27 октября 1960 г. // Ведомости ВС РСФСР, 1960. № 40. Ст. 591.

³ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 4 декабря 1969 г. № 11 // Бюллетень Верховного Суда СССР, 1970. № 1.

⁴ О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : федеральный закон от 1 июля 1994 г. № 10-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 10. Ст. 1109.

жизни, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия. В данном случае оборона считается правомерной лишь при непревышении пределов необходимой обороны, то есть несовершении умышленных действий, явно несоответствующих характеру и опасности посягательства.

Как итог, советский период развития института необходимой обороны, несмотря на значительное сужение области применения на раннем этапе, расширил понимание необходимой обороны, а также впервые в истории включил в состав объектов защиты интересы общества и государства.

Завершающим в развитии института необходимой обороны является постсоветский этап, охватывающий период с 1991 года по наши дни, на котором рассматриваемый институт приобрел ряд нововведений, расширивших область его применения. Впервые право на необходимую оборону находит закрепление в Конституции Российской Федерации (ст. 45)¹ и уголовном законодательстве как одно из основных прав человека. Таким образом, был закреплен самостоятельный характер данного права, а также его естественное происхождение.

Первоначальная редакция статьи 37 УК РФ 1996 года впервые прямо определяет круг субъектов необходимой обороны. Также данная статья прямо указывает на правомерность осуществления необходимой обороны независимо от возможности избежать общественно опасного посягательства или обратиться за помощью к другим лицам или органам власти. Однако, несмотря на то, что статья предусматривала пределы необходимой обороны, на данном этапе институт необ-

ходимой обороны вновь не имел дифференциации общественно опасных посягательств. Таким образом, пределы необходимой обороны устанавливались абсолютно для всех случаев осуществления этого действия.

Одним из наиболее значимых нововведений явилось изложение статьи 37 УК РФ в редакции Федерального закона от 14 марта 2002 г. № 29-ФЗ², по которому произошло подразделение видов посягательств и условий правомерности необходимой обороны в зависимости от них.

Довольно долгое время субъект необходимой обороны находился в ситуации, «когда он не только должен дожидаться посягательства, но и определить его направленность (на жизнь или менее ценные блага), характер применяемого насилия, то есть решать те вопросы, которые вызывают трудности даже у специалистов» [14, с. 18]. Однако Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ³ статья 37 была дополнена частью 2.1, где прописан случай непревышения пределов необходимой обороны, когда у обороняющегося не было возможности объективно оценить из-за неожиданности посягательства степень и характер опасности нападения. Позднее часть 3 статьи 37 УК РФ в редакции Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ⁴ установила, что положения статьи о необходимой обороне распространяются на всех лиц независимо от их профессиональной или иной специальной подготовки и служебного положения, а также независимо от возможности избежать общественно опасного посягательства или обратиться за помощью к другим лицам или органам власти, что

¹ Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями от 4 октября 2022 года № 5-ФКЗ, № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ, № 8-ФКЗ // Официальный интернет-портал правовой информации.: URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 26.06.2024).

² О внесении изменений в статью 37 Уголовного кодекса Российской Федерации : федеральный закон от 14 марта 2002 г. № 29-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 11. Ст. 1021.

³ О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 50. Ст. 4848.

⁴ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму» : федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (часть I). Ст. 3452.

также может свидетельствовать о развитии данного института в рамках концепции естественного права.

В целом данные изменения существенно облегчили понимание норм о необходимой обороне, однако внесение некоторых изменений породило новые вопросы. Так, А. Шнитенков высказывал точку зрения, что внесение изменений, предусматривающих посягательство, опасное для жизни, носит неоконченный характер. По его мнению, законодателю следовало закрепить, какое насилие является опасным для жизни. Он предлагал ввести примечание к статье 37, в котором определить, что насилием, опасным для жизни, признается насилие, которое может быть сопряжено с причинением смерти или тяжкого вреда здоровью [15, с. 12].

В настоящее время таким ориентиром можно считать Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»¹, в котором четко определен круг опасных для жизни посягательств, сформирован ряд указаний в целях формирования единообразной судебной практики по делам о необходимой обороне. Однако, несмотря на то, что Постановление Пленума от 27 сентября 2012 г. охватывает больший круг вопросов, чем Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16 августа 1984 г. № 14 «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств»², от-

дельные вопросы так и не получили достаточного разъяснения.

Принятие Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 мая 2022 г. № 11 «О внесении изменений в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 "О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление"»³ является значимым фундаментальным прорывом в области совершенствования законодательства о необходимой обороне.

Пункт 1 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации № 11 дополняет п. 3 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» примерами посягательств, а именно незаконным проникновением в жилище против воли проживающего в нем лица, не сопряженным с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия. Так, в п. 2 указано, что вносятся дополнения относительно того, при каких обстоятельствах была осуществлена защита, была ли реальная угроза совершения общественно опасного посягательства, предшествовали ли действия оборонявшегося лица непосредственно такому посягательству и были ли направлены на его предотвращение. В п. 3 уделено внимание тому, что не могут признаваться провокацией нападения правомерные действия лица, в том

¹ О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 (в ред. от 31.05.2022) // Российская газета. 2012. № 227. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135861/ (дата обращения: 22.06.2024).

² О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств : постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16 августа 1984 г. № 14 // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1984. № 5.

³ О внесении изменений в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 года № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» : постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 мая 2022 г. № 11. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_418018/ (дата обращения: 22.06.2024).

числе направленные на пресечение нарушения общественного порядка, а п. 4 дополнил п. 13 абзацем о том, что при проверке доводов подсудимого о совершении общественно опасного деяния в состоянии необходимой обороны суд обязан исходить из принципа презумпции невиновности (ч. 3 ст. 14 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации).

Следует согласиться, что принятие Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 мая 2022 г. № 11 имело значительное влияние на дальнейшее совершенствование института необходимой обороны вообще и необходимой обороны в области защиты своего жилища [16, с. 35].

Заключение

По результатам исследования автор пришел к выводу, что институт необходимой обо-

роны прошел путь от права на самозащиту, наиболее тесно связанную с кровной мстью; от защиты от «реальных обид» до защиты от «словесных обид»; от представления необходимой обороны как действия, продолжающегося считаться противоправным, до представления необходимой обороны как обстоятельства, исключающего преступность деяния; от сужения до расширения круга объектов и субъектов необходимой обороны и других элементов модели, в центре которой находятся действия, направленные на причинение вреда посягающему лицу, с течением времени изменился под влиянием общественных и государственных интересов и достиг (не без проблем и колебаний) нынешнего своего положения как естественного самостоятельного субъективного права, гарантированного Конституцией Российской Федерации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Нуркаева М. К. Место необходимой обороны в системе форм защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2023. № 3 (15). С. 49–54.
2. Васин Д. М. Необходимая оборона как обстоятельство, исключающее преступность деяния: место и роль в уголовно-правовом регулировании : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2013. 28 с.
3. Меркурьев В. В. Необходимая оборона: уголовно-правовые и криминологические аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 1998. 264 с.
4. Кони А. Ф. О праве необходимой обороны: рассуждение студента Анатолия Кони, написанное для получения степени кандидата по юридическому факультету. Москва : Университетская тип. (Катков и Ко), 1866. С. 3.
5. Кауфман М. А. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: лекция. Москва : МЮИ МВД России, 1998. 47 с.
6. Стус Н. В. Юридическая природа нормы о необходимой обороне // Общество и право. 2011. № 4.
7. Пархоменко С. В. Деяния, преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости. Санкт-Петербург : Юридический центр «Пресс», 2004. 264 с.
8. Филиппов П. М. Соотношение принципа неприкосновенности жилища по законодательству России и доктрины необходимой обороны в соответствии с уголовным правом США / П. М. Филиппов, О. А. Ковалева // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 4 (47). С. 153–161.
9. Аркавенко Н. А., Фурсов В. С. К вопросу об особенностях реализации необходимой обороны // Вопросы российской юстиции. Выпуск № 23. С. 308–312.
10. Музлов А. В. Возникновение и развитие института необходимой обороны // Государство и право. 2008. № 10. С. 101–105.
11. Орехов В. В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния. СПб. : Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. 217 с.
12. Атабаева Т. Ш. Необходимая оборона: теория, законодательство, практика применения. Барнаул : дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2004. 230 с.
13. Ткачевский Ю. М. Институт необходимой обороны // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2003. № 1. С. 20–38.
14. Гаршин В. Г., Высоцкая Л. Н. Необходимая оборона // Российская юстиция. 2006. № 3. С. 18–21.

15. Шнитенков А. Новая редакция статьи о необходимой обороне требует дополнения // Российская юстиция. 2003. № 2. С. 12–16.
16. Усачева А. П. Возможные пути совершенствования законодательства о необходимой обороне // Российский судья. 2023. № 2. С. 33–36.

REFERENCES

1. Nurkaeva M. K. The Place of Necessary Defense in the System of Forms of Protection of Human and Civil Rights and Freedoms in the Russian Federation // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2023. No. 3 (15). P. 49–54. (In Russ.)
2. Vasin D. M. Necessary defense as a circumstance precluding the criminality of an act: place and role in criminal-law regulation: abstract of thesis ... cand. of law. Yekaterinburg, 2013. 28 p. (In Russ.)
3. Merkuriev V. V. Necessary defense: criminal-law and criminological aspects : dis. ... cand. of law. Ryazan, 1998. 264 p. (In Russ.)
4. Koni A. F. On the right of necessary defense: reasoning of student Anatoly Koni, written to obtain a candidate's degree at the Faculty of Law. M. : University press. (Katkov and Co.), 1866. P. 3. (In Russ.)
5. Kaufman M. A. Circumstances excluding the criminality of an act: lecture. Moscow : MUI MVD of Russia, 1998. 47 p. (In Russ.)
6. Stus N. V. Legal nature of the norm on necessary defense // Society and Law. 2011. No. 4. (In Russ.)
7. Parkhomenko S. V. Acts, the criminality of which is excluded by virtue of social usefulness and necessity. St. Petersburg : Legal Center "Press", 2004. 264 p. (In Russ.)
8. Filippov P. M. The relationship between the principle of inviolability of the home under Russian legislation and the doctrine of necessary defense in accordance with the criminal law of the United States / P. M. Filippov, O. A. Kovaleva // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. N 4 (47). P. 153–161. (In Russ.)
9. Arkavenko N. A., Fursov V. S. On the issue of the specifics of implementing necessary defense // Issues of Russian justice. Issue No. 23. P. 308–312. (In Russ.)
10. Muzlov A. V. The emergence and development of the institution of necessary defense // State and Law. 2008. No. 10. P. 101–105. (In Russ.)
11. Orekhov V. V. Necessary defense and other circumstances excluding the criminality of an act. SPb. : Publishing house "Legal center Press", 2003. 217 p. (In Russ.)
12. Atabaeva T. Sh. Necessary defense: theory, legislation, practice of application. Barnaul : dis. ... Cand. of Law. Barnaul, 2004. 230 p. (In Russ.)
13. Tkachevsky Yu. M. Institute of necessary defense // Bulletin of Moscow University. Series 11. Law. 2003. No. 1. P. 20–38. (In Russ.)
14. Garshin V. G., Vysotskaya L. N. Necessary defense // Russian justice. 2006. No. 3. P. 18–21. (In Russ.)
15. Shnitenkov A. New edition of the article on necessary defense requires additions // Russian Justice. 2003. No. 2. P. 12–16. (In Russ.)
16. Usacheva A. P. Possible ways to improve the legislation on necessary defense // Russian Judge. 2023. No. 2. P. 33–36. (In Russ.)

Информация об авторе:

Нуркаева М. К. – кандидат юридических наук.

Information about the author:

Nurkayeva M. K. – Candidate of Law.

Статья поступила в редакцию 27.07.2024; одобрена после рецензирования 09.09.2024; принята к публикации 27.09.2024.

The article was submitted 27.07.2024; approved after reviewing 09.09.2024; accepted for publication 27.09.2024.

Научная статья
УДК 343.985.7:343.7:[336.747.5:004.6]

Ольга Александровна Решняк
Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, volakdm@va-mvd.ru

МЕХАНИЗМ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СВЯЗАННОГО С НЕПРАВОМЕРНЫМ ОБОРОТОМ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖЕЙ, В СТРУКТУРЕ ЧАСТНОЙ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. Одним из основополагающих и значимых элементов в методике расследования преступлений является механизм его совершения, подробное и качественное изучение которого дает возможность следователю установить истину по делу. При расследовании преступлений, предусмотренных ст. 187 Уголовного кодекса Российской Федерации, у следователей возникают трудности, связанные с установлением всех обстоятельств совершенного преступления, а соответственно, и правильной квалификации содеянного, так как они не в полной мере обладают пониманием состава и содержания его механизма. Процесс познания механизма преступления в науке невозможен без практического подкрепления, в связи с чем автором в статье изучены позиции ученых в области криминалистики, а также проанализирована судебно-следственная практика по преступлениям, связанным с неправомерным оборотом средств платежей, на основе чего структурированы элементы механизма совершения преступления по указанному составу и раскрыто их содержание.

Ключевые слова: механизм преступления, электронные средства платежа, неправомерный оборот, методика расследования, криминалистическая характеристика, статья 187 УК РФ

Для цитирования: Решняк О. А. Механизм совершения преступления, связанного с неправомерным оборотом средств платежей, в структуре частной методики расследования // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2024. № 3 (19). С. 67–76.

Original article

Olga A. Reshnyak
Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russia, volakdm@va-mvd.ru

THE MECHANISM OF COMMITTING A CRIME, RELATED TO THE ILLEGAL TURNOVER OF PAYMENT FUNDS IN THE STRUCTURE OF A PRIVATE INVESTIGATION METHODOLOGY

Abstract. One of the fundamental and significant elements in the methodology of investigating crimes is the mechanism of its commission, a detailed and qualitative study of which allows the investigator to establish the truth in the case. When investigating crimes under Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation, investigators have difficulties in establishing all the circumstances of the crime committed, and, accordingly, the correct qualification of the deed, since they do not fully understand the composition and content of its mechanism. The process of cognition of the mechanism of crime in science is not possible without practical support, in connection with which, the author in the article studies the ideas of scientists in the field of criminology, as well as analyzes the judicial and investigative practice on crimes related to the illegal circulation of means of payments, on the basis of which the elements of the mechanism of committing a crime according to the specified composition are structured and their content is disclosed.

Keywords: crime mechanism, electronic means of payment, illegal turnover of means of payment, investigation methodology, forensic characteristics, Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation

For citation: Reshnyak O. A. The mechanism of committing a crime, related to the illegal turnover of payment funds in the structure of a private investigation methodology // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2024. No. 3 (19). P. 67–76. (In Russ.)

Введение

Статья 187 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) подверглась значительной модернизации в связи с изданием Федерального закона от 8 июня 2015 г. № 153-ФЗ «О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации»¹, в соответствии с которым ее название «Изготовление или сбыт поддельных кредитных либо расчетных карт и иных платежных документов» изложено в новой редакции – «Неправомерный оборот средств платежей». У некоторых следователей возникло затруднение с определением предмета преступного посягательства и средств совершения преступления. Кроме того, возникли сложности с доказыванием действий виновного, так как не совсем понятен способ совершения преступления, а именно, что подразумевается под неправомерным оборотом и какие действия в него входят. В связи с чем возникла необходимость в изучении судебной-следственной практики и мнений исследователей в указанной области с целью структурирования элементов механизма совершения преступления, предусмотренного статьей 187 УК РФ, а также уточнения их содержания.

Методы

В исследовании использованы диалектический метод познания проблемных вопросов, обозначенных в начале работы; общенаучные методы дедукции, индукции и интерпретации, анализа и синтеза, аналогии и сравнения; частно-научные методы познания: системно-структурный, социологический, формально-логический, сравнительно-правовой, юридико-технический и другие. Данные методы позволят детально рассмотреть предмет настоящего исследования, входящий в сферу изучения криминалистики.

Результаты

Проанализировав научный мир в области криминалистики, обозначим выводы ученых о структуре механизма совершения преступления. И. А. Возгрин считает, что содержание механизма преступления включает в себя такие элементы, как личность преступника и потерпевшего [1, с. 43], В. Я. Колдин, Д. П. Поташник и др. предлагают: субъект, предмет, орудия (средства) и место (обстановка) [2, с. 333–334], В. В. Ключков и В. А. Образцов выделяют: лицо, совершившее преступление, поведение преступника, элементы окружающей среды [3, с. 47–48].

По преступлениям, предусмотренным статьей 187 УК РФ, на наш взгляд, механизм его совершения наиболее полно будет отражать следующая структура: предмет преступного посягательства, обстановка совершения преступления, способ совершения, личность преступника.

Предметом преступного посягательства, как правило, является то, на что направлен умысел преступника. Это может быть жизнь и здоровье гражданина, денежные средства, имущество, оружие, наркотические средства, авторские права и иные предметы и ценности, представляющие для него интерес.

На основе анализа мнений различных авторов по поводу предмета преступной деятельности, относящегося к составу преступления, квалифицированного по статье 187 УК РФ, можно увидеть неоднозначный подход к его пониманию, но большинство ученых к предмету данного преступления относят средства платежей. Например, Ю. С. Белик в качестве предмета преступного посягательства при совершении неправомерного оборота средств платежей указывает поддельные банковские карты, распоряжения о переводе денежных средств, поддельный

¹ О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации : федеральный закон Российской Федерации от 8 июня 2015 г. № 153-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

платежный ордер, электронные средства платежа и др. [4, с. 176]. Н. О. Карпов соглашается с мнением Ю. С. Белик, поясняя это тем, что указанные предметы относятся именно к диспозиции неправомерного оборота средств платежа, а сами денежные средства – к предмету другого состава преступления, то есть хищению [5, с. 21].

Согласно разъяснениям Верховного суда Российской Федерации, если человек изготовил, приобрел, хранил, перевозил поддельные средства платежа, предназначенные для приема, перевода, выдачи денежных средств, с целью их использования, то состав преступления считается оконченным по статье 187 УК РФ, а в случае использования данных средств для хищения денег деяния будут квалифицированы по смежным составам со статьей 158 УК РФ¹.

Таким образом, платежное средство является инструментом для доступа к денежным средствам, в том числе как для снятия наличных, так и осуществления безналичных операций, но только в том случае, если осуществляется их хищение.

Соответственно, под предметом преступления, связанного с неправомерным оборотом средства платежа, будут пониматься объекты материального мира, предназначенные для незаконных действий с денежными средствами.

К средствам платежей, используемых в неправомерном обороте, относят:

- поддельные платежные карты;
- распоряжения о переводе денежных средств, документов или средств оплаты;
- электронные средства и электронные носители информации, а также технические устройства, компьютерные программы, предназначенные для неправомерного осуществления приема, выдачи, перевода денежных средств.

Рассмотрим каждое средство более подробно в соответствии с его целевым назначением.

1. Поддельные платежные карты. Одно из самых распространенных по применению в обществе средств, с помощью которых производится безналичный расчет в различных сферах деятельности, например, при получении заработной платы, оплате жилищно-коммунальных и других услуг, оплате товаров в онлайн и оффлайн магазинах, межличностных переводах и т. д. Банком России от 24 декабря 2004 г. № 266-П утверждено Положение об эмиссии платежных карт и об операциях, совершаемых с их использованием¹, согласно п. 1.6 которого платежные карты подразделяют на три вида: расчетные (дебетовые), кредитные и предоплаченные карты [6]. Данные карты выпускаются банком-эмитентом, осуществляющим обслуживание расчетных счетов клиентов, и являются собственностью банка.

Расчетные карты – это дебетовая банковская карта, платежи по которой проводятся за счет собственных средств ее владельца, но дает возможность уходить в кредит (овердрафт) в пределах оговоренной суммы в случае нехватки денег на расчетном счету. От кредитной карты она отличается тем, что овердрафт составляет, как правило, небольшой лимит и погашается в течение месяца.

Кредитная карта – это инструмент проведения транзакций за счет средств, принадлежащих банку, в размере оговоренного в договоре лимита. Лимит может быть разным – в зависимости от финансовой состоятельности клиента. Потраченные денежные средства возвращаются держателем карты на счет в течение срока, указанного в договоре; на потраченную сумму могут назначаться проценты.

Предоплаченная карта является виртуальной картой или материальным пластиком, который не привязан к счету клиента и не содержит его персональных данных. На ней имеются денежные средства, заранее внесенные банком в определенном лимите. На данную карту можно вносить собствен-

¹ См.: Об эмиссии платежных карт и об операциях, совершаемых с их использованием : положение Банка России от 24 декабря 2004 г. № 266-П (в ред. от 28.09.2020) (зарегистрировано в Минюсте России 25.03.2005 № 431). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ные средства, а также пользоваться средствами банка, которые в дальнейшем должны быть возвращены. Предназначена она для оплаты покупок в магазинах.

Указанные карты становятся предметом преступной направленности в том случае, если их изготовили, приобрели, хранили, перевозили с целью их использования.

2. Распоряжения о переводе денежных средств, документов и средств оплаты [7].

Согласно Положению Банка России от 29 июня 2021 г. № 762-П «О правилах осуществления перевода денежных средств»¹ банки России, кредитные организации осуществляют безналичные переводы денежных средств по счетам клиентов на основании распоряжений о переводе денежных средств, составляемых плательщиками, получателями средств, а также лицами, органами, имеющими право на основании федеральных законов предъявлять распоряжения к банковским счетам плательщиков, банками. К указанным распоряжениям относятся платежные поручения, аккредитив, инкассовые поручения, расчетные чеки по требованию получателя средств.

3. Электронные средства и электронные носители информации, предназначенные для неправомерного осуществления приема, выдачи, перевода денежных средств.

Понятия «электронное средство» и «электронный носитель информации» законодательно нигде не закреплены, в связи с чем у правоприменителей возникают значительные затруднения с их определением, а в научной среде зарождаются дискуссионные вопросы. Понятие «электронные средства» как отдельное определение не существует и в научном мире не обсуждается. В нашем понимании «электронное средство» и «электронный носитель информации» [8] идентичны по своему значению, и будем их рассматривать как одно целое. Электронные носители информации изучались В. Н. Григорьевым и О. А. Максимовым, которые выделяли определенные его особенности: ма-

териальность, предоставление информации в зашифрованном виде, отсутствие материальных следов при внесении изменений [6, с. 40].

А. Ю. Федюкина относит к электронным носителям информации сим-карты, флеш-карты, оптические диски, жесткие диски, магнитные ленты. Также в данной категории она указывает мобильные устройства, компьютеры, ноутбуки, планшеты, банковские платежные карты [7, с. 45]. С указанным мнением невозможно не согласиться, так как перечисленные предметы действительно могут содержать в себе электронную информацию различного рода, соответственно, будут являться электронными носителями информации. С помощью данных устройств могут осуществляться операции по приему, выдаче или переводу денежных средств.

4. Технические устройства, предназначенные для неправомерного осуществления приема, выдачи, перевода денежных средств. К указанным устройствам относятся: банкоматы и эквайринговые терминалы (POS-терминалы). Банкоматы – это устройства, предназначенные для внесения или получения наличных денежных средств по счету клиента, осуществления переводов между счетами и осуществления платежей. Данные устройства изготавливаются гражданскими организациями и сдаются в аренду банкам-эмитентам. Эквайринговые терминалы – это устройства, предназначенные для безналичной оплаты товаров и услуг в организациях, их предоставляющих.

5. Компьютерные программы, предназначенные для неправомерного осуществления приема, выдачи, перевода денежных средств. В отношении компьютерных программ стоит учитывать то обстоятельство, что их работа должна осуществляться исключительно на программном обеспечении, то есть в контексте преступления, предусмотренного ст. 187 УК РФ. Под предметом преступления в виде компьютерной программы

¹ О правилах осуществления перевода денежных средств : положение Банка России от 29 июня 2021 г. № 762-П (ред. от 03.08.2023). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[11] подразумевается программное обеспечение, позволяющее совершать операции с денежными средствами в обход законных требований. Примером таких манипуляций можно назвать разработку вирусной программы для внедрения в платежную систему «Банк-клиент», позволяющую без ведома законного владельца счета списывать денежные средства гражданина или организации в пользу преступника. Такими программами могут быть, например, Trojan.PWS, SpySweep (SpyEye), Trojan.PWS. OSMP, Android.SpyEye, при этом и достоверность назначения данных программ должна быть установлена [12, с. 197].

На основе изученной судебно-следственной практики можно сделать вывод, что из всех перечисленных предметов преступного посягательства при совершении преступления, предусмотренного статьей 187 УК РФ, чаще всего преступниками используются распоряжения о переводе денежных средств, документы или средства оплаты. Такого же мнения придерживается В. Ф. Васюков [13], полагая, что иные средства преступниками не используются ввиду сложности их изготовления и высоких материальных затрат. С указанным мнением следует согласиться, так как, действительно, для изготовления белого пластика требуется дорогостоящее оборудование, которое необходимо сначала установить на банкоматы для получения и сбора информации о реквизитах карты его законного держателя, затем переписать на белый пластик декодированные данные. Для разработки вирусных программ также требуются специальное программное обеспечение, дорогостоящее оборудование и наличие специальных знаний в указанной области, которые имеют особую специфику и требуют определенных навыков.

К способам совершения указанных преступлений мы будем относить: изготовление, приобретение, хранение, перевозку поддельного средства платежа, предназначенного для приема, перевода, выдачи денежных средств с целью их использования или сбыта, а равно сбыт.

Изготовление поддельной платежной карты. Для изготовления поддельной платежной карты преступнику необходимо подготовиться: получить информацию о держателе карты и все ее данные. Для этого преступник приобретает считывающие устройства, наклейки на клавиатуру, накладные камеры видеонаблюдения, RFID-считыватель (устройство, позволяющее улавливать радиосигналы, сохранять их и передавать), которые в дальнейшем устанавливаются на банкоматы, и при помещении пластиковой банковской карты в карт-ридер считывает информацию о номере счета, номере карты, CVV-код, ФИО держателя карты, дату действия и др. Также приобретается оборудование для изготовления карт: эмбоссеры (устройства, предназначенные для выдавливания идентификационной информации на пластиковой карте клиента: номера карты и срока действия, имени и фамилии держателя), энкодеры (кодирующее устройство, предназначенное для преобразования информации на магнитную полосу карты или RFID-метку), токен-генераторы (программы для создания одноразовых паролей для пластиковых карт). RFID-считыватель по своим функциям похож на бесконтактный POS-терминал, способный считывать данные без непосредственного взаимодействия с картой. В своих работах К. В. Гурьянов описывает принципы работы данного устройства: «RFID-метка – это микрочип, активирующийся при поступлении радиосигнала извне. При контакте RFID-метки со считывателем она получает необходимое для работы питание: запускается операционная система и установленное приложение, которое передает информацию обратно в зашифрованном виде на считыватель. Эта технология беспроводной высокочастотной связи малого радиуса действия является расширением стандарта бесконтактных карт ISO 14443 и объединяет в одно устройство смарт-карту и считыватель» [14]. Чтобы получить зашифрованную информацию на RFID-метке пластиковой карты ее законного держателя, злоумышленнику достаточно приблизить-

ся считывающим устройством к карте на расстояние NFC (взаимодействие ближнего поля) – это не более 8,5 см, тогда активируется RFID-метка. После получения сигнала считыватель записывает все данные карты держателя, которые в дальнейшем передает на энкодер для создания белого пластика. Установка считывающего оборудования на банкоматы и его последующее снятие осуществляется, как правило, в ночное время, когда на улицах малолюдно. Считывание информации RFID-считывателем осуществляются в местах массового скопления: на рынках, в общественном транспорте, на вокзалах в очередях и др. Время также может быть утреннее или вечернее, час пик, выходные дни.

Место и время изготовления белого пластика преступник выбирает наиболее удобное для себя, как правило, это арендованное помещение. Время может быть любое, но так как данные преступления, как правило, обычно становятся основным источником дохода преступника, то процесс изготовления поддельных платежных карт может происходить в дневное время.

Изготовление распоряжений о переводе денежных средств также может происходить в дневное, рабочее время; как правило, в этом процессе участвуют работники банковской сферы; местом изготовления являются банки.

Изготовление специальных вирусных программ для внедрения в платежные системы «Банк-клиент» с целью дальнейшего управления финансовыми операциями по счетам организации или клиентов осуществляется в местах работы или дома у лиц, обладающих специальными знаниями в области компьютерных программ. Время как дневное, так и ночное.

Сбыт и приобретение изготовленных платежных банковских карт или электронных носителей информации с вирусными программами или похищенной конфиденциальной информацией о клиентах или организациях за определенную денежную сумму с целью дальнейшего использования в рамках неправомерного оборота средств

платежей осуществляются в вечернее или ночное время, в малолюдных местах. Могут происходить путем оставления «закладок» в тайниках, местоположение которых в дальнейшем сообщается покупателю посредством мессенджеров, а денежные средства за изготовленные поддельные платежные средства перечисляются на электронные кошельки по номерам телефонов, оформленным на подставных лиц. В таком случае личного контакта сбытчика и приобретателя не происходит, и информации о преступниках не имеется. Как правило, переписка происходит в мессенджере «Телеграм» без идентификационных данных о номерах телефонов покупателя и продавца.

Хранение изготовленных или приобретенных поддельных платежных банковских карт или электронных носителей информации с вирусными программами или похищенной конфиденциальной информацией о клиентах или организациях осуществляется по месту жительства преступника.

Ярким примером преступлений, связанных с неправомерным оборотом средств платежа стал случай, произошедший в г. Тольятти, где к гр. А. обратилось неустановленное лицо, которое предложило ему за денежное вознаграждение лично обратиться в отделение ПАО «Сбербанк» для открытия расчетного счета ООО «ТЕХНОРОС», где гр. А. будет являться подставным лицом и иметь возможность дистанционного банковского обслуживания для осуществления в дальнейшем неправомерного оборота, то есть приема, выдачи и перевода денежных средств, на что гр. А. согласился. Таким образом, у гр. А. возник преступный умысел, направленный на приобретение, хранение в целях сбыта электронных средств, предназначенных для неправомерного осуществления приема, выдачи и перевода денежных средств. В Единый государственный реестр юридических лиц неустановленным лицом внесены недостоверные сведения о государственной регистрации ООО «ТЕХНОРОС» о том, что гр. А. является единственным учредителем

и директором, то есть подставным лицом. После чего гр. А. получил от неустановленного лица правоустанавливающие документы ООО «ТЕХНОРОС», печать ООО «ТЕХНОРОС», а также мобильный телефон с сим-картой, абонентский номер которой используется неустановленным лицом, и кодовое слово для получения в дальнейшем с его помощью одноразовых SMS-паролей, предназначенных для дистанционного банковского обслуживания открытого расчетного счета юридического лица. Далее гр. А. лично обратился в отделение ПАО «Сбербанк России» для открытия расчетного счета ООО «ТЕХНОРОС», где лично передал сотруднику банка копии документов, в присутствии сотрудника банка заполнил и подписал заявление о присоединении клиента ООО «ТЕХНОРОС», скрепив его оттиском печати организации. Между ООО «ТЕХНОРОС» в лице директора гр. А. и ПАО «Сбербанк России» заключен договор о предоставлении услуг с использованием системы дистанционного банковского обслуживания и открыт расчетный счет. В соответствии с данным договором клиент от имени компании посредством использования информационно-телекоммуникационной сети Интернет может подавать платежные документы в банк на проведение финансово-хозяйственных операций в электронном виде, а банк обязуется их принимать и проводить по ним транзакции. Для указанных целей банком гр. А. была выдана банковская карта с логином и паролем, которые с целью сбыта он стал хранить при себе. Позже банковскую карту с пин-кодом, с логином и паролем от личного кабинета «Сбербанк-онлайн», мобильный телефон с сим-картой, предназначенные для неправомерного осуществления приема, выдачи и перевода денежных средств по расчетному счету, открытому в ПАО «Сбербанк России», гр. А. передал неустановленному лицу, т. е. осуществил сбыт электронных средств, предназначенных для неправомерного осуществления приема, выдачи и перевода денежных средств по данному расчетному счету.

Перевозка изготовленных поддельных платежных банковских карт или электронных носителей информации с вирусными программами или похищенной конфиденциальной информацией о клиентах осуществляется любым видом транспорта, как правило, в замаскированном виде. Так как данные объекты имеют малый размер, то их очень легко спрятать и при себе, и в транспортном средстве.

Важным аспектом является личность преступника. В зависимости от способа совершения рассматриваемого преступления преступников можно подразделить на несколько групп [15, с. 65–66]:

1. Разработчики компьютерных программ, предназначенных для неправомерного осуществления приема, выдачи, перевода денежных средств. Как правило, к данным лицам относятся молодые люди в возрасте 16–35 лет, обладающие знаниями в области компьютерных технологий, имеющие специальное образование в данной сфере, ведущие замкнутый образ жизни.

2. Заказчик – лицо, осуществляющее заказ на изготовление поддельной платежной карты, распоряжения, компьютерной программы или электронного носителя информации для неправомерного осуществления приема, выдачи, перевода денежных средств. Данные лица более зрелого возраста – 30–55 лет, не имеющие специальных знаний в области компьютерных технологий, но имеющие высшее образование, пренебрегающие нормами закона и не желающие зарабатывать честным путем.

3. Исполнители – лица, обладающие знаниями в области компьютерных технологий, имеющие техническое образование. По возрасту – 25–35 лет. Активные, хитрые, официально не имеющие постоянного источника дохода, желающие заработать легких денег, ведущие антиобщественный образ жизни, возможно, ранее судимые.

Заключение

На основании изученной судебной следственной практики и мнений ученых-криминалистов нами выявлен ряд проблем, возникающих у следователей при расследовании

преступлений, связанных с неправомерным оборотом средств платежей, в частности, с установлением элементов механизма совершения неправомерного оборота средств платежей и дальнейшей квалификацией содеянного. С целью решения указанных проблем мы структурировали указанные элементы, которые определены как предмет преступного посягательства, способ совершения преступления, личность преступника. Далее уточнено содержание каждого элемента.

К предмету преступной деятельности неправомерного оборота средств платежей относятся:

1. Поддельные платежные карты, подразделяющиеся на расчетные, кредитные, предоплаченные.

2. Распоряжения о переводе денежных средств, документов и средств оплаты, к которым относятся платежные поручения, аккредитив, инкассовые поручения, расчетные чеки по требованию получателя средств.

3. Электронные средства и электронные носители информации, предназначенные для неправомерного осуществления приема, выдачи, перевода денежных средств: сим-карты, флеш-карты, оптические диски, жесткие диски, магнитные ленты, мобильные устройства, компьютеры, ноутбуки, планшеты, банковские платежные карты.

4. Технические устройства, предназначенные для неправомерного осуществления приема, выдачи, перевода денежных средств: банкоматы и эквайринговые терминалы (POS-терминалы).

5. Компьютерные программы, предназначенные для неправомерного осуществления приема, выдачи, перевода денежных средств: Trojan.PWS.SpySweep (SpyEye), Trojan.PWS.OSMP, Android.SpyEye.

К способам совершения указанных преступлений относятся изготовление, приобретение, хранение, перевозка поддельных средств платежа, предназначенного для приема, перевода, выдачи денежных средств, с целью их использования или сбыта, а равно сбыт.

Личность преступника можно разделить на три группы в зависимости от способа совершения преступления: разработчики, заказчики и исполнители.

Благодаря четкому пониманию структурных элементов механизма совершения преступления, связанного с неправомерным оборотом средств платежей, следователи смогут быстро и правильно устанавливать обстоятельства, влияющие на принятие решения по квалификации содеянного, и планировать дальнейшее расследование.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Возгрин И. А. Принципы методики расследования отдельных видов преступлений. Ленинград : ВПУ МВД СССР, 1977. 80 с.
2. Криминалистика социалистических стран / В. Я. Колдин, Д. П. Поташник, Э. Штельцер и др. ; под ред. В. Я. Колдина. М. : Юридическая литература, 1986. 509 с.
3. Клочков В. В., Образцов В. А. Преступление как объект криминалистического познания // Вопросы борьбы с преступностью. 1985. № 42. С. 44–54.
4. Белик Ю. С. К вопросу о предмете неправомерного оборота средств платежей (ст. 187 УК РФ) // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 4. С. 174–179.
5. Карпов Н. О. Предмет неправомерного оборота средств платежей (правовой и криминалистический аспекты) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 3 (75). С. 119–122.
6. Мошенничество в платежной сфере / Л. Лямин и др. ; Центр исслед. платежных систем и расчетов. М. : Интеллектуальная лит., 2016. 343 с.
7. Нудель С. Л., Печегин Д. А. Вопросы квалификации неправомерного оборота средств платежей (по признаку предмета) // Уголовное право. 2020. № 3. С. 27–38.
8. Хакимова З. И. Уголовно-правовые меры противодействия преступлениям, совершаемым в финансовой сфере с использованием информационно-телекоммуникационных технологий : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2016. 222 с.

9. Григорьев В. Н., Максимов О. А. Понятие электронных носителей информации в уголовном судопроизводстве // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2019. № 2. С. 33–44.
10. Федюкина А. Ю. Электронный носитель информации как доказательство по уголовным делам // Отечественная юриспруденция. 2016. № 12. С. 44–46.
11. Соловьева Е. А. Преступления, совершаемые в платежных системах : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2019. 254 с.
12. Аксенова Л. Ю. Установление данных о предмете и способе преступления по делам о неправомерном обороте средств платежей // Вестник Омской юридической академии. 2018. Том 15. № 2. С. 192–199.
13. Васюков В. Ф., Шалыгина А. В. Некоторые элементы криминалистической характеристики преступлений, связанных с неправомерным оборотом средств платежа // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью : сборник материалов. Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова. 2018. С. 20–26.
14. Гурьянов К. В. Современные риски бесконтактных платежей с использованием RFID-технологий // Базис. 2019. № 1 (5). С. 50–63.
15. Олиндер Н. В. Преступления, совершенные с использованием электронных платежных средств и систем: криминалистический аспект : монография. М. : Юстиция, 2016. 120 с.

REFERENCES

1. Vozgrin I. A. Principles of the methodology of investigation of certain types of crimes. Leningrad : Higher political school of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1977. 80 p. (In Russ.)
2. Criminalistics of socialist countries / V. Ya. Koldin, D. P. Potashnik, E. Stelzer, et al. edited by V. Ya. Koldin. M. : Legal literature, 1986. 509 p. (In Russ.)
3. Klochkov V. V., Obraztsov V. A. Crime as an object of forensic knowledge // Issues of combating crime. 1985. No. 42. P. 44–54. (In Russ.)
4. Belik Yu. S. On the issue of the subject of illegal turnover of means of payment (Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. No. 4. P. 174–179. (In Russ.)
5. Karpov N. O. The subject of illegal turnover of means of payment (legal and criminalistic aspects) // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 3 (75). P. 119–122. (In Russ.)
6. Fraud in the payment sphere / L. Lyamin et al. ; Center for Research. payment systems and settlements. M. : Intellectual lit., 2016. 343 p. (In Russ.)
7. Nudel S. L., Pechegin D. A. Issues of qualification of illegal turnover of means of payment (based on the subject) // Criminal law. 2020. No. 3. P. 27–38. (In Russ.)
8. Khakimova Z. I. Criminal law measures to counteract crimes committed in the financial sphere using information and telecommunication technologies : dis. ... Cand. of Law. Krasnodar, 2016. 222 p. (In Russ.)
9. Grigoriev V. N., Maksimov O. A. The concept of electronic media in criminal proceedings // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 2. P. 33–44. (In Russ.)
10. Fedjukina A. Yu. Electronic media as evidence in criminal cases // Domestic jurisprudence. 2016. No. 12. P. 44–46. (In Russ.)
11. Solovyova E. A. Crimes committed in payment systems : dis. ... Cand. of Law. Saratov, 2019. 254 p. (In Russ.)
12. Aksanova L. Yu. Establishing data on the subject and method of the crime in cases of illegal turnover of payment funds // Bulletin of the Omsk Law Academy. 2018. Volume 15. No. 2. P. 192–199. (In Russ.)
13. Vasyukov V. F., Shalygina A. V. Some elements of the criminalistic characteristics of crimes related to the illegal circulation of means of payment // Criminal procedural and criminalistic problems of combating crime : collection of materials. Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov. 2018. P. 20–26. (In Russ.)
14. Guryanov K. V. Modern risks of contactless payments using RFID technologies // Basis. 2019. No. 1 (5). P. 50–63. (In Russ.)

15. Olinder N. V. Crimes committed using electronic means of payment and systems: criminalistic aspect : monograph. М. : Justice, 2016. 120 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

О. А. Решняк – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:

O. A. Reshnyak – Candidate of Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 04.04.2024; одобрена после рецензирования 02.08.2024; принята к публикации 27.09.2024.

The article was submitted 04.04.2024; approved after reviewing 02.08.2024; accepted for publication 27.09.2024.

Научная статья
УДК 343.56(100)(091)

София Антоновна Солодина
Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия, olgasonia1999@gmail.com

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРОВЕДЕНИЕ АЗАРТНЫХ ИГР В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Аннотация. В статье рассмотрен исторический опыт правовой регламентации азартных игр в зарубежных странах. Проанализированы особенности и этиология становления государственной политики в области регулирования азартных игр и игровой деятельности в странах англосаксонской, романо-германской и мусульманской правовых семей. Выявлены основные этапы и закономерности формирования института уголовной ответственности за незаконные организацию и проведение азартных игр за рубежом, дана характеристика современному состоянию легализации азартных игр в отдельных зарубежных государствах, отмечены сходства и различия правовых систем. На основании анализа становления института уголовной ответственности в зарубежных государствах автор приходит к выводу о наличии определенной зависимости государственной политики в области азартных игр от господствующей в конкретной стране религии.

Ключевые слова: азартные игры, уголовная ответственность, игровая деятельность, правовое регулирование, игровой бизнес, зарубежные страны

Для цитирования: Солодина С. А. Исторический опыт регламентации ответственности за проведение азартных игр в зарубежных странах // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2024. № 3 (19). С. 77–85.

Original article

Sofia A. Solodina
Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Voronezh, Russia, olgasonia1999@gmail.com

HISTORICAL EXPERIENCE OF REGULATING RESPONSIBILITY FOR GAMBLING IN FOREIGN COUNTRIES

Abstract. The article examines the historical experience of legal regulation of gambling in foreign countries. The features and etiology of the formation of state policy in the field of regulation of gambles and gambling activities in the countries of the Anglo-Saxon, Romano-German and Muslim legal families are analyzed. The main stages and patterns of formation of the institution of criminal responsibility for illegal organization and conduct of gambling abroad are revealed, the characteristics of the current state of legalization of gambling in certain foreign countries are given, the similarities and differences of legal systems are noted. Based on the analysis of the formation of the institution of criminal responsibility in foreign countries, the author comes to the conclusion that there is a certain dependence of the state policy in the field of gambling on the religion prevailing in a particular country.

Keywords: gambles, criminal liability, gambling, legal regulation, gambling business, foreign countries

For citation: Solodina S. A. Historical experience of regulation of responsibility for gambling in foreign countries // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2024. No. 3 (19). P. 77–85. (In Russ.)

Введение

Азартные игры во все времена являлись неотъемлемой частью общественной культу-

ры, характеризующейся перманентностью и широким кругом распространения в пределах земли. Термин «азарт» описывается мно-

гими исследователями как особое ощущение риска, эмоция предвосхищения успеха [1, с. 94]. В современном мире рынок азартных игр отличается многообразием своих форм, к числу которых относятся стационарные и онлайн-игровые автоматы, ставки на события политического, спортивного, общественного характера в букмекерских конторах, тотализаторы, викторины, розыгрыши, карточные игры, онлайн-казино и др.

Методология

В настоящей статье были использованы общенаучные и частнонаучные методы, к которым относятся анализ, синтез, системный, сравнительно-правовой, формально-юридический методы, а также метод статистического анализа.

Результаты

Популярность азартных игр обуславливается комплексом причин, к числу которых относятся:

- психоэмоциональная природа человека, связанная с потребностью в развлечениях, острых ощущениях, заполнении свободного времени и организации досуга, утолении сенсорного голода;
- возможность сублимации неудовлетворенной сексуальной потребности;
- необходимость выхода за рамки обыденной реальности, иллюзорный уход от проблем в виртуальном пространстве, психоэмоциональная разгрузка, избавление от стресса;
- соревновательный инстинкт, стремление к самоутверждению, общественному признанию, превосходству, обретению круга необходимых знакомств и достойного социального статуса;
- возможность получения высокого заработка при минимальном использовании физических и умственных ресурсов;
- доступность и привлекательность индустрии азартных игр, распространенность игровых площадок, минимальные начальные ставки.

Следовательно, потребность в азартных развлечениях определяется не только социальными, но и в большей степени биологическими особенностями природы человека.

Влияние азартных игр на общественную жизнь неоднозначно [2]. С одной стороны, они выступают социально приемлемой формой организации досуга и отдыха человека, способом снятия эмоционального напряжения. С другой стороны, превалирующий характер приобретают негативные последствия злоупотребления азартными играми:

- риск развития лудомании, т. е. психологической игровой зависимости, приводящей к деструктуризации направленности личности, ценностных ориентиров и общественной нравственности в целом;
 - риск развития бедственного материального положения патологического игрока и членов его семьи, кризис семейных и родственных отношений, социальная изоляция;
 - риск развития криминального потенциала человека, рост склонности к совершению корыстных и корыстно-насильственных преступлений с целью получения денежных средств для продолжения игровой деятельности;
 - риск роста криминального потенциала общества. Так, Ю. В. Темный в своем исследовании отмечает, что в государствах, где азартные игры легализованы, уровень преступности выше в среднем на 8 %, а анализ ее географии на национальном уровне показывает, что в районах работы казино преступления совершаются на 80 % чаще, чем в остальных регионах [3, с. 115];
 - высокая связь игорного бизнеса с организованной преступностью, который зачастую выступает средством легализации денежных средств, а также источником финансирования преступной деятельности.
- Одним из средств предотвращения негативных последствий влияния азартных игр являются их административное ограничение и установление уголовно-правовых запретов за их незаконные организацию и проведение. На современном этапе выделяют три ключевых подхода государственной законодательной политики в области правового регулирования азартных игр:
- полная легализация, основанная на включении игорной деятельности в структуру государственной экономики и налого-

обложения (Франция, Германия, Эстония и др.);

– частичная легализация (Соединенные Штаты Америки, Великобритания, Болгария, Россия, Япония, Китай и др.);

– абсолютный запрет (Объединенные Арабские Эмираты, Северная Корея, Катар, Саудовская Аравия, Йемен, Бахрейн, Омар и др.) [4, с. 170].

Однако сложившаяся система правовой регламентации существовала не всегда [5]. В целях изучения особенностей ее становления, а также поиска различных способов компромисса между общественными и государственными интересами представляется необходимым обратиться к ретроспективному анализу зарубежных источников права, объем научных исследований в области которого является незначительным.

Появление первых азартных игр относится к 3500 г. до н. э., когда возник прототип современной игровой кости – «бабка», представляющий собой овечью или собачью кость с четырьмя сторонами, предназначенную для бросков особым образом. Впоследствии они получили распространение в Греции, Риме и Египте. В Древнем Египте игра в кости имела большую схожесть со своей современной формой: были игральные доска и кубики, которые изготавливались из дерева, железа, серебра и золота [6, с. 43].

Отрицательная общественная оценка азартным играм была дана уже во втором тысячелетии до н. э. в родине игральные карт – Индии, где были сформулированы первые ведические нормы. «Не играй в кости, а паши свою борозду», – гласит изречение Бога Савитра, согласно поэме «Жалобы игрока». Во многом эта позиция была обусловлена нравственно разлагающим воздействием такого рода развлечений [7, с. 5]. Особый расцвет азартные игры приобретают в Древней Греции, где в V веке до н. э. были сформулированы правила тотализаторов, которые не претерпели существенных изменений. Популярными в тот период были ставки на гладиаторские бои, гонки на колесницах и спортивные соревнования.

Столетием позднее создается прототип современного бильярда.

Вместе с тем первые законодательные правила, относящиеся к порядку организации и проведения азартных игр, были сформулированы в период правления римского императора Августа (63–14 гг. до н. э.). Им были установлены ограничения по кругу лиц и времени, когда азартные игры были разрешены и могли проводиться. Например, для простолудинов этот вид развлечения был доступен только в осенний период [7, с. 10]. К этому историческому периоду также относится издание первого официального закона об азартных играх – *Lex aleatoria*, запрещавшего игру в кости. Однако широкое распространение иных азартных спортивных игр (гладиаторские бои, ставки на ипподромах, спортивные состязания и др.) по-прежнему позитивно оценивалось как общественными, так и государственными институтами [8, с. 106].

В последующем азартные игры развивались повсеместно: в VII в. в Китае появилось домино, в XI в. западные европейцы освоили «крестики-нолики». Страсть к играм охватывала все слои населения от простого крестьянства до аристократии и духовенства. Так, в Англии азартными играми увлекались епископы и священники, вследствие чего именно в этом государстве в 1188 г. правителем Генрихом II был введен запрет на такой вид развлечений для крестоносцев, а в XIV в. принимается закон, не допускающий играть в азартные игры на Рождество [6, с. 44].

Причины законодательных запретов все больше связывались с негативным влиянием азартных игр на состояние общественной нравственности, личностных ценностей и моральных идеалов человека. Так, в Священной Римской империи в период правления Фридриха II был принят эдикт, провозгласивший установление запрета на игральные кости, в том числе на их изготовление и продажу, что было продиктовано обнаруженной связью между азартной игрой и порожденными ею последствиями в виде роста преступности (кражи, разбой, иные

виды хищения, убийство с целью мести и др.). Вместе с тем особая цель государственных ограничений преследовалась некоторыми английскими монархами. Так, Эдвард III (1327–1377) и Генрих VIII (1509–1547) устанавливали запрет на деятельность игорных домов и некоторых азартных игр, поскольку они отвлекали молодое мужское население от военного искусства и спорта.

Отдельное значение в установлении правовых запретов на участие в азартных играх имело влияние господствующей в государстве религии. Абсолютной нетерпимостью к ним характеризуется иудаизм и ислам. Так, Коран и священные хадисы гласят, что «одурманивающие рассудок» майсир (от араб. – «азартная игра») и вино являются причиной ненависти и вражды, зародившихся среди людей. В свою очередь, иудеи полагают, что участие в азартных играх разрушает чувство ответственности человека, его моральные ориентиры, принципы, границы между ложью и правдой. Получивший выигрыш признается грабителем, поскольку любого рода вознаграждение без приложения усилий противоречит идее жизненного устройства [3, с. 106–112].

Анализ правовой регламентации азартных игр позволяет говорить о постепенном ужесточении правил администрирования их организации и проведения. С 1583 г. во Франции карты становятся объектом налогообложения на роскошь – вводится гербовый сбор с каждой колоды карт. Кроме того, устанавливаются особые требования к продаже игральных карт: вначале сделка должна была носить тайный характер, а карты распространяться только в закрытых конвертах.

К XVII в. азартные игры во Франции были полностью запрещены, карточные долги и обязательства не признавались государством, в отношении лиц, продолжающих игорную деятельность, вводились жесткие санкции – лишение гражданских прав и изгнание из города. Однако уже с начала XIX в. отношение французского законодательства к азартным играм изменилось: в крупных городах была организована дея-

тельность игорных домов. В основном это было обусловлено тем, что они приносили в казну государства более 20 млн франков в год, однако спустя половину столетия их деятельность вновь была запрещена [6, с. 44].

С 1983 г. во Франции действует Закон «Об азартных играх», согласно которому уголовная ответственность устанавливается за организацию азартных игр без лицензии либо при нарушении порядка их проведения, а равно за незаконное изготовление и импорт игровых автоматов, влекущих наказание в виде лишения свободы и штрафа. Вместе с тем к числу особенностей французского законодательства относится установление уголовного запрета на рекламу азартных игр, который предполагает расширенный перечень видов уголовных наказаний. Так, помимо лишения свободы и штрафа, законодателем предусмотрены конфискация игорного оборудования или иного имущества, запрет на осуществление профессиональной деятельности, конфискация имущества, лишение избирательного права, права быть опекуном или попечителем, ограничение избирательных прав на срок до 10 лет [3].

В Германии азартные игры являлись особенно распространенными. Как свидетельствуют исторические источники, первый игровой дом в «Старом свете» (обознач. трех частей света: Европы, Азии и Африки) в 1378 г. появился именно в этом государстве [9, с. 113]. На протяжении многих веков азартные игры не теряли популярности среди населения Германии, а индустрия игорного бизнеса не притеснялась государственными контрольными органами.

Ретроспективный анализ правовых источников показывает, что запрет на проведение азартных игр вводился в Германии дважды. Впервые это произошло при Вильгельме I в 1872 г. с целью сбережения семейных ценностей и предотвращения разорения «патологическими игроками» (лудоманами) своих семей и родственников. Второй случай был связан с началом правления А. Гитлера в 1933 г., которым устанавливался запрет на участие в азартных играх, их организацию

и проведение. Исключительным местом, где такого рода развлечения были разрешены, являлся г. Баден-Баден, что было предопределено экономическими государственными интересами. Так, город был особенно популярным среди туристов, в связи с чем доступность азартных игр в нем стала одним из направлений привлечения иностранных денежных ресурсов.

В настоящее время основным правовым источником уголовного права в Федеративной республике Германия является Уголовное уложение (далее – УУ ФРГ) 1871 г., в соответствии с которым преступления в области организации азартных игр, в отличие от законодательства иных стран, признаются корыстными и относятся к разделу XXV «Наказуемая корысть». В частности, последняя редакция уголовного закона предусматривает ответственность за:

– неразрешенную организацию азартных игр, а именно за публичную организацию или проведение азартной игры либо предоставление для этих целей помещения или иного приспособления (§ 284 УУ ФРГ, п. 1);

– те же действия, совершаемые в закрытых обществах и объединениях, а равно за рекламу публичной азартной игры (§ 284 УУ ФРГ, п. 2–4);

– участие в публичной азартной игре (§ 85 УУ ФРГ)¹.

Единственным квалифицирующим признаком германское уголовное законодательство признает совершение преступления в виде промысла или в составе «банды», организованной для длительного осуществления преступной деятельности. При этом П. В. Головненков отмечает, что под азартной игрой понимается «игра на удачу», проигрыш или выигрыш в которой зависит в большей степени от случайности или исключительно от нее [10, с. 394].

Особый интерес вызывает опыт законодательной регламентации азартных игр в

Соединенных Штатах Америки. Ретроспективный анализ показывает, что в существовавших ранее на ее территории английских колониях вплоть до XVIII в. азартные игры не являлись предметом правового регулирования властей, вследствие чего поселенцы самостоятельно определяли порядок их организации и проведения. Так, сформировались два диаметрально противоположных социальных подхода к определению их общественной значимости:

– пуританский, основанный на недопустимости азартных игр для членов общины ввиду их пагубного, нравственно разлагающего влияния;

– английский, согласно которому азартные игры были не только допустимым, но и социально одобряемым популярным видом развлечения.

Причиной первого вмешательства государства в урегулирование игорного бизнеса стало стремление увеличения доходных статей бюджета. Так, правительством инициируется проведение государственных лотерей, средства от которых направляются на строительство ряда университетов (Йельский, Колумбийский, Гарвардский, Пристонский и др.)²

Анализ законодательства США свидетельствует о высокой связи особенностей состояния общественных отношений в конкретном штате и его государственной политики в касательно азартных игр. Так, в 1833 г. в связи с широким распространением в Пенсильвании, Нью-Йорке и Массачусетсе мошенничеств, связанных с проведением лотерей, были приняты законы об их запрете. В последующем их примеру последовало большинство штатов государства [11].

С 1948 г. на федеральном уровне действует United States Code или Свод законов США, глава 50 которого посвящена охране общественных отношений в области организации и проведения азартных игр.

¹ Уголовное уложение Федеративной Республики Германия: научно-практический комментарий и перевод текста закона / П. В. Головненков. Изд. 2-е, перераб. и доп. Москва : Проспект, 2016. 492 с.

² Законодательное регулирование азартных игр. История вопроса США // Вестник игорного бизнеса. URL: <http://vib.adib92.ru/main.mhtml?PubID=1878> (дата обращения: 05.06.2024).

В частности, уголовный запрет установлен за организацию и проведение азартных игр на всех видах водного и воздушного транспорта (§ 1082 «Gambling ships»), а также посредством сети Интернет (§ 1084 «Internet gambling»), влекущих наказание в виде штрафа, тюремного заключения на срок до двух лет либо одновременного применения двух наказаний¹.

Законодательство отдельных штатов характеризуется различным перечнем уголовно наказуемых деяний. В частности, уголовная ответственность установлена за:

– владение игорным заведением, организацию его работы, работу в нем, а также за обеспечение охраны и финансирование деятельности (Свод законов штата Арканзас 1987 г., § 5-66-103 «Gambling houses»);

– использование или передачу другому лицу любой недвижимости с целью организации азартных игр (Свод закон штата Техас 1973 г., § 47.04 «Keeping a gambling place»);

– незаконные азартные игры с использованием информационных технологий (Свод законов штата Джорджия 1816 г., § 16-12-28);

– проведение азартных игр при условии организации ее в составе не менее пяти человек, либо непрерывной продолжительностью не менее одного месяца, либо с извлечением дохода 2 тыс. долларов и более в течение одного дня (Свод законов штата Луизиана 1826 г., § 14.90) и др.²

Особый порядок регламентации азартной деятельности предусмотрен в штате Невада, где располагается мировая столица игорного бизнеса – г. Лас-Вегас. С 2011 г. законодательством разрешены практически все виды азартных игр и с целью упорядочения правового регулирования введены два вида лицензии на осуществление игорной деятельности:

– ограниченная, предусматривающая возможность установки не более пятнадцати игровых автоматов без возможности реализации иных видов развлечений;

– специальная, предоставляющая право на введение в эксплуатацию неограниченного количества игровых автоматов, а также на организацию и проведение иных видов азартных игр, в том числе в арендованных помещениях.

Запрет на проведение азартных игр в штате Невада распространяется исключительно на территории, прилегающие к школам, больницам, воинским частям, спортивным сооружениям и церквям, а с 2013 г. здесь, в отличие от иных административных территориальных единиц, были легализованы азартные игры в сети Интернет.

Анализ становления института уголовной ответственности за правонарушения в области организации и проведения азартных игр в странах англосаксонской правовой системы отражает динамичность государственной политики Великобритании. Так, в 1541 г. в целях защиты интересов военной подготовки был введен Закон о пресечении незаконных игр или Unlawful Games Act, в соответствии с которым для мужского населения в возрасте от семи до шестидесяти лет были запрещены все виды азартных развлечений, кроме стрельбы из лука. Нарушение правовой нормы влекло ответственность в виде штрафа. Кроме того, на отдельных должностных лиц, в том числе мэров, шерифов, судебных приставов, констеблей возлагалась обязанность не реже одного раза в месяц осуществлять обыск помещений и переулков, в которых находились игровые площадки [7, с. 53].

Положения вышеупомянутого нормативного правового акта были отменены Законом об азартных играх 1845 г. или The Gaming Act. Вместе с тем особенное значение приобретает раздел XVII, в соответствии с которым уголовно наказуемым деянием признавалось мошенничество, осуществленное посредством любого незаконного приема или недобросовестной практики в ходе игр в карты или кости, а равно

¹ United States Code. URL: <https://www.govregs.com/uscode> (дата обращения: 04.06.2024).

² US Law, Case Law, Codes, Statutes and Regulations: Justia Law. URL: <https://law.justia.com/> (дата обращения: 05.06.2024).

при участии в ставках, в результате которых лицо выиграло в свою пользу или пользу третьих лиц денежные средства независимо от суммы причиненного ущерба. В качестве санкций были предусмотрены штраф либо тюремное заключение. Кроме того, закон не признавал юридическую силу долговых обязательств, устанавливаемых между сторонами по окончании азартной игры.

В настоящее время в Великобритании действует Закон об азартных играх 2005 г. или *The Gambling Act*, принятие которого было связано с переосмыслением нравственных рисков и негативного воздействия такого рода развлечений. Строгий административный подход правового регулирования охарактеризовался переходом к преобладающим элементам рыночного контроля. Катализатором государственного и общественного признания законности рассматриваемых развлечений стало учреждение национальной лотереи в 1993 г., а также обнаружение возможности пополнения финансового бюджета страны за счет легализации остальных отраслей игровой индустрии.

На сегодняшний день в Великобритании разрешены все виды азартных игр (лотереи, деятельность букмекерских контор, казино и др.), учрежден контрольный орган – Комиссия по азартным играм или *The Gambling Commission*, местным органам власти делегированы отдельные лицензионно-разрешительные полномочия. Уголовное законодательство направлено на обеспечение соблюдения правил организации и проведения азартных игр, защиту общественной нравственности и прав несовершеннолетних. Так, преступными деяниями признаются:

– предоставление своего помещения для организации и проведения азартных игр лицом, не имеющим соответствующей лицензии (*The Gambling Act*, ст. 33);

– использование любого помещения для организации и проведения азартных игр независимо от их форм лицом, не имеющим соответствующей лицензии (*The Gambling Act*, ст. 37);

– мошенничество при проведении азартных игр (*The Gambling Act*, ст. 42);

– распространение рекламы и иной информации, содержащей сведения об азартных играх, среди несовершеннолетних с целью возбуждения желания участвовать в них (*The Gambling Act*, ст. 46)¹.

Развитие уголовного законодательства Канады, в отличие от предыдущей страны англосаксонской правовой семьи, характеризуется наличием кодифицированного правового документа. В частности, с 1985 г. в стране действуют две уголовно-правовые нормы, устанавливающие ответственность за незаконную организацию игорных заведений (*Criminal Code of Canada*, ст. 201), а также за незаконные приобретение, продажу или использование игровых автоматов (*Criminal Code of Canada*, ст. 202)².

По мере исторического развития можно отметить относительное сближение уголовно-правовых систем различных зарубежных стран. В частности, представляется возможным выделить две группы государств по особенностям установления уголовной ответственности в области азартных игр:

– страны с общим типом правового регулирования, в рамках уголовного законодательства которых ответственность предусмотрена за незаконную организацию и проведение азартных игр независимо от их вида и формы. Следовательно, преступления связаны с нарушением предусмотренного законодательством лицензионно-разрешительного порядка, а игорная деятельность отождествляется с предпринимательской (Россия, Армения, Федеративная Республика Германия и др.) [12];

¹ House of commons – *The Gambling Act 2005: A bet worth talking?* – Culture, Media and Sport Committee Contents. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm201213/cmselect/cmcmds/421/42103.htm> (дата обращения: 06.06.2024).

² *CriminalCodeofCanada*. URL: <https://www.criminal-code.ca/criminal-code-of-canada-numerical-1-to-99.html> (дата обращения: 06.06.2024).

– страны со специализированным типом правового регулирования, устанавливающим уголовную ответственность за правонарушения в области отдельных видов азартных развлечений (тотализаторы, лотереи, игровые автоматы и т. д.) либо за различные «частные виды» общественно опасных деяний: содержание игорного заведения, реклама азартных игр, занятие игорным бизнесом, мошенничество при проведении азартных игр, предоставление помещений для проведения азартных игр и т. д. (Великобритания, Азербайджан, Украина, Соединенные Штаты Америки, Канада и др.).

Заключение

Таким образом, ретроспективный анализ становления института уголовной ответственности в зарубежных странах показал, что практически во всех государствах первые запреты на участие в азартных играх и их проведение появились с целью защи-

ты общественной нравственности и предупреждения их негативного морально-разлагающего воздействия. К числу схожих черт различных правовых систем относится также введение лицензионно-разрешительных правил в отношении деятельности, связанной с организацией азартных игр, что было продиктовано необходимостью установления контроля за указанной сферой общественных отношений и в то же время экономическими интересами государства в извлечении дополнительных денежных средств для пополнения бюджета. Вместе с тем нельзя не отметить зависимость становления и развития законодательного подхода к регулированию азартных игр от наличия или отсутствия господствующей в стране религии, в связи с чем государства мусульманской правовой семьи неизменно соблюдают абсолютный запрет на проведение азартных игр.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кормильцева С. О. Ответственность за организацию и проведение азартных игр на примере ряда зарубежных стран (Эстония, Дания, Бельгия) // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2016. № 1. С. 100–102.
2. Новикова А. А. Азартные игры как проблема современного общества // Научный электронный журнал Меридиан. 2019. № 9 (27). С. 93–95.
3. Семенов В. Р. Незаконные организация и проведение азартных игр: иностранный исторический опыт // Викимнология. 2019. № 3 (21). С. 42–46.
4. Барабанов А. А. Правовое регулирование противодействия незаконной игорной деятельности в зарубежных странах // Юридическая наука: история и современность. 2023. № 11. С. 169–172.
5. Ковтун Е. В., Жарковская О. А. История гонений и запретов // Мир игры и развлечений. URL: <http://vib.adib92.ru/main.mhtml?PubID=50> (дата обращения: 03.06.2024).
6. Потапов А. Н. Зарубежный опыт противодействия совершению преступлений, связанных с незаконной организацией и проведением азартных игр // Юридическая наука и практика : альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИИ России. Том 7, часть 2. Самара : Самарский юридический институт ФСИИ России, 2019. С. 203–205.
7. Игорный бизнес / пер с англ. и фр. ; сост. А. В. Пурник. Москва : БиблиоМаркет, 1994. 94 с.
8. Габеллини Э., Луккини Ф., Гаттони М. Распространенность проблемных азартных игр: метаанализ недавних эмпирических исследований (2016–2022). Исследование Дж. Гэмбла. 2023, 1057 с.
9. Ковтун Е. В. Правовое регулирование игорного бизнеса в зарубежных странах. Серия: профессиональная практика. Издательство «Аллель», 2006. 217 с.
10. Темный Ю. В., Стальная В. А. Игорный бизнес: социально-экономическая дилемма // Социально-экономические и технические системы: исследование, проектирование, оптимизация. 2007. № 7. С. 91–120.
11. Балова Д. М. Особенности правового регулирования противодействия незаконной игорной деятельности в зарубежных государствах на примере Соединенных штатов Америки // Уральский научный вестник. 2023. Т. 1. № 4. С. 130–139.

12. Анцыгин А. В. Сравнительно-правовое исследование законодательства России и зарубежных стран об азартных играх // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2016. № 3. С. 62–65.

REFERENCES

1. Kormiltseva S. O. Liability for organizing and conducting gambling on the example of a number of foreign countries (Estonia, Denmark, Belgium) // Gaps in Russian legislation. Law journal. 2016. No. 1. P. 100–102. (In Russ.)
2. Novikova A. A. Gambling as a problem of modern society // Scientific electronic journal Meridian. 2019. No. 9 (27). P. 93–95. (In Russ.)
3. Semenov V. R. Illegal organization and conduct of gambling: foreign historical experience // Victimology. 2019. No. 3 (21). P. 42–46. (In Russ.)
4. Barabanov A. A. Legal regulation of counteracting illegal gambling activities in foreign countries // Legal science: history and modernity. 2023. No. 11. P. 169–172. (In Russ.)
5. Kovtun E. V., Zharkovskaya O. A. History of persecution and prohibitions // World of games and entertainment. URL: <http://vib.adib92.ru/main.mhtml?PubID=50> (date of access: 03.06.2024). (In Russ.)
6. Potapov A. N. Foreign experience in counteracting the commission of crimes related to the illegal organization and conduct of gambling // Legal science and practice: almanac of scientific papers of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Volume 7, part 2. Samara: Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2019. P. 203–205. (In Russ.)
7. Gambling business. Translated from English and French / compiled by A. V. Purnik. Moscow : Bibliomarket, 1994. 94 p. (In Russ.)
8. Gabellini E., Lucchini F., Gattoni M. Prevalence of problem gambling: a meta-analysis of recent empirical studies (2016–2022). Research by J. Gamble. 2023, 1057 p. (In Russ.)
9. Kovtun E. V. Legal regulation of gambling business in foreign countries. Series: professional practice. Publishing house «Allel», 2006. 217 p. (In Russ.)
10. Temny Yu. V., Stalnaya V. A. Gambling business: a socio-economic dilemma // Socio-economic and technical systems: research, design, optimization. 2007. No. 7. P. 91–120. (In Russ.)
11. Balova D. M. Features of legal regulation of counteraction to illegal gambling activities in foreign countries on the example of the United States of America // Ural Scientific Bulletin. 2023. Vol. 1. No. 4. P. 130–139. (In Russ.)
12. Antsygin A. V. Comparative legal study of the legislation of Russia and foreign countries on gambling // Gaps in Russian legislation. Legal journal. 2016. No. 3. P. 62–65. (In Russ.)

Информация об авторе:

Солодина С. А. – адъюнкт.

Information about the author:

Solodina S. A. – adjunct.

Статья поступила в редакцию 26.06.2024; одобрена после рецензирования 03.07.2024; принята к публикации 27.09.2024.

The article was submitted 26.06.2024; approved after reviewing 03.07.2024; accepted for publication 27.09.2024.

Научная статья
УДК 378.1.014:005.8(470)

Зильяра Жановна Гумерова¹, Айгуль Калашовна Мухамадиярова²

¹ Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия, lapa28@rambler.ru

² Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия, ai_mukhamad@rambler.ru

ПРИМЕНЕНИЕ ПРОЕКТНОГО ПОДХОДА ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УНИВЕРСИТЕТА

Аннотация. В статье изучаются проблемы и актуальность внедрения проектного подхода для повышения эффективности организации и управления образовательной и научной деятельностью бюджетного учреждения высшего образования. Реализация проектного подхода обеспечит достижение целевых показателей, выполнение планов развития и таким образом повышение эффективности деятельности государственных бюджетных учреждений сферы высшего образования. Применение проектного подхода в управлении государственных бюджетных учреждений сферы высшего образования обеспечит привлечение в организацию квалифицированных молодых специалистов для включения их в проектные команды, талантливых людей, даст рост бюджетной эффективности и увеличение притока внебюджетных средств.

Ключевые слова: проектный подход, управление государственным бюджетным учреждением сферы высшего образования, бюджетная эффективность, привлечение талантливых людей, внебюджетные средства

Для цитирования: Гумерова З. Ж., Мухамадиярова А. К. Применение проектного подхода для повышения эффективности деятельности университета // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2024. № 3 (19). С. 86–95.

Original article

**Zilyara Zh. Gumerova¹,
Aigul K. Mukhamadiyarova²**

¹ Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, lapa28@rambler.ru

² Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia, ai_mukhamad@rambler.ru

APPLICATION OF THE PROJECT APPROACH TO INCREASE THE EFFICIENCY OF THE UNIVERSITY

Abstract. The article examines the problems and relevance of the implementation of the project approach to improve the efficiency of the organization and management of educational and scientific activities of a budgetary institution of higher education. The application of the project approach will ensure the achievement of target indicators and the fulfillment of development plans, and thus increase the efficiency of state budgetary institutions of higher education. The use of the project approach in the management of state budgetary institutions of higher education will ensure the attraction of qualified young specialists to the organization for their inclusion in project teams, attracting talented people, the growth of budgetary efficiency and an increase in the inflow of extra-budgetary funds.

© Гумерова З. Ж., Мухамадиярова А. К., 2024

Keywords: project approach, management of a state budgetary institution of higher education, budgetary efficiency, retention of talented people, extra-budgetary funds

For citation: Gumerova Z. Zh., Mukhamadiyarova A. K. Application of the project approach to increase the efficiency of the university // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2024. No. 3 (19). P. 86–95.

Введение

В Российской Федерации к стратегическим национальным приоритетам в сфере реализации Программы развития образования относятся сбережение народа Российской Федерации и развитие человеческого потенциала, укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти, устойчивое развитие экономики Российской Федерации на новой технологической основе, развитие безопасного информационного пространства. Задачи развития науки и высшего образования в Российской Федерации определены Стратегией научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 года № 642¹.

В настоящий момент для решения указанных задач реализуется несколько проектов, которые могут быть использованы вузами для развития образовательной, научной и инновационной деятельности. К этим программам относятся: национальный проект «Наука и университеты», включающий федеральные проекты «Развитие интеграционных процессов в сфере науки, высшего образования и индустрии», «Развитие масштабных научных и научно-технологических проектов по приоритетным исследовательским направлениям», «Развитие инфраструктуры для научных исследований и подготовки кадров», «Развитие человеческого капитала в интересах регионов, отраслей и сектора исследований и разработок»; государственная программа Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации», утвержденная постановлением Правительства Российской

Федерации от 29 марта 2019 года № 377; федеральные проекты «Передовые инженерные школы», «Платформа университетского технологического предпринимательства»; программа стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

В данной статье авторы берутся осветить ряд аспектов применения проектного подхода в организации деятельности бюджетного учреждения сферы высшего образования с целью повышения эффективности деятельности за счет увеличения источников внебюджетных финансовых средств, соблюдения сроков реализации проектов, привлечения и удержания талантливых кадров высшей квалификации.

Задачами настоящего исследования выступают:

- обоснование необходимости и возможности применения проектного подхода в бюджетном учреждении для повышения эффективности деятельности;
- определение конкретных сфер деятельности бюджетного учреждения сферы высшего образования, в которых проектный подход даст прирост эффективности деятельности;
- планирование, организация и контроль управления проектами в рамках бюджетного учреждения сферы высшего образования;
- оценка возможностей реализации проектов путем коллаборации с другими бюджетными учреждениями для обеспечения синергетического эффекта реализации проектов.

Представленные результаты были получены на основе исследования, которое опиралось на следующие методологические принципы:

¹ Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642 (утратил силу в связи с принятием Указа Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145 «Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации»). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

– системность – принцип, который дал возможность целостно рассматривать взаимоотношения между всеми участниками образовательных и научных проектов, увидеть характер и логическую зависимость этих взаимоотношений;

– сущностный анализ – принцип, связанный с раскрытием законов существования и развития сложных социально-экономических систем, выделением ключевых факторов, влияющих на них, поиск путей их целевого управления.

Использование указанных принципов дало возможность сформулировать основные результаты исследования с учетом ключевых внешних и внутренних факторов, определяющих эффективность образовательных и научных проектов университета.

Методы

В проведенном исследовании использованы следующие методы и концепции:

1) методы технико-экономического анализа, комплексного экономического анализа, системного и логического анализа, которые позволили выявить закономерности развития процессов и спрогнозировать результаты при изучении объектов исследования – образовательных, научных и инновационных проектов, реализуемых бюджетным учреждением сферы высшего образования;

2) прикладные методы экономического исследования, в том числе сбор, анализ и оценка первичной и вторичной информации, расчет экономических показателей оценки эффективности реализации проектов, опрос целевых групп (в том числе экспертный) – участников проектов (ученые, реализующие проекты Российского научного фонда (РНФ), проекты Научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (далее – НИОКР) по заказам предприятий реального сектора экономики, преподаватели, реализующие образовательные проекты, менеджеры образовательных учреждений, ответственные за организацию и реализацию образовательных, воспитательных и научных проектов, преподаватели и ученые-инженеры Уфимского государственного авиационного технического университета (2020–2022 гг.),

Уфимского университета науки и технологий (2022–2024 гг.), инженерно-технические работники и управленческие кадры предприятий машиностроительной сферы Республики Башкортостан, инвесторы, чиновники Министерства образования и науки Республики Башкортостан);

3) интегративный подход, который способствовал целостному объединению разнородных компонентов систем при решении управленческих и экономических задач в сфере проектного управления и использования в качестве базы интеграции;

4) проектный подход для объединения в рамках конкретного проекта сотрудников университета, работников предприятий – заказчиков проекта, органов власти и инвесторов;

5) концепция проектного подхода, основанная на управлении конкретным проектом как социально-экономическим объектом, которая на период его реализации объединяет всех участников одной целью и направлена на достижение критериев успешности различных заинтересованных лиц [1; 2; 3; 4].

Результаты

Исследование и ранжирование проблем применения проектного подхода в бюджетных учреждениях сферы высшего образования помогли определить основные направления повышения эффективности проектного управления как более современного подхода к организации и управлению деятельности университетов. Проектный подход может дать заметный экономический эффект в виде улучшения качества и оперативности выполнения работ, что может привести к повышению привлекательности бюджетного учреждения как надежного исполнителя программ дополнительного профессионального образования (ДПО), проектов НИОКР по заказам как государства, в том числе выполнение государственного оборонного заказа, региональных органов исполнительной власти (РОИВ), так и предприятий реального сектора экономики различных отраслей.

В данном случае под современным подходом к управленческой деятельности под-

разумеается внедрение проектного подхода в бюджетных учреждениях сферы высшего образования, что положительно будет воздействовать на экономическую ситуацию Российской Федерации через подготовку инженерных, управленческих и экономических кадров, обладающих компетенциями проектного менеджмента, а также оптимизацию и повышение эффективности работы университетов, что ведет к росту бюджетной эффективности, так как наступила ситуация, когда перед бюджетными учреждениями высшего образования стоят задачи повышения своей эффективности, расширения перечня источников внебюджетного финансирования, привлечения молодых, талантливых работников. Однако сложилась практика, когда, ссылаясь на то, что организация является государственной, бюджетной, и, соответственно, не может самостоятельно принимать решения в стратегическом горизонте планирования и реализовывать планы своего развития, часть руководящих должностей университетов оправдывает свою недостаточную для современных условий управленческую квалификацию, что негативно сказывается на всех видах эффективности работы таких бюджетных учреждений. Кроме того, существует возможность руководителям «прикрывать» ошибки управления и низкую эффективность работы бюджетного учреждения отсутствием бюджетного финансирования, ограниченностью статей бюджетной классификации, низкой заработной платой. Такие явления приводят к невозможности принятия быстрых управленческих решений и гибкого реагирования на постоянно изменяющиеся внешние условия: социально-политические, экономические, правовые.

В научной литературе по данной тематике высказывается следующее мнение, что проектный подход в управлении имеет ряд особенностей и специфических черт, которые позволяют достаточно точно идентифицировать его и дать объективную оценку целесообразности внедрения и эффективности применения в управлении любой организации независимо от ее организационно-пра-

вовой формы и/или формы собственности и источников финансирования хозяйственной деятельности. В российской [5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13] и зарубежной [13; 14] научной литературе, посвященной теме данной статьи, предлагаются общие и рабочие принципы внедрения и реализации проектного подхода в бюджетном учреждении сферы высшего образования, раскрываются понятие, цель и задачи проектного управления, предлагаются методы и показатели измерения эффективности реализации проектов образования, науки и инноваций [7]. Но в исследованиях продолжается дискуссия о возможности и необходимости внедрения проектного подхода в области деятельности бюджетного учреждения сферы высшего образования в рамках управления образовательных, научных и инновационных проектов.

Считаем необходимым напомнить, что существуют известные особенности и специфические черты, к которым прежде всего относятся:

1. Инициация проекта для решения конкретной проблемы, а значит, формулировка конкретной цели, задач и результатов реализации проекта.

2. Прогнозирование четко обозначенного срока достижения результата проекта, расчет и обоснование периода реализации проекта, что позволяет активно управлять периодом реализации проекта и сроками достижения запланированных.

3. Планирование общего и частных бюджетов проекта, что обеспечивает рациональное распределение и использование ресурсов проекта.

4. Формирование плана работ как на весь период реализации проекта, так и на короткие периоды, что позволяет по итогам анализа промежуточного результата окончательного периода оценить правильность принятых управленческих решений, провести диагностику условий внешней среды, а затем оценки и диагностики принять актуальное управленческое решение. Решением может быть: продолжение реализации проекта, корректировка методов, ресурсов и инструментов реализации проекта или в слу-

чае возникновения критических негативных факторов откладывание сроков реализации проекта до благоприятных времен, или как крайний вариант отказ от реализации проекта во избежание увеличения рисков и убытков.

5. Формирование команды для конкретного проекта, что предполагает набор сотрудников из структурных подразделений организации и привлечение недостающих по профессиям и квалификации работников с стороны на период реализации проекта.

Подвижки в развитии проектного управления в бюджетных учреждениях имеются. Продолжается разработка методов и инструментов, учитывающих специфику бюджетных учреждений, в том числе их нормативную урегулированность, ограниченность в использовании внебюджетных источников финансирования, особенности мышления управленческих работников бюджетной сферы, чаще всего связывающих успешность работы руководимой ими организации только с выполнением нормативных требований и своевременным реагированием на запросы вышестоящей инстанции. Однако только внешняя по отношению к университетам работа по популяризации и продвижению проектного подхода не является достаточным условием внедрения, а главное – успешного применения проектного управления в деятельности университетов.

Для того чтобы определить основные проблемы внедрения проектного подхода в университетах и найти базовые направления его применения в бюджетных учреждениях высшего образования, был проведен анализ и оценка представленного в литературе опыта применения проектного управления в указанных типах организаций, а также систематизирован практический опыт участия авторов в университетских проектах образовательного, научного и инновационного характера. Проведенная работа позволила сделать некоторые обобщения проблем внедрения и эффективного использования проектного подхода в университетах.

После завершения проектов изучался опыт команды и действия руководителей

по организации и управлению реализацией проекта. Рассматривались как успешно реализованные проекты, так и те, которые готовились, но не вышли на стадию реализации по разным объективным причинам. Периодами анализа являются этапы подготовки, подача заявки на реализацию проекта и защита заявки перед ключевыми стейкхолдерами.

Опыт охватывает период с 2009 по 2023 год и включает следующие проекты ФГБОУ ВО «Уфимский государственный авиационный технический университет» (УГАТУ), ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий» (УУНиТ): «Подготовка заявки на участие в Программе "5-100"», «Разработка проекта создания республиканского инжинирингового центра "Имплант-инжиниринг"», «Совместный проект УГАТУ и БашГУ "Большой университет"», программы «Школа ректоров-19», МШУ «Сколково», «Подготовка заявки на участие в программе ПСАЛ «Приоритет-2023», «Проект проведения акселератора для студентов, Университет 20.35» проекты подготовки и проведения Стратегических и Форсайт сессий УУНиТ и другие (перечень содержит часть проектов, так как некоторые из них не могут быть приведены в открытой печати из-за действия моратория на неразглашение информации).

По результатам исследования был определен и проранжирован по степени значимости перечень основных проблем.

1. В университетах недостает понимания необходимости учета запросов стейкхолдеров – заинтересованных лиц, которые ожидают от работников бюджетной организации несвойственных им компетенций. К таким компетенциям относятся: знание перечня и действия факторов и закономерностей рынков, на которые выходят университеты, предлагая свои услуги по реализации образовательных и научных проектов, гибкость и адаптивность под потребности заказчика, недостаточное знание нормативной документации в предметной области проекта, наличие соответствующих струк-

турных подразделений в университетах, которые взяли бы на себя функции проектного офиса или проектного менеджера.

2. Участие в проектах университета, относящихся к разным сферам, ограниченного числа работников профессорско-преподавательского состава и научных работников из-за низкой активности и боязни перемен большинства работников университета. Значит, излишняя многозадачность и избыточная загруженность узкого круга высококвалифицированных работников университета приводит к отказам от реализации ряда проектов реального сектора экономики.

3. Недостаточная материальная заинтересованность в участии в подготовке и реализации проектов университета как руководящего звена, так и основных работников.

4. Недостаточность компетенций в области внедрения и использования проектного подхода у руководителей высшего и среднего звена управления. Даже при наличии проектов, которые планируют и реализуют с разной степенью успешности традиционными способами и методами, у руководителей недостаточно теоретических знаний и практических навыков проектного управления.

5. Ложная уверенность в сложности и даже невозможности применения проектного подхода в управлении проектами университета из-за достаточно жесткого регламентирования и нормативного регулирования хозяйственной деятельности бюджетных учреждений.

6. Практически полное отсутствие нормативной документации и методических указаний по применению проектного управления в бюджетных учреждениях. Отсюда вытекают боязнь применения новых методов управления и отсутствие инициативы по внедрению проектного подхода.

Практически все основные проблемы, указанные выше, связаны с работниками университета, их компетенциями в области менеджмента в целом и компетенциями проектного управления в частности. Это дает основание утверждать, что целесообразность и эффективность проектного

подхода обеспечена в тех университетах, в которых имеется «костяк» управленческих кадров, знакомых с методами проектного управления и готовых взять на себя риски использования новых для их организации методов и инструментов проектного управления.

Изменение методов управления государственными и муниципальными организациями и бюджетными учреждениями необходимо, причем в короткие сроки, что даже не подлежит обсуждению. М. А. Тухватуллина отмечает: «...шестой причиной является тот факт, что мир вокруг становится более непредсказуемым и неоднозначным, и в связи с этим прежние методы управления уже не дают необходимых результатов» [15].

К базовым (перспективным) направлениям применения в бюджетных учреждениях высшего образования проектного управления авторы относят реализацию проектов государственного-частного партнерства в рамках основной уставной деятельности; расширение видов деятельности, разрешенных для конкретного учреждения высшего образования; реализацию консорциумов для создания цифровых продуктов или услуг с другими государственными и бюджетными организациями в виде научных и инновационных проектов в информационной сфере; выполнение государственного оборонного заказа для целей специальной военной операции.

На наш взгляд, первый шаг к успешному внедрению и эффективному применению проектного управления в университетах – это работа с персоналом. Как говорилось выше, одной из базовых отличительных черт проектного подхода является формирование команды проекта.

Классическое определение команды проекта – совокупность физических и юридических лиц и их групп, объединенных целевым образом для осуществления и достижения его результата [3].

В различных источниках по вопросам проектного управления в качестве главной задачи команды управления называются разные функции и действия, чаще всего

относящиеся просто к текущей деятельности персонала проекта в ходе его реализации¹.

На наш взгляд, главная задача команды проекта – это достижение результата проекта в определенные сроки и с тем бюджетом ресурсов, который был запланирован на этапах инициации и формирования бюджета проекта. Какие будут использоваться методы, способы и инструменты управления для решения этой задачи – не так важно, так как в ходе реализации проекта они однозначно будут отличаться от запланированных и это обоснованно, прежде всего, современными условиями внешней среды проекта, которые в настоящий момент характеризуются подвижностью, неустойчивостью и достаточно резкими изменениями. Нормой для проектного подхода является то, что команда проекта включает людей со специальной подготовкой, готовых к быстрым и гибким реакциям к резким изменениям среды проекта и отличающихся проактивным мышлением, то есть прогнозирующих возможные колебания условий и факторов деятельности и соответствующие реакции всех составных частей проекта. Все вышесказанное подразумевает, что участники и руководитель команды проекта являются профессионалами со специальной подготовкой не только в сфере проектного управления, но и в психологии, стратегическом управлении, управлении персоналом, экономико-математическом моделировании и других смежных областях знаний. Это предполагает достаточно высокую оплату труда таких работников и необходимость изменения системы стимулирования и оплаты труда, а также системы мотивации в университетах, которые приняли решение применять проектный подход для расширения и повышения эффективности своей деятельности.

В помощь таким университетам при внедрении проектного подхода можно

предложить несколько принципов, которые могут быть использованы при формировании системы мотивации команды проектов:

1. Требование от команды проекта выполнения конкретных качественных и количественных показателей проекта только при условии полного (по объемам и качеству) и своевременного обеспечения ресурсами в соответствии с бюджетами проекта.

2. Обеспечение проекта нужными специалистами в соответствии с требованиями по количеству, квалификации и срокам привлечения в команду проекта на основе графика Ганта, структурной декомпозиции работ или любого другого документа, который был сформирован на этапе планирования работ проекта и содержит требования к количеству и квалификации участников проекта. Это, конечно, предполагает привлечение в проект участников и со стороны.

3. Разработка и реальное использование системы коммуникаций всех заинтересованных лиц проекта, команды проекта, структурных подразделений организации, вовлеченных в проект. Должна иметься цифровая платформа, на основе которой будет происходить взаимодействие и оперативное решение всех вопросов, возникающих в ходе реализации проекта.

4. Формирование системы мотивации, которая содержит стандартные способы поддержания мотивации, дисциплины, деловых отношений и морально-психологического комфорта и специально разработанные методы и инструменты, адекватные конкретному проекту. Это могут быть тренинги по командообразованию, дополнительное обучение, материальное и нематериальное поощрение для сокращения сроков проекта и/или получения более высоких результатов, чем планировалось.

5. Использование дифференциального подхода для оценки результативности работы разных групп работников проекта и, со-

¹ Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации : постановление Правительства Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 1288. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

ответственно, дифференциальный подход к оплате, стимулированию и мотивации труда разных групп работников проекта, исходя из ценности вклада каждого работника в промежуточные и конечный результаты проекта.

6. Внедрение современных инструментов сбора, обработки и обмена информацией участниками проекта в виде специального программного обеспечения (например, Bitrix-24) и инструментов искусственного интеллекта, которые обеспечивают сокращение времени на обработку информации, автоматизируют процессы формирования отчетности, оценки эффективности работы участников команды проектов, прогресс проекта и другое.

7. Вовлечение команды проекта в активное управление рисками, создание с помощью участников системы мониторинга и реагирования на риски проекта, что повышает вероятность получения запланированного результата проекта и его успешное завершение.

В качестве вывода авторы хотели бы сказать, что, несмотря на стандартизацию про-

ектного управления и наличие ГОСТов, оно представляет собой сложную методологию, которая включает в себя множество элементов, таких как планирование, организация, контроль, управление рисками, ресурсами, стейкхолдерами.

Авторы выражают уверенность, что со временем будет происходить активизация применения проектного подхода в университетах, использование в управлении образовательными, научными и инновационными проектами современной методологии, методов и инструментов проектного подхода, включая формирование команды проекта, планирование работ проекта, управление рисками проекта; идет понимание преимуществ и возможностей применения проектного подхода в управлении разными видами деятельности университета для повышения гибкости и адаптивности организации, что обеспечит достижение поставленных перед университетами стратегических целей развития, роста финансовой устойчивости, а значит, и роста благосостояния работников.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Царенко А. С. Управление проектами. 2-е изд., стер. Санкт-Петербург : Лань, 2023. 236 с.
2. Парфенова В. Е. Управление проектами. Санкт-Петербург : СПбГАУ, 2021. 42 с.
3. Милошевич Д. Набор инструментов для управления проектами / Драган З. Милошевич; пер. с англ. Мамонтова Е. В.; под ред. Неизвестного С. И. М. : Компания АйТи; ДМК Пресс, 2010. 729 с.
4. Толстых Т. О. Управление проектами / Т. О. Толстых, Д. Ю. Савон. М. : МИСИС, 2020. 42 с.
5. Косенок С. М. Проектное управление в университете // Вестник Сургутского государственного университета. 2022. Вып. 3 (37). С. 16–22.
6. Бакланова Ю. О. Эволюция подхода к проектному управлению инновациями: инициатива, проект, программа, портфель // Современные технологии управления. 2012. № 3.
7. Островкин Д. Л., Сандлер Д. Г. Создание программы стратегического развития университета: технология разработки и ключевые проекты // Лидерство и менеджмент. 2022. Том 9. № 2. С. 581–602. DOI: 10.18334/lim.9.2.114708.
8. Санников Д. В., Ширинкина Е. В. Организационно-деятельностная игра как инструмент проектного управления при реализации стратегии цифровой трансформации университета // Лидерство и менеджмент. 2023. Том 10. № 2. С. 597–612. DOI: 10.18334/lim.10.2.117212.
9. Москвин С. Н. Управление проектами в сфере образования. М. : Издательство Юрайт, 2024. 139 с. ISBN 978-5-534-11817-9.
10. Гумерова З. Ж. Особенности стратегии привлечения кадровых ресурсов в комплексные научно-технические проекты. // Менеджмент и маркетинг в различных сферах деятельности : сборник научных трудов / под редакцией И. Я. Рувенного. Уфа : Уфимский государственный авиационный технический университет, 2019. С. 77–81. ISBN 978-5-4221-1339-2.

11. Кроу М., Дэбарс У. Модель Нового американского университета. М. : Издательский Дом ВШЭ, 2017. 440 с. ISBN: 978-5-7598-1519-8.
12. Полевой С. А., Чалова А. В. Проблемные вопросы проектной деятельности в организациях высшего образования // Проблемы современного образования. 2019. № 4. С. 136–143.
13. Cantwell B., Marginson S., Smolentseva A. (eds). High Participation Systems of Higher Education. Oxford University Press: 496. 2018. ISBN 978-0-198-82887-7. DOI: 10.1093/oso/9780198828877.001.0001.
14. Fowler N., Lindahl M., Sköld D. The projectification of university research: A study of resistance and accommodation of project management tools & techniques. International Journal of Managing Projects in Business, 2015. Vol. 8. P. 9–32.
15. Тухватуллина М. А. Проблемы внедрения проектного управления в работу органов власти (кадровый аспект) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2018. № 3. С. 69–72.

REFERENCES

1. Tsarenko A. S. Project management. 2nd ed., Stereotype. Saint Petersburg: Lan, 2023. 236 p. (In Russ.)
2. Parfenova V. E. Project management. Saint Petersburg : SPbGAU, 2021. 42 p. (In Russ.)
3. Milosevic D. A set of tools for project management / Dragan Z. Milosevic; trans. from English by Mamontova E. V.; edited by Neizvestny S. I. M. : IT Company; DMK Press, 2010. 729 p. (In Russ.)
4. Tolstykh T. O. Project Management / T. O. Tolstykh, D. Yu. Savon. M. : MISIS, 2020. 42 p. (In Russ.)
5. Kosenok S. M. Project Management at the University // Bulletin of Surgut State University. 2022. Issue 3 (37). P. 16–22. (In Russ.)
6. Baklanova Yu. O. Evolution of the Approach to Project Management of Innovations: Initiative, Project, Program, Portfolio // Modern Management Technologies. 2012. No. 3. (In Russ.)
7. Ostrovkin D. L., Sandler D. G. Creating a University Strategic Development Program: Development Technology and Key Projects // Leadership and Management. 2022. Vol. 9. No. 2. P. 581–602. DOI: 10.18334/lim.9.2.114708. (In Russ.)
8. Sannikov D. V., Shirinkina E. V. Organizational and Activity Game as a Project Management Tool in Implementing the University Digital Transformation Strategy // Leadership and Management. 2023. Vol. 10. No. 2. P. 597–612. DOI: 10.18334/lim.10.2.117212. (In Russ.)
9. Moskvina S. N. Project Management in Education. M. : Yurait Publishing House, 2024. 139 p. ISBN 978-5-534-11817-9 // (In Russ.)
10. Gumerova Z. Zh. Features of the strategy of attracting human resources to complex scientific and technical projects. // Management and Marketing in Various Fields of Activity: Collection of Scientific Papers / edited by I. Ya. Ruvenny. Ufa : Ufa State Aviation Technical University, 2019. P. 77-81. ISBN 978-5-4221-1339-2. (In Russ.)
11. Crowe M., Debars U. Model of the New American University. M. : HSE Publishing House, 2017. 440 p. ISBN: 978-5-7598-1519-8. (In Russ.)
12. Polevoy S. A., Chalova A. V. Problematic issues of project activities in higher education organizations // Problems of modern education. 2019. No. 4. P. 136–143. (In Russ.)
13. Cantwell B., Marginson S., Smolentseva A. (eds). (2018) High Participation Systems of Higher Education. Oxford University Press: 496, ISBN 978-0-198-82887-7, DOI: 10.1093/oso/9780198828877.001.0001.
14. Fowler N., Lindahl M., Sköld D. The projectification of university research: A study of resistance and accommodation of project management tools & techniques. International Journal of Managing Projects in Business, 2015. Vol. 8. P. 9–32.
15. Tuxvatullina M. A. Problems of introducing project management into the work of government bodies (personnel aspect) // State and municipal management. Scientific notes. 2018. No. 3. P. 69–72. (In Russ.)

Информация об авторах:

Гумерова З. Ж. – кандидат экономических наук, доцент;

Мухамадиярова А. К. – кандидат экономических наук, доцент.

Information about the author:

Gumerova Z. Zh. – Candidate of Economy, Associate Professor;

Mukhamadiyarova A. K. – Candidate of Economy, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 10.08.2024; одобрена после рецензирования 09.09.2024; принята к публикации 27.09.2024.

The article was submitted 10.08.2024; approved after reviewing 09.09.2024; accepted for publication 27.09.2024.

Научная статья
УДК 332.234.4:631.452:349.414(470.57)

Флюза Анваровна Тукаева
Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия, mitra77@rambler.ru

СОХРАНЕНИЕ ПЛОДОРОДИЯ ЗЕМЕЛЬ: ЭКОНОМИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье изучены некоторые аспекты использования земель сельскохозяйственного назначения, ведущие к их деградации. Выполнен краткий анализ нормативного регулирования вопросов сохранения плодородия почв на общегосударственном уровне. На примере Республики Башкортостан показано, что основными взаимосвязанными факторами снижения плодородия земель в сельском хозяйстве остаются несоблюдение требований научно обоснованной системы земледелия и эрозия почв. Определены основные пути уменьшения деградации почв и обеспечения воспроизводства их плодородия.

Ключевые слова: плодородие, дегумификация, деградация почв, севообороты, эрозия почв, органическое земледелие

Для цитирования: Тукаева Ф. А. Сохранение плодородия земель: экономико-правовой аспект // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2024. № 3 (19). С. 96–102.

Original article

Flyuza A. Tukayeva
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia, mitra77@rambler.ru

PRESERVATION OF LAND FERTILITY: THE ECONOMIC AND LEGAL ASPECT

Abstract. The article examines some aspects of the use of agricultural land, leading to their degradation. A brief analysis of the regulatory regulation of soil fertility conservation issues at the national level is carried out. Using the example of the Republic of Bashkortostan, it is shown that the main interrelated factors of reducing land fertility in agriculture remain non-compliance with the requirements of a scientifically based farming system and soil erosion. The main ways to reduce soil degradation and ensure the reproduction of soil fertility have been identified.

Keywords: fertility, dehumification, soil degradation, crop rotations, soil erosion, organic farming

For citation: Tukaeva F. A. Preservation of land fertility: the economic and legal aspect // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2024. No. 3 (19). P. 96–102. (In Russ.)

Введение

Со времен зарождения земледелия человечество пользуется одним из величайших даров природы – почвенным плодородием. Плодородие земли определяло способность государства обеспечивать население продовольствием, вести выгодную для себя торговлю с соседями, развиваться экономически. Исторические примеры, будь то доколумбовые цивилизации или события но-

вейшей истории, подтверждают это. Эти же примеры требуют от нас не забывать о том, что плодородие необходимо беречь и приумножать, иначе человечество может столкнуться с настоящей катастрофой. В этой связи тема сохранения почвенного плодородия была и остается актуальной.

Методы

При написании статьи использовались как общенаучные, так и частнонаучные ме-

© Тукаева Ф. А., 2024

тоды – абстрактно-логический, монографический, экономико-статистический.

Результаты

Почвенный покров нашей планеты – живая биологическая система, в которой обитают микроорганизмы, создающие симбиотические связи с корнями растений, способствуя улучшению физического и химического состава почв, что ведет к большему росту растений, получению большего объема сельскохозяйственной продукции. Именно этой способностью почвы – быть живой системой – и определяется плодородие земель. Благодаря этому свойству земля обеспечивает нас более 95 % продовольствия [1, с. 64].

Причин снижения почвенного плодородия множество, но все же основная их часть связана с деятельностью человека: несоблюдение технологии возделывания сельскохозяйственных культур, уплотнение и засоление почв, дегумификация.

Проблема сохранения плодородия земель в последние десятилетия становится все более острой в связи с увеличением численности населения планеты, ростом городов, загрязнением окружающей среды химическими веществами. Она проявляется не только в снижении урожайности сельскохозяйственных культур, но и грозит ухудшением качества продуктов питания, что, несомненно, отражается на здоровье людей. Тем самым сохранение почвенного плодородия становится общегосударственной задачей. Так, в ст. 5 Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 64-ФЗ «О развитии сельского хозяйства» в качестве основных целей аграрной политики государства определены повышение конкурентоспособности отечественной сельскохозяйственной продукции и ее про-

изводителей, обеспечение качества продовольствия, сохранение и воспроизводство используемых природных ресурсов¹. Для решения задач обеспечения плодородия земель в России был принят Федеральный закон от 16 июля 1998 г. № 101-ФЗ «О государственном регулировании плодородия земель сельскохозяйственного назначения» (далее – Федеральный закон № 101-ФЗ), который стал правовой основой обеспечения плодородия земель². Следует отметить, что в стране ранее существовали государственные программы сохранения и повышения почвенного плодородия. Например, Продовольственная программа СССР, принятая в 1982 г., Государственная комплексная программа повышения плодородия почв России (1992 г.) и другие. Федеральный закон № 101-ФЗ регламентирует вопросы государственного нормирования плодородия земель, государственного учета его показателей, ведения государственного реестра и мониторинга земель сельскохозяйственного назначения, а также государственной поддержки деятельности в области обеспечения плодородия земель сельскохозяйственного назначения.

Для целей мониторинга использования земель с нарушением установленных земельным законодательством Российской Федерации требований их рационального использования Постановлением Правительства Российской Федерации от 22 июля 2011 г. № 612 были утверждены критерии существенного снижения плодородия земель сельскохозяйственного назначения³. Постановление Правительства Российской Федерации от 24 мая 2021 г. № 786 утвердило требования к содержанию плана проведения мероприятий по воспроизводству плодородия земель сельскохозяйственного

¹ О развитии сельского хозяйства : федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О государственном регулировании обеспечения плодородия земель сельскохозяйственного назначения : федеральный закон от 16 июля 1998 г. № 101-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Об утверждении критериев существенного снижения плодородия земель сельскохозяйственного назначения : постановление Правительства Российской Федерации от 22 июля 2011 г. № 612. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

назначения и правила его составления¹, а приказ Министерства сельского хозяйства Российской Федерации от 14 апреля 2023 г. № 388 – виды мероприятий, связанных с воспроизводством плодородия земель сельскохозяйственного назначения².

Таким образом, в последние годы большое внимание уделяется конкретизации требований и мер по обеспечению воспроизводства сельскохозяйственных земель. Однако не в полной мере охвачены вопросы ответственности за нарушение плодородия почв. Кодекс об административных правонарушениях и Уголовный кодекс Российской Федерации предусматривают ответственность за снятие или перемещение плодородного слоя, порчу и уничтожение его химическими веществами. В то же время дегумификация почвы при сельскохозяйственном ее использовании с нарушением требований агротехнологии пока остается вне правового поля зрения. Кроме того, недостаточно отрабатаны вопросы учета и оценки качественного состояния земель [2, с. 22]. Вследствие чего многие арендаторы и собственники в погоне за прибылью игнорируют правила рационального и эффективного использования земель, не задумываясь не только о сохранении плодородия земель, но и том, что в будущем такое отношение к земле повлечет для них снижение ее продуктивности и экономических результатов деятельности [3, с. 45].

Анализ землепользования сельскохозяйственных предприятий Республики Башкортостан в период 2017–2023 годов показал сокращение площади сельскохозяйственных земель с 2 800 до 2 329 тыс. га или на 16,8 %; площадь пашни за тот же период уменьши-

лась с 2 349 до 1 993 тыс. га (15,2 %). Как правило, для обеспечения расширенного воспроизводства сокращение ресурсов требует перехода к интенсивному способу производства, что справедливо и для земельных ресурсов. Интенсивность процесса производства в этом случае означает как минимум сохранение плодородия почв.

Одним из важных элементов бережного отношения к плодородию почв является соблюдение научно обоснованных севооборотов и построение такой структуры посевных площадей, которая обеспечивает естественное восстановление плодородия почв путем сохранения баланса гумуса. В настоящее время структура посевов сельскохозяйственных предприятий не соответствует данному требованию (рис. 1).

Как видно из представленных данных, в анализируемый период резко увеличилась доля масличных культур, особенно подсолнечника, и снизилась доля многолетних трав. Между тем подсолнечник является культурой, интенсивно выкачивающей из почвы питательные вещества, способствуя тем самым снижению содержания гумуса. Многолетние бобовые травы, напротив, способствуют восполнению гумуса в почве. Еще более сложная ситуация складывается в фермерских хозяйствах. Если сельскохозяйственные предприятия обладают достаточными площадями для соблюдения севооборотов (в 2023 году средняя площадь пашни в данной категории хозяйств составляла более 3 800 га), то у фермеров с земельными участками не более 130 га такой возможности нет³. Тем самым, большие площади землепользования обеспечивают соблюдение научно обоснованных

¹ О требованиях к содержанию плана проведения мероприятий по воспроизводству плодородия земель сельскохозяйственного назначения и порядке его составления (вместе с «Правилами составления плана проведения мероприятий по воспроизводству плодородия земель сельскохозяйственного назначения»): постановление Правительства Российской Федерации от 24 мая 2021 г. № 783. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

² Об утверждении видов мероприятий, связанных с воспроизводством плодородия земель сельскохозяйственного назначения, и порядка определения стоимости их проведения: приказ Министерства сельского хозяйства Российской Федерации от 14 апреля 2023 г. № 388. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Сельскохозяйственная деятельность крестьянских (фермерских) хозяйств Республики Башкортостан // Статистический сборник. Башкортостанстат. Уфа, 2021. 72 с.

Рис. 1. Структура посевных площадей сельскохозяйственных предприятий Республики Башкортостан, % (рассчитано автором по данным сводной годовой отчетности)

севооборотов и более высокую эффективность использования земельных ресурсов [4, с. 148–150].

Фактором, оказывающим негативное влияние на плодородие почв, является водная и ветровая эрозия почв. По оценкам ученых, в целом по стране на четверти площадей пашни водная эрозия привела к уменьшению от 10 до 30 % плодородия, а на 10 % пашни – до 30–50 %. К сожалению, ежегодно площадь земель, подверженных эрозии, возрастает на 400–500 тыс. га. В результате недобор продукции достиг 43 млн тонн в зерновом эквиваленте [5, с. 385]. В Республике Башкортостан учеными также зафиксированы снижение запасов гумуса и сокращение глубины гумусового слоя почвы. Ежегодно в республике с каждого гектара теряется до 1,5 тонн гумуса; гумусовый слой за последние два десятилетия уменьшился в среднем на 5 см. Для формирования 1 см плодородного слоя земли необходимо более 100 лет, т. е. буквально за 20 лет человеком было уничтожено то, что создавалось природой более 500 лет [6, с. 121–122]. Если не принять серьезных, действенных мер для сохранения плодородия почв, в самом бли-

жайшем будущем мы можем столкнуться с серьезными экономическими проблемами в агропромышленном комплексе и даже потерей продовольственной безопасности.

Предлагаются различные пути решения данной проблемы (рис. 2).

Основным направлением здесь является соблюдение научно обоснованной системы земледелия с учетом почвенно-климатических условий каждого региона. В первую очередь это совершенствование севооборотов путем включения бобовых и сидеральных культур, которое должно стать повсеместным [7, с. 475]; во-вторых, новые, усовершенствованные методы выращивания и уборки сельскохозяйственных культур, например, внедрение так называемых бинарных посевов – посев подсолнечника с бобовыми культурами [8, с. 29]. Уже доказала свою эффективность технология No-till [8, с. 30; 9, с. 90]. В последние годы возрос интерес к органическому земледелию. Оно предполагает не только производство экологически чистой продукции, но и бережное отношение к земле, обеспечивающее сохранение ее плодородия без применения минеральных удобрений и химикатов [10,

Рис. 2. Пути сохранения плодородия сельскохозяйственных земель

с. 7; 11, с. 143]. В качестве экономического рычага стимулирования бережного отношения к земельным ресурсам некоторые ученые предлагают введение единого земельного налога для крестьянских (фермерских) хозяйств взамен налогов на труд и капитал [12, с. 260].

Эффективное внедрение указанных мер в деятельность сельскохозяйственных предприятий не может быть одномоментным, оно требует планомерного и взвешенного подхода, определения возможностей и ограничений в каждом конкретном предприятии. И здесь необходимо планирование деятельности с учетом требований стандарта экологического менеджмента ГОСТ Р ИСО 14001-2016 [13, с. 379]. Сохранение плодородия почв – задача государственного уровня, поэтому немаловажное значение здесь имеет и финансовая поддержка сельскохо-

зяйственных товаропроизводителей, обеспечивающих воспроизводство плодородия земель, со стороны государства [14, с. 176].

Заключение

Таким образом, проблема сохранения плодородия почв была и остается одной из серьезных задач, стоящих как перед отдельными сельскохозяйственными организациями и фермерскими хозяйствами, так и перед государством. Решение этой задачи возможно только комплексом мер на всех уровнях экономики: начиная от внедрения научно обоснованных агротехнических и агротехнологических мер, заканчивая совершенствованием правового регулирования использования земель сельскохозяйственного назначения и государственной поддержки товаропроизводителей, обеспечивающих бережное и эффективное использование земли.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Веремейчик Л. А., Чернушевич Г. А. Инновационные решения сохранения почвенного плодородия для обеспечения безопасности жизнедеятельности : сборник научных трудов. Горки : Белорусская государственная сельскохозяйственная академия, 2023. С. 64–68.
2. Землеустройство, оценка качества и эффективность использования деградированных земель: экономический и экологический аспекты : монография / М. П. Шубич, С. И. Носов, Б. Е. Бондарев и др. М. : ООО «Мегаполис», 2019. 422 с.
3. Колосов Г. Факторы и критерии экономической эффективности использования пахотных земель // Аграрная экономика. 2017. № 2 (261). С. 44–49.
4. Гусманов Р. У. Эффективность использования земель сельскохозяйственного назначения. Уфа : Уфимский полиграфкомбинат. 2012. 183 с.

5. Использование, сохранение земель и плодородия почв – дело государственное (к 75-летию Государственного плана преобразования природы) / И. А. Трофимов, Л. С. Трофимова, Е. П. Яковлева [и др.] // Жизнь Земли. 2023. Т. 45. № 3. С. 379–388.
6. Сафин Х. М., Хазиев Ф. Х., Ишбулатов М. Г. Устойчивость аграрного производства возможна только при сохранении плодородия земель // Уфимский гуманитарный научный форум. 2020. № 1 (1). С. 119–125.
7. Козлова Л. М., Носкова Е. Н., Попов Ф. А. Совершенствование севооборотов для сохранения плодородия почвы и увеличения их продуктивности в условиях биологической интенсификации // Аграрная наука Евро-Северо-Востока. 2019. Т. 20. № 5. С. 467–477.
8. Зеленская Г. М., Зеленский Н. А. Роль бинарных посевов в накоплении влаги и сохранении плодородия почвы // Вестник Донского государственного аграрного университета. 2023. № 1 (47). С. 28–36.
9. Мошкин И. В., Шуркин А. Ю., Бабак Ю. В. Экономика сохранения плодородия почвы и развития агробизнеса // АПК News. 2018. № 11. С. 88–91.
10. Поддержание и сохранение почвенного плодородия в условиях органического земледелия / И. Я. Пигорев, Н. В. Беседин, И. В. Ишков, В. В. Грудинкина // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2018. № 9. С. 7–14.
11. Никитина А. А. Экологическая составляющая при производстве сельскохозяйственной продукции в малых формах хозяйствования на селе // Приоритетные векторы развития промышленности и сельского хозяйства : материалы I Международной научно-практической конференции. Макеевка : Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донбасская аграрная академия». 2018. С. 139–144.
12. Галиев Р. Р. Единый земельный налог – залог устойчивого развития сельских территорий // Никоновские чтения. 2011. № 16. С. 259–261.
13. Фролова О. Н. Планирование и организация системы экологического менеджмента на предприятиях Республики Башкортостан // Аграрная наука в инновационном развитии АПК : материалы Международной научно-практической конференции в рамках XXVI Международной специализированной выставки «Агрокомплекс-2016». Уфа. Том III. Уфа : Башкирский государственный аграрный университет. 2016. С. 377–380.
14. Мухамадиярова А. К., Субхангулов Р. Р. Проблемы законодательства в сфере сельского хозяйства в условиях глобализации рынка // Проблемы и перспективы развития регионов и предприятий в условиях глобализации экономики / Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, Уфимский институт (филиал) Дрезденский технический университет, Словацкий технологический университет, Институт экономики УрО РАН. Том 1. Уфа : Уфимский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова», 2014. С. 173–178.

REFERENCES

1. Veremeychik L. A., Chernushevich G. A. Innovative solutions for the conservation of soil fertility to ensure the safety of life. Collection of scientific papers. Gorki : Belarusian State Agricultural Academy, 2023. P. 64–68. (In Russ.)
2. Land management, assessment of the quality and efficiency of the use of degraded lands: economic and environmental aspects: Monograph / M. P. Shubich, S. I. Nosov, B. E. Bondarev et al. M. : Megapolis LLC, 2019. 422 p. (In Russ.)
3. Kolosov G. Factors and criteria of economic efficiency of arable land use // Agrarian economics. 2017. No. 2 (261). P. 44–49. (In Russ.)
4. Gusmanov R. U. Efficiency of agricultural land use. Ufa : Ufa Polygraph Plant. 2012. 183 p. (In Russ.)
5. The use, conservation of lands and soil fertility is a state matter (to the 75th anniversary of the State Plan for the transformation of nature) / I. A. Trofimov, L. S. Trofimova, E. P. Yakovleva [et al.] // Life of the Earth. 2023. Vol. 45. No. 3. P. 379–388. (In Russ.)
6. Safin H. M., Khaziev F. H., Ishbulatov M. G. Sustainability of agricultural production is possible only with the preservation of land fertility // Ufa Humanitarian Scientific Forum. 2020. No. 1 (1). P. 119–125. (In Russ.)
7. Kozlova L. M., Noskova E. N., Popov F. A. Improving crop rotations to preserve soil fertility and increase their productivity in conditions of biological intensification // Agrarian science of the Euro-North-East. 2019. Vol. 20. No. 5. P. 467–477. (In Russ.)

8. Zelenskaya G. M., Zelensky N. A. The role of binary crops in moisture accumulation and soil fertility preservation // Bulletin of the Don State Agrarian University. 2023. No. 1 (47). P. 28–36. (In Russ.)

9. Moshkin I. V., Shurkin A. Yu., Babak Yu. V. Economics of soil fertility preservation and agribusiness development // APK News. 2018. No. 11. P. 88–91. (In Russ.)

10. Maintenance and preservation of soil fertility in conditions of organic farming / I. Ya. Pigarev, N. V. Besedin, I. V. Ishkov, V. V. Grudinkina // Bulletin of the Kursk State Agricultural Academy. 2018. No. 9. P. 7–14. (In Russ.)

11. Nikitina A. A. The ecological component in the production of agricultural products in small forms of farming in rural areas // Priority vectors of development of industry and agriculture : materials of the I International scientific and practical conference. Makeyevka: State educational institution of higher professional education «Donbass Agrarian Academy». 2018. P. 139–144. (In Russ.)

12. Galiev R. R. Unified land tax – the key to sustainable development of rural areas // Nikon readings. 2011. No. 16. P. 259–261. (In Russ.)

13. Frolova O. N. Planning and organization of the environmental management system at enterprises of the Republic of Bashkortostan // Agrarian science in the innovative development of agriculture : materials of the International scientific and practical conference within the framework of the XXVI International specialized exhibition «Agrocomplex-2016». Ufa. Volume III. Ufa : Bashkir State Agrarian University. 2016. P. 377–380. (In Russ.)

14. Mukhamadiyarova A. K., Subkhangulov R. R. Problems of legislation in the field of agriculture in the context of market globalization // Problems and prospects of development of regions and enterprises in the context of economic globalization / Plekhanov Russian University of Economics, Ufa Institute (branch) Dresden Technical University, Slovak University of Technology, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Volume 1. Ufa : Ufa Institute (branch) of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education «Plekhanov Russian University of Economics», 2014. P. 173–178. (In Russ.)

Информация об авторе:

Тукаева Ф. А. – кандидат экономических наук, доцент.

Information about the author:

Tukayeva F. A. – Candidate of Economy, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 10.08.2024; одобрена после рецензирования 09.09.2024; принята к публикации 27.09.2024.

The article was submitted 10.08.2024; approved after reviewing 09.09.2024; accepted for publication 27.09.2024.

Научная статья
УДК 316.334.2:339.13

Евгений Олегович Кубякин¹, Антон Андреевич Кочкин²

¹ Академия управления МВД России, Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия, tspopz@yandex.ru

² Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия, kochkin@a-kochkin.ru

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУТА РЫНКА В КУЛЬТУРНОМ КОДЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Аннотация. Деятельность людей в целях нахождения путей для удовлетворения своих потребностей привела к созданию различных институтов, одним которых является рынок. В свою очередь, рынок выступает предметом исследования множества наук, в том числе социологии, которая рассматривает его, исходя из нескольких парадигм. С одной стороны, рынок в социологии может изучаться с учетом экономического, политического, исторического контекстов: здесь учитывается и политический режим, и его вариативность, и доминирующая экономическая политика государства. С другой стороны, преимущественно с помощью качественных методов исследования рынок можно рассматриваться как социокультурный феномен: на основе микросоциологических методов исследования, которые отражают семиотический код (уровень абстракции) в рыночной социальной среде, можно эксплицировать различные степени отношений. В результате формирования экономической конъюнктуры института рынка становится видно, что рынок генерирует определенную систему ценностей, понятий и представлений, которые неизбежно интегрируются в общественную реальность индивидов. Кроме того, исключительно экономические отношения, возникающие на рынке, – производство, обмен, купля-продажа – по некоторым причинам транспонируются на уровень межличностных или межгрупповых отношений, выходя за рамки консьюмеристской риторики. В этой связи формируются представления в социуме, где самые простые и незначительные повседневные практики, связанные с продажей, например, рукотворных вещей и предметов, которые, являясь элементами целой традиции и культуры, влияют на деятельность и жизнь социальной группы (или групп) в целом. Примером такого паттерна выступает торг, который не теряет своей актуальности в настоящее время, в том числе когда речь идет о покупке товаров в сети Интернет.

Ключевые слова: социология, рынок, социальное взаимодействие, интеракция, символический интеракционизм, микросоциология, паттерны поведения, культура

Для цитирования: Кубякин Е. О., Кочкин А. А. Некоторые особенности института рынка в культурном коде социальной реальности // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2024. № 3 (19). С. 103–110.

Original article

Evgeny O. Kubyakin¹, Anton A. Kochkin²

¹ Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, tspopz@yandex.ru

² Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia, kochkin@a-kochkin.ru

SOME FEATURES OF THE MARKET INSTITUTION
IN THE CULTURAL CODE OF SOCIAL REALITY

Abstract. The activity of people in order to find ways to meet their needs has led to the creation of various institutions, one of which is the market. In turn, the market is the subject of research in many sciences, including sociology. Sociology considers the market based on several paradigms. On the one hand, the market in sociology can be studied taking into account economic, political, and historical contexts: the political regime, its variability, and the dominant economic policy of the state are taken into account here. On the other hand, mainly with the help of qualitative research methods, the market can be considered as a socio-cultural phenomenon: using microsociological research methods that reflect the semiotic code (the level of abstraction) in a market social environment, it is possible to explicate various degrees of relations. As a result of the formation of the economic conjuncture of the market institution, it becomes clear that the market generates a certain system of values, concepts and ideas that inevitably integrate into the social reality of individuals. In addition, exclusively economic relations arising in the market: production, exchange, purchase and sale - for some reason are transposed to the level of interpersonal or intergroup relations, going beyond consumerist rhetoric. In this regard, ideas are formed in society, where the simplest and most insignificant everyday practices related to the sale, for example, of man-made things and objects that, being elements of an entire tradition and culture, affect the activities and life of a social group (or groups) as a whole. An example of such a pattern is bargaining, which does not lose its relevance at the present time, including when it comes to buying goods on the Internet.

Keyword: sociology, market, social interaction, interaction, symbolic interactionism, microsociology, patterns of behavior, culture

For citation: Kubyakin E. O., Kochkin A. A. Some features of the market institution in the cultural code of social reality // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2024. No. 3 (19). P. 103–110. (In Russ.)

Введение

Для понимания института рынка как значимого социокультурного феномена не требуются, как правило, глубокие познания в области истории экономики. При упоминании слова «рынок» в сознании человека, специально не занимающегося исследованием экономических процессов, предметно не изучающего рыночный механизм или рынок как отдельную экономическую категорию, скорее всего, возникают образы торговых рядов, представляющих разнообразную продукцию – от книг до полуфабрикатов, или в ретроспективе – образы большой ярмарки с определенным этническим колоритом, как в одном из известных романов П. Зюскинда [1, с. 6–7]. Это свидетельствует о том, что нерелексивно представления о рынке в сознании конкретного индивида «обрастают» рядом культурных и кросскультурных мотивов, редуцируясь в один мультикультурный феномен, имеющий крайне простые, но универсальные грани (территория рынка, рыночные отношения, наличие потребляемых в пищу продуктов, скопление людей и тому подобное).

В этой связи центральным предметом исследования в настоящей работе выступает не столько институт рынка, по умолчанию включенный в экономические отношения, сколько те акторы, которые непосредственно участвуют в отношениях, генерируемых в пределах указанного института, и особенности их социальных практик.

Важно отметить, что в настоящей работе рынок рассматривается вне «чисто» экономической парадигмы (насколько это возможно). Иначе говоря, процессы производства, обмена, распределения и потребления; особенности рыночного механизма, преимущества рыночной экономики над другими экономическими системами не затрагиваются. В статье рынок понимается как система социальных отношений, а также субъектов, непосредственно или опосредовано участвующих в указанных взаимодействиях по тем причинам, которые продиктованы культурной организацией социальной деятельности людей, где не последнее место занимают вопросы специфики получения и передачи благ.

Методология

На основании вторичного анализа от-

дельных социологических исследований и за счет полученных эмпирических данных представляется возможным установить особенности некоторых паттернов поведения отдельных типов участников рынка, что позволяет понять социокультурную природу организации рынка.

Однако прежде чем перейти к описанию эмпирической части исследования, следует вкратце обозначить теоретическую основу выбранной темы и показать, как институт рынка воспринимается в зарубежной и отечественной социологии.

В социологическом дискурсе рынка зачастую исследователями акцентируется внимание на экономической природе исследуемого явления. Здесь можно привести достаточно обширный пласт работ, посвященных этой теме, для чего считаем целесообразным обратиться к монографии «Социология рынков: к формированию нового направления» отечественного социолога В. В. Радаева, в которой отражены основные пути изучения экономики рынка, а также его видов в контексте экономической социологии.

«В первую очередь речь идет об американском новом институционализме в социологии, который вырос из теории организаций и позаимствовал многое из новой институциональной экономической теории (Д. Норт, О. Уильямсон). Следует упомянуть также французскую экономическую теорию конвенций (Л. Болтански, Л. Тевено), популярность которой возрастает по обе стороны Атлантики. Идеи старых институционалистов (Т. Веблена, Дж. Коммонса и др.) вызывают лишь исторический интерес. <...> К началу 2000-х гг. сформировался солидный корпус исследований, которые анализируют самые разные рынки. Х. Уайт предложил экономико-социологический вариант теории производственных рынков. Предприняты небезуспешные попытки создания социологии рынка труда (М. Грановеттер, А. Каллеберг, А. Соренсен). Появились интересные исследования фондовых и фьючерсных рынков (М. Аболафия, У. Бейкер), рынка страхования жизни (В. Зелизер), рекламы

(У. Бейкер), биотехнологий (У. Пауэлл). Развивается проблематика международных рынков, не впадающая при этом в абстрактные рассуждения о всеобщей глобализации (Г. Джерефи, А. Мартинелли, Н. Флигстин), компаративные исследования рынков в разных странах (Н. Биггарт, Р. Дор)» [2, с. 7, 9–10].

Нельзя не сказать о том, что институт рынка рассматривался последовательно по мере развития социологической мысли. Основы социологии рынка сформировали такие исследователи, как Макс Вебер [3], Георг Зиммель [4], Эмиль Дюркгейм [5], Питирим Сорокин [6] и другие ученые. Здесь следует отдельно уделить внимание работе М. Вебера «Город» [7].

В своем труде немецкий социолог проводит комплексный (экономический, политический, социальный) анализ города, учитывая исторические особенности формирования античного и средневекового городов (реже Вебер обращается к городу Нового времени). По поводу рынка М. Вебер говорит, что за этой хозяйственной сферой осуществлялся постоянно полицейский контроль, потому что власти – как самого города, так и отдельного государства в целом – были заинтересованы в контроле, поскольку рынок зачастую выступал ареной политической борьбы (как на государственном, так и на международном уровнях). «В области ремесел и промыслов общий контроль над качеством товаров осуществляла полиция, отчасти ради доброго имени города, то есть в интересах экспорта товаров, отчасти же в интересах городских потребителей» [7, с. 189]. Кроме того, Вебер показывает, что рыночный контроль городом является инструментом проведения монополии, что справедливо не только для организации экономического пространства, но и для социокультурного в частности. Вообще пример «Города» Вебера показывает, что экономический контекст, в котором обычно рассматривается рынок, по своей сути зиждется на исторической, социальной и культурной основе, а последнее инкорпорируется в отдельный капитал, становясь центральным

элементом, инвестирование в который помогает реконвертировать иные виды капиталов, выражаясь языком Бурдьё [8].

Переходя к эмпирической части настоящей работы, отметим, что полевые исследования проводились в течение трех месяцев (декабрь 2023 года – начало марта 2024 года) в городе Краснодар на оптовом, «Восточном», книжном рынках, на торговом рынке в районе микрорайона «Витаминкомбинат», а также на отдельных территориях, которые занимают меньшую по площади территорию, но некоторой частью горожан (в частности, проживающими вблизи таких территорий) определяются в качестве «местного» рынка. К таким территориям, которые были исследованы, относятся: торговые ряды в микрорайоне «Комсомольский» и «Молодежный», несколько торговых «точек», расположенных в районе ул. 1 Мая, ул. 40-летия Победы и ул. Восточно-Кругликовская. Путем наблюдения и индуктивного анализа изучены различные типы возникающих на рынке паттернов социальных отношений с акцентом на субъектов, участвующих в такого рода взаимодействиях. Особое внимание исследователей привлекли контекстуальные особенности торгового процесса.

Подчеркнем, что спецификой данного исследования рынка как социокультурного феномена и социального института является то, что в качестве методологических парадигм, помогающих интерпретировать результаты наблюдения, выступали такие направления, как символический интеракционизм [9; 10], фрейм-анализ [11; 12; 13] и этнометодология [14]. Полагаем, что целесообразно подробно останавливаться на особенностях каждой из указанных социологических школ, а необходимо перейти к описанию полученных результатов.

Результаты

Неудивительно, что для работников рынка, мелких предпринимателей, посредников, продавцов одной из самых актуальных задач является получение прибыли. Другое дело – каким образом ее получать. Нередко случается так, что продавцы при-

бегают к, условно говоря, «бесхитростной хитрости». Вообще это является довольно распространенным приемом: продавцы под предлогом выгоды для клиента создают выгоду для себя. Например, когда речь заходит про так называемые мегаскидки, мегаакции и прочие уловки, которые по сути своей являются профанациями, то, наверное, многие покупатели понимают, что здесь продавцом заложен очередной «трюк», поскольку себестоимость товара, который планирует покупатель приобрести, сравнительно небольшая, поэтому даже с учетом скидки товар несколько раз может себя окупить. Но что это значит в социокультурном контексте?

Это, как показывает наблюдение, значит, что пространство рынка, которое может включать в себя и магазины (в привычном для многих виде, что атрибутируется за счет зданий), представляет собой некое место борьбы интересов. Стоит отдельно указать на то, что человек, попадая в это пространство (в целях поиска средств для удовлетворения своих потребностей), неизбежно делает определенную «ставку»: он иногда подвергает себя намеренному обману, рассчитывая на то, что он не обманется и тем самым получит то, что ему необходимо по определенной цене. Таким образом, социальная ситуация, формирующаяся на рынке, транспонируется, превращаясь в нечто, напоминающее интеллектуальный поединок с целью получения выгоды (в этом и суть транспонированности, то есть иного уровня абстракции, метафоры).

С позиции продавца это может выглядеть следующим образом: он занимается тем, что получает денежные средства (выгоду), выдавая какой-то товар за сверхвыгодный потенциальному покупателю, который, возможно, и понимает, что его намеренно пытаются ввести в заблуждение, но при этом сам потенциальный покупатель начинает осуществлять обратную операцию, пользуясь методом самого продавца (торгом), несколько обесценивая определенный товар.

Проблема в том, что и первый участник отношений (потенциальный покупатель), и второй (продавец) старается заполнить

некую прибыль, но каждый при этом, что вполне естественно, хочет это сделать с минимальными для себя затратами и получить как можно больше благ (в том числе и в материальном эквиваленте). Особенность этого процесса заключается в том, что это становится некой константой рынка как места обмена благами, а сам обмен осуществляется посредством интеллектуальной «дуэли», что и культивирует ценность данного блага. Причем торг не менее ценен, чем товар, потому что если один из участников торга, будет в конечном счете обманут, то его затраты (или упущенная выгода) превысят ценность полученного блага. Очевидно, что такая ситуация неизбежна, поскольку равноценный обмен по своей природе является оксюмороном, так как релевантность какой-то вещи для бенефициара инкорпорируется после акта передачи. Это не означает, что в руках другого субъекта определенная вещь не представляет интереса для того, кто ее хочет получить: товар сам по себе, если не учитывать заведомо невыгодные условия, побудившие продавца расстаться с вещью, менее интересен продавцу, чем то, что может предложить потенциальный покупатель, если последний соглашается с общими условиями покупки.

Примечательно, что такого рода рыночная организация деятельности породила немало сакраментальных образов в кинематографе как в одной из плоскостей социокультурного дискурса. Достаточно вспомнить первый эпизод кино-франшизы «Звездные войны», где два джедая, оказавшихся на одном из рынков планеты Татуин, наблюдают, как тойдарианец Уотто пытается продавать свои товары. Образ этого инопланетянина выступает карикатурой на продавцов, постоянно думающих о выгоде. Интересно следующее: чтобы помочь Энакину освободиться от рабства, джедаи пытаются применить некие мистические способности, однако им не удается убедить Уотто.

Что показывает этот пример? Во-первых, эта ситуация, постоянно разворачивающаяся на рынке, находится в мировом культурном коде и репрезентируется в мас-

совой культуре. Во-вторых, данная картина указывает на то многообразие рыночных форм, в которых может разворачиваться описанная рыночная социальная ситуация (проще говоря, даже на другой планете торг важен при построении паттернов рыночных отношений, хотя очевидно, что речь идет про вымышленную вселенную). В-третьих, экономическая конъюнктура наблюдаемой интеракции, связанная с обоюдным желанием получить выгоду, транспонируется, становясь универсальным социокультурным явлением, потому что в этих отношениях выявляется как чисто социальный аспект (например, интеракция или фреймирование ситуации в целом), так и культурный, поскольку такая практика является основополагающей для определенной традиции, связанной с организацией быта рынка, повседневной активности и, в конце концов, особенностей получения денежных средств.

Может показаться, что третий компонент выражен неявно и выглядит несколько эклектично, поэтому и вызывает недоверие. Но тогда можно просто представить себе, что те люди, которые продают цветы в теплое время года, перестанут осуществлять свою деятельность в связи с повышенной активностью правоприменительной практики сотрудников силовых ведомств или изменениями в законодательстве. Как это может повлиять на социокультурный контекст? Как минимум, какая-то часть населения начнет испытывать реальные жизненные трудности, связанные с тем, что привычная работа из области, откровенно говоря, полуправильной перейдет в запрещенную, потому что теперь такой труд потребует познания в юриспруденции, систематических посещений государственных учреждений и составления многочисленных документов. Человек, который продавал, например, полевые цветы, вряд ли сможет осуществить подобные действия самостоятельно. Скорее всего, решение некоторых юридических вопросов потребует от индивида дополнительных денежных затрат на налоговые отчисления за занятие предпринимательской деятельностью. Но откуда взять средства, если источ-

ник заработка в данной вымышленной ситуации купирруется государством?

Такого рода тенденции указывают на то, что определенная деятельность, которая на первый взгляд является чем-то незначительным, для определенной категории граждан в конечном итоге выступает жизненно важным предприятием, от которого могут зависеть существенные аспекты повседневности. Это свидетельствует о том, что даже такое незначительное предприятие, как продажа тюльпанов на пересечении улиц Красная и Карасунская города Краснодара в выходной или праздничный день есть часть не только городской культуры (то есть, культуры города Краснодара), но, вероятно, и культуры городов вообще [15].

При этом если исходить из положений теоретико-эмпирической парадигмы Г. Блумера [9], то можно понять, что объектами социальной реальности является все то, на что человек «может указать». Г. Блумер дает классификацию данных предметов (объектов), подразделяя их на материальные, абстрактные и социальные [9]. Но здесь же можно заметить, что данная классификация подлежит расширенному толкованию, поскольку в каждую категорию таких объектов может входить большое множество разнообразных предметов, относящихся к одному классу объектов.

Заметим, что речь идет о символическом интеракционизме, в котором человек (интеракция между людьми) есть тот главный детерминант, который нивелирует все прочие факторы и квазидетерминанты (например, суперэго), когда его (человека) «Я» в процессе взаимодействия устанавливает некие нормы и для себя, и для поведения других индивидов, которые коммуницируют с этим человеком. Поэтому цветы и их продажа – это не просто способы получения прибыли, но элементы конъюнктуры, организующей повседневность определенной категории населения города.

Заключение

В итоге следует сказать о том, что рынок в социологии может быть понят в двух аспектах: в экономическом и социокультурном. При этом в ходе исследования рынка стоит учитывать, что данный институт не целесообразно рассматривать как исключительно экономическое явление или только как элемент культуры, который имеет свои культурно-исторические особенности в зависимости, например, от региона.

В очередной раз отметим, что когда речь идет о рынке в контексте экономической социологии и социологии культуры, то важно понять, что это есть те прямые, которые пересекаются, поскольку указанные аспекты рынка дополняют друг друга, что было проиллюстрировано в основной части исследования на примере торгового предприятия, которое выступает в качестве несколько устаревшего экономического инструмента получения прибыли продавцом, но и для потенциального покупателя торг не теряет актуальности, так как позволяет ему быть уверенным в ценности приобретаемого им товара. Подтверждением того, что интеллектуальная борьба, репрезентируемая в торговле, не теряет своей значимости, являются результаты наблюдений за социальными паттернами, сложившимися на территории различных рынков города Краснодара.

Полагаем, что торг как социокультурное явление продолжает существовать также и в киберпространстве на различных маркетплейсах, поскольку те же практики, которые традиционно призваны несколько изменить восприятие потенциального покупателя, работают и в сети Интернет (например, манипуляция ценами в контексте постоянных скидок). Таким образом, можно сказать, что человек имплицитно вступает в торг, выбирая товар на определенном маркетплейсе, не всегда подозревая об этом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зюскинд П. Парфюмер. История одного убийцы. СПб. : Азбука 2018. 320 с.

2. Радаев В.В. Социология рынков: к формированию нового направления. М. : ГУ ВШЭ, 2003. 328 с. ISBN 5-7598-0246-1.
3. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Общности. / пер. с нем., под ред. Л. Г. Ионина. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2017. 432 с. ISBN 978-5-7598-1514-3.
4. Зиммель Г. Философия денег / перевод с немецкого, примечания А. Ф. Филиппова; предисловие Г. Зиммель // Теория общества: Фундаментальные проблемы. 1999. С. 309–383. Перевод по изданию : Georg Simmel. Philosophie des Geldes. Zweite, vermehrte Auflage. Leipzig : Verlag von Duncker und Humblot, 1907. S.III-IX, 3-61.
5. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии // пер. с фр. и послесловие Л. Б. Гофмана. М. : Наука, 1990. 575 с. (Социологическое наследие) ISBN 5-02-013399-X.
6. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М. : Политиздат, 1992. 543 с.
7. Вебер М. Город / пер. с нем. М. : Strelka Press, 2018. 252 с.
8. Бурдьё П. Социология социального пространства / пер. с франц.; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. М. : Институт экспериментальной социологии; СПб. : Алетейя, 2005. 288 с.
9. Блумер Г. Символический интеракционизм: перспектива и метод /пер. с англ. А. М. Корбута. М. : Элементарные формы, 2017.
10. Горбунова М. Ю. Символический интеракционизм как методологическое основание исследования эмоций в социологии // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2011. № 2.
11. Батыгин Г. С. Континуум фреймов: социологическая теория Ирвинга Гофмана // Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / под ред. Г. С. Батыгина и Л. А. Козловой; вступ. статья Г. С. Батыгина. М. : Институт социологии РАН, Институт Фонда «Общественное мнение», 2003.
12. Вахштайн В. С. Социология повседневности и теория фреймов. СПб. : Изд-во Европейского университета, 2011. 334 с.
13. Гусельникова О. В. Терминологический аппарат структуры фрейма // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2010. № 9. С. 137–149.
14. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. СПб. : Питер, 2007. 334 с.
15. Амин Э., Трифт Н. Города: переосмысляя городское / пер. с англ. В. Николаева. Нижний Новгород : Красная ласточка, 2017. 224 с. (Городские исследования).

REFERENCES:

1. Suskind P. Perfumer. The story of a murderer. SPb. : ABC. 2018. 320 p. (In Russ.)
2. Radaev V. V. Sociology of markets: towards the formation of a new direction. M. : Higher School of Economics, 2003. 328 p. ISBN 5-7598-0246-1. (In Russ.)
3. Weber M. Economy and society: essays of an understanding sociology. Commonalities. / Translated from German. edited by L. G. Ionin. M. : Publishing House of the Higher School of Economics, 2017. 432 p. ISBN 978-5-7598-1514-3. (In Russ.)
4. Simmel G. Philosophy of Money / Simmel Georg; Simmel Georg; translated from German, notes by A. F. Filippov; preface by G. Simmel // Theory of society: Fundamental problems. 1999. P. 309–383. Translated by Georg Simmel. Philosophie des Geldes. Zweite, vermehrte Auflage. Leipzig: Verlag von Duncker und Humblot, 1907. S.III-IX, 3-61. (In Russ.)
5. Durkheim E. On the division of social labor. The method of sociology / translated from the French and afterword by L.B. Hoffman. M. : Nauka, 1990. 575 p. (Sociological heritage). ISBN 5-02-013399. (In Russ.)
6. Sorokin P. A. Is A Man. Civilization. Society. M. : Politizdat, 1992. 543 p. (In Russ.)
7. Weber M. Gorod / Translated from German. M. : Strelka Press, 2018. 252 p. (In Russ.)
8. Bourdieu P. Sociology of social space / trans. from French; Ed. Translated by N.A. Shmatko. M. : Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aleteya, 2005. 288 p. (In Russ.)
9. Bloomer G. Symbolic interactionism: perspective and method. Translated from English by A. M. Korbut. M. : Elementary Forms, 2017. (In Russ.)
10. Gorbunova M. Y. Symbolic interactionism as a methodological basis for the study of emotions in sociology // Izvestia of Saratov University. New series. Sociology series. Political science. 2011. No. 2. (In Russ.)

11. Batygin G. S. Continuum of frames: the sociological theory of Irving Hoffman // Hoffman I. Frame analysis: an essay on the organization of everyday experience / edited by G. S. Batygin and L. A. Kozlova; introduction. article by G. S. Batygin. М. : Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Institute of the Public Opinion Foundation, 2003. (In Russ.)

12. Vakhstein V. S. Sociology of everyday life and the theory of frames. St. Petersburg : Publishing House of the European University, 2011. 334 p. (In Russ.)

13. Guselnikova O.V. Terminological apparatus of the frame structure // Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University. 2010. No. 9. P. 137–149. (In Russ.)

14. Garfinkel G. Studies in ethnomethodology. St. Petersburg: Peter, 2007. 334 p. (In Russ.)

15. Amin E., Trift N. Cities: rethinking the urban / translated from English by V. Nikolaev. Nizhny Novgorod : Krasnaya Lastochka, 2017. 224 p. (Urban studies). (In Russ.)

Информация об авторах:

Кубякин Е. О. – доктор социологических наук, доцент;

Кочкин А. А. – без ученой степени.

Information about the authors:

Kubyakin E. O. – Doctor of Sociology, Associate Professor;

Kochkin A. A. – no academic degree.

Статья поступила в редакцию 22.03.2024; одобрена после рецензирования 10.09.2024; принята к публикации 27.09.2024.

The article was submitted 22.03.2024; approved after reviewing 10.09.2024; accepted for publication 27.09.2024.

Научно-теоретическая статья
УДК 316.64:327

Сергей Борисович Горбачев
*Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия, gorbachevsb@mail.ru*

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ СОВРЕМЕННОГО ЗАПАДНОГО МИФОТВОРЧЕСТВА

Аннотация. Статья посвящена анализу современного западного мифотворчества. В XX веке с развитием СМИ и коммуникаций, с вынужденными уступками массам по все большему их вовлечению в общественную жизнь для западной элиты стало очевидно, что наиболее эффективным механизмом управления становится манипуляция общественным сознанием, ядром которой является создание и распространение мифов. Главной специфической чертой современного западного мифотворчества является развитие мифологического мышления у самого его инициатора – элиты. Как негативное последствие – все чаще западная элита проявляет неспособность адекватно оценивать реальность, руководствуется в своих действиях искусственно созданными мифологемами.

Ключевые слова: миф, мифотворчество, Запад, элиты, массы, общественное сознание, цивилизация

Для цитирования: Горбачев С. Б. О некоторых аспектах современного западного мифотворчества // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2024. № 3 (19). С. 111–116.

Original article

Sergey B. Gorbachev
*Ufa University of Science and Technology, Ufa,
Russia, gorbachevsb@mail.ru*

ABOUT SOME ASPECTS OF MODERN WESTERN MYTH-MAKING

Abstract. The article is devoted to the analysis of modern Western myth-making. In the 20th century, with the development of media and communications. With forced concessions to the masses as they became increasingly involved in public life, it became obvious to the Western elite that the most effective mechanism of control was the manipulation of public consciousness, the core of which was the creation and dissemination of myths. The main specific feature of modern Western myth-making is the development of mythological thinking among its very initiator – the elite. As a negative consequence, the Western elite is increasingly showing an inability to adequately assess reality and is guided in its actions by artificially created mythologies.

Keywords: myth, myth-making, West, elites, masses, public consciousness, civilization

For citation: Gorbachev S. B. About some aspects of modern Western myth-making // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2024. No. 3 (19). P. 111–116. (In Russ.)

Введение

Как известно, к основным типам мировоззрения обычно относят мифологию, религию, а также философию и науку. В эпоху Просвещения большинство образованных людей придерживалось мнения, что миф как массовое мировоззрение остался далеко в

историческом прошлом, и будущее за рациональным мировоззрением (философско-научным). Уже в XIX веке эта точка зрения подверглась критике со стороны философского иррационализма. Наиболее выдающиеся его представители Артур Шопенгауэр и Фридрих Ницше замечали, что, во-первых,

идеал науки (объективное знание, истина) недостижим, а во-вторых, массы нуждаются не в поиске истины, а в устраивающем их мифе, внутри которого комфортно жить [1; 2].

Не затрагивая первого утверждения, сосредоточимся на втором. В XX веке с развитием СМИ и коммуникаций, с вынужденными уступками массам по все большему их вовлечению в общественную жизнь для западной элиты стало очевидно, что наиболее эффективным механизмом управления становится манипуляция общественным сознанием, ядром которой является создание и распространение мифов. Многие черты современной мифологии сходны с архаичной. Эти черты можно свести к понятию синкретичности. Как и архаический, современный миф синкретичен, т. е. алогичен, не системен, противоречив. Однако есть и специфика – современные мифы изначально телеологичны, создаются искусственно профессионалами интеллектуальной сферы, распространяются в массах с помощью СМИ и коммуникационных сетей и преследуют вполне определенные цели.

Методы

Основу методологии данного исследования составляют социокультурный [3; 4; 5] и исторический подходы, поскольку процесс мифотворчества анализируется прежде всего в социокультурном плане, в исторической динамике. Также используется цивилизационный подход [6; 7; 8].

Результаты

Здесь мы обратимся к западному мифотворчеству по следующим причинам. Во-первых, именно в Западной цивилизации манипуляция массовым сознанием носит всеобъемлющий характер и практикуется гораздо шире, чем в любой другой. Манипулировать «западоидом», если использовать терминологию А. Зиновьева [9], гораздо легче, поскольку он ярко выраженный экстраверт. Все его устремления направлены во внешний мир, внутренний практически от него скрыт, и благодаря преимущественно информативному характеру европейских языков не имеется эффективного инстру-

ментария для рефлексии, которая позволила бы «отстроиться» от манипуляции. Кстати, своеобразным антиподом является представитель Индийской цивилизации как ярко выраженный интроверт, постоянно погруженный в рефлекссию (чем в т. ч. и объясняется традиционно низкая эффективность политической власти в Индии).

Во-вторых, большая часть мифов, создаваемых Западом, так или иначе оказывает значительное влияние и на остальной мир хотя бы тем, что легитимизирует в глазах западного общества (и вестернизированных незападных групп населения) те или иные внешнеполитические решения их элит.

Несомненно, лидирующую роль в современном западном мифотворчестве играют США. Большая часть западных СМИ и коммуникационных сетей контролируются американской элитой, сами же Соединенные Штаты имеют богатую мифологическую историю. В основаниях американской мифологии лежат три главных идеологемы, что отмечал еще Э. Я. Баталов [10, с. 42]: представление об Америке как о «райской земле», мифы об «американской исключительности» и «особой миссии» Америки.

Переселенцы из Европы отправлялись в XVII–XVIII веках в Америку, исходя не только из материальных соображений. В течение столетий в Европе жила идея, что Новый Мир может быть идеальным, раем на Земле, который предназначен европейцам самим Богом. Большинство первопоселенцев в Новой Англии были людьми очень набожными, многие из них в самой Англии претерпели религиозные гонения как представители не англиканской протестантской церкви, поэтому они проводили прямую аналогию с израильтянами, вышедшими из египетского плена и достигшими «земли обетованной». Эта идея, что США (или шире – Запад) есть рай на Земле, живет в общественном сознании «западоидов» и сейчас (можно в этой связи вспомнить нашумевшее высказывание главы европейской дипломатии Ж. Бореля о европейском «цветущем саде», который окружают «дикие джунгли»), оказывая

огромное влияние на современное западное мифотворчество.

Сама по себе идея исключительности не несет в себе ничего негативного. Это означает, что данная страна или народ имеют какие-то исключительные черты, что в принципе не противоречит действительности. Но в мифе об «американской исключительности» США представляются не просто как уникальное образование, но как «град на холме», возвышающийся над остальным миром. В русле данного мифа утверждается, что американская политическая система – самая совершенная, цели – самые благородные, идеалы – самые гуманные, американская нация – богоизбранная. Отметим, если последнее утверждение о «богоизбранности» в конце XX века не особо афишировалось, то с приходом к власти Дж. Буша-младшего оно вновь вошло в лексикон американского политического класса.

Из всего вышеизложенного логично выводится идея особой миссии США. Ведь если эта страна – рай на Земле, исключительная по своим положительным качествам, американцы – «богоизбранная» нация, то их моральный долг – вести за собой человечество, даже и против его воли. Причем многие американцы искренне верят, что оказывают огромное благо всем, в т. ч. навязывая свою политику тем, кто сопротивляется, потому что лучше их знают, что им на самом деле нужно. Для эффективного выполнения своей миссии США должны являться мировым лидером. И здесь отметим, что эта задача может реализовываться двумя способами: усилением собственной мощи или ослаблением своих контрагентов. На протяжении нескольких десятилетий акцент делался на первом (сразу после Второй мировой войны валовой национальный продукт США составлял около 50 % мирового). Но сейчас, в XXI веке, с усилением таких акторов, как Россия, Китай, Индия и других стран (прежде всего глобального Юга), США все больше обращаются ко второму сценарию – вводят незаконные санкции, инициируют и поддерживают локальные военные конфликты и т. п.

Миф о безграничном экономическом могуществе Запада и его безальтернативности культивировался и распространялся столетиями, и некоторое время он подкреплялся реалиями. Принято считать, что Запад начинает доминировать в мире с эпохи Великих географических открытий, чуть ли не с XV века. Однако в экономическом плане (по объему ВВП) Китай не уступал Западу, к тому же его экономика отличалась высокой степенью автаркии, что всегда дает суверенные преимущества [11]. Когда европейцы начали освоение Китая в XIX веке, то столкнулись с необычной ситуацией – они практически не могли ему предложить ничего привлекательного в торговле, а китайское правительство серьезно ограничило проникновение европейцев в страну. Поэтому европейцы стали создавать у местного населения искусственные потребности, торгуя наркотиками, что в итоге обернулось «опиумными войнами», в которых Китай потерпел поражение и, по сути, подпал под протекторат иноземных держав. С этого времени действительно Запад обрел контроль над экономикой мира. Однако, как было отмечено выше, сейчас этот контроль слабеет, и незападные акторы обращаются к другим альтернативам – постепенному отказу от доллара во взаиморасчетах, развитию собственных платежных систем, усилению экономических связей вне Запада (например, БРИКС – тому подтверждение).

Культивирующийся длительное время западный миф об интеллектуальной собственности сопровождается пренебрежением к таковой, когда речь идет о других цивилизациях. В этой связи можно вспомнить о масштабном промышленном шпионаже или о практиках, имеющих некое подобие законности, например, о деятельности фонда Сороса в незападных странах, когда за бесценок отчуждалась интеллектуальная собственность у ее авторов. Однако этот вопрос носит фундаментальный характер, поскольку относится к истокам Западной цивилизации (или во всяком случае к ее лидерству в мире). Еще Ф. Бэкон указывал, что возвышение Запада было бы невозможным без трех

открытий: компаса, пороха, бумаги и книгопечатания. Все они были сделаны в Китае, и Западная цивилизация никогда даже не ставила вопрос о какой-либо компенсации присвоения чужой интеллектуальной собственности. Поэтому теперь, когда Запад обвиняет Китай в краже интеллектуальной собственности (прежде всего технологий), было бы логично считать, что с точки зрения самого Китая это не более чем компенсация.

Один из наиболее известных актов современного западного мифотворчества – создание мифа о наличии в Ираке оружия массового поражения. Его сформировали западные политические и интеллектуальные элиты в конце XX – начале XXI века, по сути не имея под ним фактологического базиса, поскольку многочисленные проверки разных международных структур (Международное агентство по атомной энергии, Организация по запрещению химического оружия и т. п.) на территории Ирака его не выявили (забегая вперед, отметим, что и сами американцы уже после оккупации Ирака тоже его не нашли). Кульминационным моментом этого мифотворчества стало известное выступление государственного секретаря США Колина Пауэла в Совете Безопасности Организации Объединенных Наций с демонстрацией пробирки, содержащей, как он утверждал, некое оружие массового поражения, доставленного из Ирака. «Западоиды» в это поверили, поскольку легко подвергаются манипуляции по причинам, указанным выше, а также потому, что это отвечало специфическому критерию истины, сформулированному в русле англосаксонской философской традиции – прагматизму («истинно то, что полезно»). Для США, Великобритании и их союзников данное утверждение было полезно, поскольку давало повод для военного вторжения и получения контроля над стратегически важным регионом, а значит, оно было истинно. В дальнейшем, когда уже сами оккупационные силы не нашли в Ираке оружия массового поражения, для многих рядовых американцев это стало культурологическим шоком, поскольку их критерий истины дал сбой. Впрочем, этот шок быстро

прошел благодаря особому восприятию времени (реально только настоящее), о чем мы упоминали в другом исследовании [12; 13].

В случае с Колином Пауэллом абстрагироваться от манипуляции можно было, не погружаясь глубоко в рефлексию и не прибегая к методам герменевтики. Достаточно было обратиться к элементарному здравому смыслу и логике. Носить при себе пробирку с опасным веществом, не прибегая к специальным мерам защиты, может только самоубийца. Приносить ее в Совет Безопасности Организации Объединенных Наций может только террорист-смертник (это аналогично демонстрации ядерной бомбы – и то, и другое является оружием массового поражения). Вся предыдущая биография Колина Пауэлла свидетельствовала, что он не склонен к суициду, и если при желании действия террористического характера в его прошлом можно найти (учитывая его военную службу, в т. ч. войну во Вьетнаме), то это в любом случае не действия террориста-смертника. Отсюда логичный вывод – оснований для его утверждений в реальности нет и они не более чем элемент мифотворчества.

Заключение

Можно отметить одну неблагоприятную для США и для Запада в целом тенденцию. Если раньше большая часть политического класса (яркий пример – Генри Киссенджер) использовала все эти мифы как инструмент, то теперь сама начинает в них верить. Так, политики типа Дж. Буша-младшего искренне верят, что геостратегия США на Ближнем Востоке привела не только к реализации их интересов (кстати, вопрос об эффективности этой стратегии достаточно спорный), но и к благу для народов Ирака, Афганистана, Ливии, ведь от «кровавых тоталитарных режимов» они перешли к «демократии и процветанию» (что полностью не соответствует действительности).

Почему эта тенденция неблагоприятна? А. Дж. Тойнби [14; 15] полагал, что развитие цивилизации происходит благодаря усилиям «творческого меньшинства», элиты, которая импульсивно воздействует на массы благодаря механизму мимесиса (подражания).

Массы подражают элитам и таким образом приобщаются к творчеству. Применительно к нашей проблематике – элиты создают мифы, в которые верит большинство. Оговоримся, что не считая идеи А. Дж. Тойнби универсальными, все же для Западной цивилизации они выглядят вполне убедительными. Творчество всегда инициативно и оригинально, подражание есть не более чем имитация творчества. Первая фаза надлома цивилизации наступает, когда элита становится жертвой мимесиса: она пытается под-

ражать себе самой, т. е. верит в собственную мифологию.

Подводя итоги, сделаем вывод, что главной специфической чертой современного западного мифотворчества является развитие мифологического мышления у самого его инициатора – элиты. Как негативное последствие – все чаще западная элита проявляет неспособность адекватно оценивать реальность, руководствуется в своих действиях искусственно созданными мифологемами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. М. : РИПОЛ классик, 2020. 616 с.
2. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое: Сочинения в 2 т. Т. 1. М. : Мысль, 1990. 829 с.
3. Колесин И. Д. Подходы к изучению социокультурных процессов // Социс. 1999. № 1. С. 130–136.
4. Лапин Н. И. Пути России: социокультурные трансформации. М. : Институт философии РАН, 2000. 191 с.
5. Лапин Н. И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // Социс. 2000. № 7. С. 3–12.
6. Данилевский Н. Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М. : Эксмо, 2003. 640 с.
7. Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М. : Институт ДИ-ДИК, 1997. Кн. 1. 512 с., Кн. 2. 541 с.
8. Шпенглер О. Закат Европы: очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы. Минск : Попурри, 1999. 720 с.
9. Зиновьев А. А. Запад. М. : Центрполиграф, 2000. 509 с.
10. Баталов Э. Я. Политическая культура современного американского общества. М. : Наука, 1990. 252 с.
11. Горбачев С. Б. К вопросу о необходимости автаркии государства в современных условиях // Евразийский юридический журнал. 2022. № 8 (171). С. 492–494.
12. Горбачев С. Б. О некоторых мировоззренческих подходах к определению внешнеполитической стратегии России в отечественном философском дискурсе // Евразийский юридический журнал. 2023. № 4 (179). С. 496–497.
13. Горбачев С. Б. Реализация геостратегии Запада на Ближнем Востоке как политика двойных стандартов // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2021. № 3 (159). С. 187–190.
14. Тойнби А. Д. Цивилизация перед судом истории. М. : АСТ. 2011. 318 с.
15. Тойнби А. Д. Постигание истории. М. : Прогресс, 1991. 731 с.

REFERENCES

1. Schopenhauer A. The world as will and representation. M. : RIPOL classic, 2020. 616 p. (In Russ.)
2. Nietzsche F. Human, too human: Works in 2 volumes. Vol. 1. M. : Mysl', 1990. 829 p. (In Russ.)
3. Kolesin I. D. Approaches to the study of sociocultural processes // Socis. 1999. No. 1. P. 130–136. (In Russ.)
4. Lapin N. I. Paths of Russia: sociocultural transformations. M.: Institute of Philosophy RAS, 2000. 191 p. (In Russ.)
5. Lapin N. I. Sociocultural approach and societal-functional structures // Socis. 2000. No. 7. P. 3–12. (In Russ.)

6. Danilevsky N. Ya. Russia and Europe: A look at the cultural and political relations of the Slavic world to the German-Roman. M. : Eksmo, 2003. 640 p. (In Russ.)
7. Gumilyov L. N. Ancient Rus' and the Great Steppe. M. : Institute DI-DIK, 1997. Book 1. 512 p., Book 2. 541 p. (In Russ.)
8. Spengler O. Decline of Europe: essays on the morphology of world history. Vol. 2. World historical perspectives. Minsk : Popurri, 1999. 720 p. (In Russ.)
9. Zinoviev A. A. West. M. : Tsentrpoligraf, 2000. 509 p. (In Russ.)
10. Batalov E. Ya. Political culture of modern American society. M. : Nauka, 1990. 252 p. (In Russ.)
11. Gorbachev S. B. On the issue of the need for state autarky in modern conditions // Eurasian Legal Journal. 2022. No. 8 (171). P. 492–494. (In Russ.)
12. Gorbachev S. B. On some ideological approaches to determining Russia's foreign policy strategy in domestic philosophical discourse // Eurasian Legal Journal. 2023. No. 4 (179). P. 496–497. (In Russ.)
13. Gorbachev S. B. Implementation of the geostrategy of the West in the Middle East as a policy of double standards // Economics and management: scientific and practical journal. 2021. No. 3 (159). P. 187–190. (In Russ.)
14. Toynbee A. D. Civilization before the court of history. M. : AST. 2011. 318 p. (In Russ.)
15. Toynbee A. D. Comprehension of history. M.: Progress, 1991. 731 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Горбачев С. Б. – кандидат политических наук, доцент.

Information about the author

Gorbachev S. B. – Candidate of Politycy, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 13.06.2024; одобрена после рецензирования 30.08.2024; принята к публикации 27.09.2024.

The article was submitted 13.06.2024; approved after reviewing 30.08.2024; accepted for publication 27.09.2024.

Научная статья
УДК 101.1:316.728(470)

Борис Георгиевич Лукьянов
*Уфимский юридический институт МВД Рос-
сии, Уфа, Россия*

ОРИЕНТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ НА ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация. Проблема понимания представлений о здоровом образе жизни в социальном и философском аспектах является актуальной, так как здоровье – это главная человеческая и общественная ценность. Прежде всего здоровый образ жизни рассматривается как важнейшая составляющая социума, в котором благосостояние возможно только в том случае, когда население понимает и владеет системой здорового образа жизни. В настоящее время существует множество научных исследований, направленных на построение системных моделей здорового образа жизни. Его практическая значимость является одним из актуальных направлений социально-философских исследований. В философском анализе феномена здорового образа жизни являются понятия «реальное – идеальное», «возможное – реальное», «индивидуальное – социальное», «индивидуальное – бессознательное», но если рассматривать с точки зрения социально-философского анализа изучаемого явления прежде всего – это наличие определенного образа жизни как системы действий и процессов.

Ключевые слова: здоровый образ жизни, социальный и философский феномены, материальные и духовные потребности, социальный статус, качество и (или) уровень жизни, социальные группы, общество

Для цитирования: Лукьянов Б. Г. Ориентации населения на здоровый образ жизни: социально-философский анализ // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2024. № 3 (19). С. 117–124.

Original article

Boris G. Lukyanov
*Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs
of Russia, Ufa, Russia*

ORIENTATION OF THE POPULATION TOWARDS A HEALTHY LIFESTYLE: A SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Abstract. The idea of a healthy lifestyle in social and philosophical aspects is extremely necessary, since health has always been the main human and social value. First of all, a healthy lifestyle is considered as the most important component of society, in which well-being is only possible when the population has a healthy lifestyle system. Currently, there are many scientific and behavioral studies aimed at building systemic models of a healthy lifestyle. The practical importance of a healthy lifestyle is one of the most relevant areas of socio-philosophical research. In philosophical analysis, the phenomenon of a healthy lifestyle is the concepts of “real – ideal”, “possible – real”, “individual – social”, “individual – unconscious”, but from the point of view of socio-philosophical analysis of the phenomenon under study, first of all it is the presence of a certain lifestyle.

Keywords: healthy lifestyle, social and philosophical phenomena, material and spiritual needs, social status, quality and (or) standard of living, social groups, society

For citation: Lukyanov B. G. Orientation of the population towards a healthy lifestyle: a socio-philosophical analysis // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2024. No. 3 (19). P. 117–124. (In Russ.)

Введение

Здоровье всегда считалось величайшей человеческой ценностью, и в настоящее время оно интерпретируется как основная социальная ценность, главная часть социума, что является благосостоянием каждого государства. Политическое и экономическое развитие страны, ее благосостояние возможны только при наличии здорового населения [1].

Президент Российской Федерации В. В. Путин 29 февраля 2024 года обратился с Посланием к Федеральному Собранию, в котором он отметил следующее: «За последние годы у нас в разы выросло число граждан, которые регулярно занимаются спортом. Это одно из наших значимых достижений. Нужно поощрять людей, которые ответственно относятся к своему здоровью. Уже со следующего года будем предоставлять налоговые вычеты для всех, кто регулярно на плановой основе проходит диспансеризацию, а также успешно сдает нормативы ГТО. Помните народный лозунг? Каждый помнит эту шутку: «Бросай пить – вставай на лыжи!» Это тот самый случай, когда настал такой момент. Кстати говоря, что касается «пития»: здесь у нас заметный, хороший результат. Реально без всякого экстремизма мы значительно снизили употребление алкоголя, прежде всего, крепкого, и это, безусловно, сказывается на здоровье нации. Предлагаю за счет федеральных ресурсов ежегодно строить в регионах, прежде всего в малых городах, на сельских территориях, дополнительно не менее 350 спортивных объектов. Условия для занятий спортом должны быть в вузах, колледжах, школах и дошкольных учреждениях»¹.

Как отмечают В. В. Афанасьева, Н. Б. Бриленок., И. И. Колисник, «непрерывная практика достижения и поддержания личного и общественного здоровья невозможна, поэтому организация здорового образа жизни граждан объявлена полезной

задачей социального развития в России» [2, с. 62]. В настоящее время здоровье является необходимым условием достижения личных и социальных успехов, будущего каждого гражданина и всей страны. При этом на здоровье человека влияют природные факторы; постоянно возрастающие социальные опасности; нездоровый образ жизни; неудовлетворенность жизненными ценностями, что приводит к сокращению числа здоровых людей [3].

Идея здорового образа жизни в основном рассматривается в широком социально-философском смысле. Универсализация мышления, поведения и научных знаний, присущих современной науке, позволяет определить здоровый образ жизни как сложное явление, включающее в себя духовное, культурное, биологическое, социальное, экономическое содержание². Поэтому последовательный и всесторонний анализ здорового образа жизни возможен только с помощью философских методов и средств, так как они позволяют понять и интегрировать значения элементов жизнедеятельности.

Н. Б. Бриленок в своем диссертационном исследовании отметила, что на фоне важности здорового образа жизни практически нет работ, посвященных его социально-философскому анализу. Большинство исследований здорового образа жизни сосредоточено на отдельных естественных науках, таких как медицина, биология, психология. В указанных науках образ жизни рассматривается лишь в узком смысле как деятельность, направленная на поддержание физического и психологического здоровья человека [4, с. 30].

Среди гуманитарных наук наибольший вклад в изучение здорового образа жизни вносит социология, но при этом она ориентирована в первую очередь на анализ его специфических, количественных характеристик. Практические философские исследования здорового образа жизни, как правило,

¹ Послание Президента Федеральному Собранию // Кремль. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73585> (дата обращения: 24.07.2024).

² Аристотель. Никомахова Этика / пер. Н. Брагинская. М.: ЭКСМО-Пресс, 1997.

посвящены изучению его ценности и значения, изложению определенных практик и норм здорового образа жизни [4].

Все вышеперечисленное объясняет актуальность социально-философского анализа здорового образа жизни, поиска его глубоких философских основ. Для решения этих задач недостаточно конкретных научных и даже междисциплинарных знаний. Это определяет актуальность темы исследования.

Образ жизни или *modus vivendi* – это формы и методы индивидуальной и общественной жизни человека, которые относятся к определенным историческим и социально-экономическим отношениям, характеризующие особенности его поведения, общения, мышления. В социально-философских толкованиях образ жизни – это система действий в жизни человека, включающая условия существования (проживания) личности, общества и социальных групп [5].

Н. Б. Бриленок отмечает: «Понятие социального, среднестатистического образа жизни хотя и дает представление о его системе, элементах и структуре, но не отражает его существенных данных: образ жизни всегда индивидуальный, он всегда относится к определенному человеку, личности, индивиду». Поэтому необходимо говорить не только об образе жизни, но и об индивидуальном образе жизни как совокупности определенных социальных и индивидуальных переживаний человека [6, с. 171]. Образ жизни олицетворяет социальное и личностное взаимодействие, которое является самоопределением в жизни человека.

Устойчивая форма деятельности индивида вокруг себя определяет образ его жизни, который выражается в его убеждениях, инициативности, целях и интересах. Образ жизни человека также можно рассматривать как повседневный образ жизни, определяемый совокупностью социальных, культурных, экономических и профессиональных условий [7].

Следует отметить, что каждый образ жизни имеет свою психологическую составляющую, то есть не соответствует социальным и природным условиям жизни, а

превосходит их. Именно по такому ментальному складу человек выбирает для себя качество жизни, исходя из собственного опыта, полученных знаний, традиций, с учетом возможных социальных и природных условий, собственных целей и интересов. Таким образом, учитывая вышесказанное, мы можем предположить, что все эти элементы, включая физическую активность, влияют на формирование здорового образа жизни [8].

Следовательно, важное место в осуществлении определенного образа жизни занимает личность, «человеческий» компонент, связывающий его с физическими и интеллектуальными особенностями человека, его воспитанием, образованием, мировоззрением, правилами и предпочтениями в жизни.

Образ жизни является категорией социальной; социальный характер раскрывается в том, что он всегда адресован кому-то, то есть имеет принадлежность к «носителю» и «хозяину».

Методы

Методологическую основу работы составляет совокупность методов, традиционных для социальной философии: анализ, синтез, системный и социально-философский подходы, позволяющие проанализировать и систематизировать традиционные и современные философские и социальные представления о здоровом образе жизни, выделить и исследовать его личностные и социальные основания, описать его как совокупную общественную деятельность.

В работе используется также деятельностный подход, дающий возможность описать здоровый образ жизни как определенную деятельность, как совокупность общественных и личных практик.

Поскольку здоровый образ жизни является предметом множества конкретно научных и междисциплинарных исследований, то в качестве основания для его социально-философского анализа в работе приводятся положения в области философских и социологических наук.

Результаты

Здоровый образ жизни как общественный опыт и общественная деятельность в

современном мире возможен в условиях создания больше индивидуального опыта, а именно трудовой деятельности людей. Здоровый образ жизни – это выбор каждого человека в социуме, он раскрывается только тогда, когда несет конкретную характеристику человеку.

Многие факторы влияют на ведение жизни, например, объективные природные и социальные условия. В связи с тем, что население формируется путем создания каких-либо социальных групп, то и образ жизни мы также относим к трудовой совместной деятельности социума, и поэтому признак индивидуальности в современном мире постепенно теряет свое значение и переходит в общественный.

Во-первых, обратим внимание на условия, которые влияют на наше здоровье в целом. Здоровая окружающая среда – важный фактор определения качества и уровня здоровья человека, например, природа, система социума, экономические отношения, политическая система, образование и другие составляющие государства. Здоровье как средство благополучия с каждым годом приобретает стимулирующий фактор развития и познания, что позволяет направить мышление человечества на мотивацию к физической активности, стремление к сохранению, укреплению, а также достижение такого уровня здоровья, в котором человек максимально будет чувствовать себя благополучно и комфортно [9].

В связи с этим понимание здоровья мы можем отнести не только к системам развития, познания, обучения и воспитания, но и к системе живой деятельности в целом. Защита здоровья человека возможна с помощью внешних сил окружающей среды и общества, то есть с помощью «сильных» внешних сил [10]. Если говорить только о внешних условиях, которые не позволяют вести здоровый образ жизни, необходимо помнить о немаловажных субъективных условиях, которые направлены на реализацию действий по достижению цели – ведения образа жизни, приближенного к пониманию здорового.

Во многих источниках говорится о влиянии экзогенных условий, но если мы говорим о сознательном выборе человека, а, как правило, человек является сознательным, то даже факторы, которые негативно отражаются на решении человека в пользу здорового образа жизни, являются неоправданными и становятся чаще всего причиной того, чтобы не менять свою зону личностного комфорта, которая не включает здоровое понимание ведения жизнедеятельности.

Стратегия так же, как и цель, задачи жизни человека, определяется собственными установками, поэтому выбор к такой жизни трактуется только как возможность, которая дана человеку. Каждый обязан знать, к чему может привести нарушение потенциального здоровья, поэтому выбор, который будет предоставлен человеку, больше относится не к материальным ценностям, а к духовным, так как стремление к благополучному личностному развитию и есть доказательство уважительного отношения к самому себе.

Создание и формирование такого образа жизни – больше вопрос духовности о понимании единства души и тела, ценности здоровья и доброте к телесному здоровью [11]. Все начинается с того, что мы создаем мышление и представление о значении здоровья как о воспитании культуры духовных ценностей. Анализ дефиниций понятия «здоровья» показал, что наиболее удачным определением социально-философского направления является понимание здоровья как системы определений, которые рассматривают здоровье как сложную систему взаимодействия – гармонию, синергию внешнего и внутреннего познания человека и его окружения в целом [12].

В соответствии с вышесказанным отметим, что образ жизни рассматривается как синтетическая социально-философская категория, объединяющая представления обо всех видах человеческой деятельности и определяемая конкретными личностными и социальными особенностями человека, его жизнью, трудом, отдыхом, способами удовлетворения его потребностей, правилами

материального и духовного, личного и общественного порядка.

В. В. Свирид, О. А. Катников, Т. В. Кудумаева утверждают, что образ жизни определяется сохранением, укреплением здоровья: по оценкам специалистов, здоровье людей на 50–55 % зависит от образа жизни, на 20 % – от окружающей среды, на 18–20 % – от генетических предрасположенностей, на 8–10 % – от здравоохранения страны [13].

Реализация здорового образа жизни предполагает удовлетворение материальных и духовных потребностей только такими способами, которые не наносят вреда здоровью: преобразование нравственности в соответствии со здоровыми и нездоровыми представлениями; участие в общественной деятельности, направленной на социальное здоровье и общее благосостояние человека [14]. В пример приведем познавательную, обучающую, воспитательную и развивающую деятельность, которая направлена на физическое и духовное развитие человека.

Так, образ жизни складывается из труда, быта, общественной, политической, культурной деятельности и повседневности человека. Вместе они создают экзогенную социальную основу для индивидуального образа жизни. Экзогенные условия определяются различными социальными категориями: экономическими, характеризующимися уровнем жизни; социальными, основанными на качестве жизни; историческими, определяемыми историей жизни; личными, в основе которых лежит стиль жизни.

Под здоровым образом жизни в социально-экономическом плане понимается тот факт, что его реализация зависит от некоторых материально-социальных основ. Однако наличие последнего не является ни необходимым, ни достаточным для поддержания здорового образа жизни. Например, есть много примеров здорового образа жизни на очень низком уровне ценностей, например, это заметно в буддийском монашестве. Это означает, что здоровый образ жизни как социальное явление не может быть определен

только материальными базовыми и количественными показателями.

Понятие «качество жизни» выглядит иначе, чем «уровень жизни», и определяет не только материальное жизнеобеспечение человека, но и степень его удовлетворенности жизненными условиями. Высокое качество жизни человека определяет продолжительность жизни, доступность здравоохранения, уровень медицины, отсутствие системных рисков и опасностей для жизни и здоровья в социальной среде, адекватное потребление товаров и услуг, нормальные социальные отношения, отсутствие социальных конфликтов, способных нанести вред благосостоянию, например, личному благополучию, благоприятным условиям труда, возможности воспитания, личностному росту, творческому развитию, достижению образовательного и культурного уровня, участию человека в решении социальных проблем и во всех видах общественной и культурной жизни.

Очевидно, что в качество жизни входит не только материальная составляющая, но и психологическая, поскольку она зависит от характера социального общения, социального статуса человека, свободы выбора деятельности, культурного наследия, уровня профессионального самоопределения, индивидуальных особенностей личности. Отметим, что в современном постиндустриальном обществе этот компонент начинает преобладать. В настоящее время улучшение качества жизни считается важным критерием социально-экономического прогресса, а понятие «качество жизни» приближается к пониманию полного социального, физического, интеллектуального и духовного благополучия здорового человека.

Хотя качество жизни во многом зависит от здорового образа жизни, оно также не определяет его жизнеспособность [15]. Высокое качество жизни – важнейшее условие здорового образа жизни, но не всегда достаточное. Действительно, качество жизни этих компонентов недостаточно для поддержания как общего состояния здоровья, так и здорового образа жизни в целом. Человек может

быть собственником, иметь социальный статус, быть интеллектуально развитым и культурно удовлетворенным своей жизнью и не соблюдать здоровый образ жизни, и наоборот – быть здоровым физически крепким, но не иметь духовных и культурных ценностей, которые говорят о личности человека.

Несомненно, здоровье определяет качество и возможности личной жизни каждого. Однако здоровье человека – это не только главное личное богатство, но и главное социальное богатство, которое немислимо без устойчивого развития любого государства. Об этом говорит пословица «Здоровье народа – богатство страны».

Заключение

На сегодняшний день человеческое здоровье является предметом исследований многих наук, таких как медицина, социология, психология, философия и другие. Основная ценность человека – не только в наличии здоровья, но и в постоянном и непрерывном совершенствовании его как социального капитала, который влияет на

развитие наций и государства. Приобщение граждан к ведению здорового образа жизни является одним из приоритетных направлений общественного развития и на данный момент становится важной государственной стратегией.

Невозможно создать развивающуюся систему экономических, социальных, культурных, духовных отношений без человека, который может адаптироваться, то есть приспособиться как к постоянным, так и к быстрым изменениям в социуме, к социальной активности с помощью творческого мышления и представлений. Развитие человеческого потенциала страны невозможно без здорового населения, так как в Российской Федерации это стало средством достижения поставленных целей.

В этих условиях наиболее важными элементами являются практика и стратегия здорового образа жизни, соблюдение которых поможет достижению успехов в непрерывной адаптации к постоянно меняющимся реалиям современного мира.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Анцыферова Л. И. Психология повседневности: жизненный мир личности и «техники» ее бытия // Психологический журнал. 1993. № 2. С. 3–16.
2. Афанасьева В. В., Бриленок, Н. Б., Колисник, И. И. Здоровый образ жизни: социальные стратегии // Философия здоровья. Саратов : Изд-во СГУ. 2012. С. 162–174.
3. Афанасьева В. В. Болезнь как феномен // Философия здоровья. Саратов : Изд-во СГУ, 2012. С. 42–46.
4. Бриленок Н. Б. Здоровый образ жизни: социально-философский анализ : дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 2018. 145 с.
5. Асмус В. Ф. Античная философия. М. : Высшая школа, 1976. 544 с.
6. Бриленок Н. Б. Здоровьесберегающая среда как условие формирования культуры здорового образа жизни студентов в системе вузовского обучения // Актуальные вопросы физического воспитания молодежи и студенческого спорта : сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции. Саратов : Издательство «Саратовский источник», 2021. С. 171–175.
7. Афанасьева В. В., Листвина, Е. В. Здоровье и риски // Философия здоровья. Саратов : Изд-во СГУ, 2012. С. 82–89.
8. Бабин А. В. Значение физической подготовки в формировании здорового образа жизни обучающихся образовательных организаций МВД России // Физическая подготовка сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации : сборник научных статей Всероссийского конкурса. Выпуск 5. Волгоград : Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. С. 23–27.
9. Бабин А. В., Ячменев С. П. Влияние физической подготовки образовательных организаций МВД России на мотивацию физической активности у обучающихся // Актуальные вопросы совершенствования тактико-специальной, огневой и профессионально-прикладной физической подготовки в со-

временном контексте практического обучения сотрудников органов внутренних дел : материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. С. 16–19.

10. Байер К., Шейнберг Л. Здоровый образ жизни (пер. с англ.). М. : Мир, 1997. 368 с.

11. Афанасьева В. В., Воробьев Р. В. Онтология здоровья. Саратов : Издательский центр «Научная книга», 2013. 136 с.

12. Афанасьева В. В., Воробьев Р. В. Здоровье как синергетический феномен // Философия здоровья. Саратов : Изд-во СГУ, 2012. С. 73–81.

13. Свирид В. В., Катников О. А., Кулумаева Т. В. Сущность понятий «Здоровье», «Образ жизни», «ЗОЖ» // Мир современной науки. 2014. № 4 (26).

14. Бриленок Н. Б. Роль мотивации в формировании ценностных ориентиров на здоровый образ жизни у младших школьников // Современные проблемы физической культуры, спорта : сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 145-летию со дня рождения уроженца г. Ельца, первого российского олимпийского медалиста А. П. Петрова. Елец : Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина, 2021. С. 10–13.

15. Носов А. Г., Бриленок Н. Б. К вопросу о здоровье обучающейся молодежи: социально-педагогический аспект // Современные проблемы науки и образования. 2019. № 6. С. 97.

REFERENCES

1. Antsyferova L. I. Psychology of Everyday Life: the Lifeworld of the Individual and the “Techniques” of Its Existence // Psychological Journal. 1993. No. 2. P. 3–16. (In Russ.)

2. Afanasyeva V. V., Brilenok N. B., Kolisnik I. I. Healthy Lifestyle: Social Strategies // Philosophy of Health. Saratov: Saratov State University Publishing House. 2012. P. 162–174. (In Russ.)

3. Afanasyeva V. V. Disease as a Phenomenon // Philosophy of Health. Saratov: Saratov State University Publishing House, 2012. P. 42–46. (In Russ.)

4. Brilenok N. B. Healthy Lifestyle: Social and Philosophical Analysis : dis. ... Cand. of Philosophy. Saratov, 2018. 145 p. (In Russ.)

5. Asmus V. F. Ancient Philosophy. Moscow : Higher School, 1976. 544 p. (In Russ.)

6. Brilenok N. B. Health-preserving environment as a condition for the formation of a healthy lifestyle culture of students in the system of university education // Current issues of physical education of youth and student sports: collected papers of the All-Russian scientific and practical conference. Saratov: Saratov Source Publishing House, 2021. P. 171–175. (In Russ.)

7. Afanasyeva V. V., Listvina, E. V. Health and risks // Philosophy of health. Saratov: Saratov State University Publishing House, 2012. P. 82–89. (In Russ.)

8. Babin A. V. The Importance of Physical Training in Forming a Healthy Lifestyle of Students of Educational Institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Physical Fitness of Employees of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation : collection of Scientific Articles of the All-Russian Competition. Issue 5. Volgograd : Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2023. P. 23–27. (In Russ.)

9. Babin A. V., Yachmenev S. P. The Impact of Physical Training of Educational Institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia on the Motivation of Physical Activity in Students // Current Issues of Improving Tactical-Special, Firearms, and Professional-Applied Physical Fitness in the Modern Context of Practical Training of Employees of the Internal Affairs Bodies : Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. St. Petersburg : St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023. P. 16–19. (In Russ.)

10. Bayer K., Sheinberg L. Healthy Lifestyle (translated from English). M.: Mir, 1997. 368 p. (In Russ.)

11. Afanasyeva V. V., Vorobyov R. V. Ontology of health. Saratov: Publishing center «Scientific book», 2013. 136 p. (In Russ.)

12. Afanasyeva V. V., Vorobyov R. V. Health as a synergetic phenomenon // Philosophy of health. Saratov : Publishing house of Saratov State University, 2012. P. 73–81. (In Russ.)

13. Svirid V. V., Katnikov O. A., Kulumaeva T. V. The essence of the concepts of “Health”, “Lifestyle”, “Healthy Lifestyle” // The world of modern science. 2014. No. 4 (26). (In Russ.)

14. Brilenok N. B. The role of motivation in the formation of value guidelines for a healthy lifestyle in primary school students // Modern problems of physical education and sports : collection of scientific papers of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to the 145th anniversary of the birth of a native of Yelets, the first Russian Olympic medalist A. P. Petrov. Yelets : Yelets State University named after I. A. Bunin, 2021. P. 10–13. (In Russ.)

15. Nosov A. G., Brilenok N. B. On the issue of health of studying youth: social and pedagogical aspect // Modern problems of science and education. 2019. No. 6. P. 97. (In Russ.)

Информация об авторе:

Лукьянов Б. Г. – кандидат технических наук, доцент.

Information about the author:

Lukyanov B. G. – Candidate of Technique, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 29.07.2024; одобрена после рецензирования 06.08.2024; принята к публикации 27.09.2024.

The article was submitted 29.07.2024; approved after reviewing 06.08.2024; accepted for publication 27.09.2024.

ПАМЯТКА АВТОРАМ ПУБЛИКАЦИЙ В ЖУРНАЛЕ «ОБЩЕСТВО, ПРАВО, ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ: РЕТРОСПЕКТИВА И ПЕРСПЕКТИВА»

К опубликованию принимаются рукописи научных статей, соответствующие тематике журнала, по своему содержанию отражающие результаты фундаментальных и прикладных научных исследований, посвященных актуальным проблемам развития юридических, экономических, социологических и философских наук, которые ранее не направлялись в другие издания и не публиковались по следующим научным специальностям и соответствующим отраслям науки:

- 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки).
- 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки).
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).
- 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки).
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки).
- 5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки).

Статья оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.7-2021 «Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление».

Требования к оформлению печатного текста

Тип статьи указывается отдельной строкой слева в ее начале.

Индекс Универсальной десятичной классификации (УДК) располагается следом на отдельной строке слева.

Название статьи приводится на русском и английском языках.

Сведения об авторе приводятся на русском и английском языках (имя, отчество, фамилия, наименование и адрес организации (учреждения), подразделения, где работает или учится автор (указать полностью, в том числе город и страну), адрес электронной почты (данные сведения будут опубликованы), открытый идентификатор исследователя и участника «ORCID» (при наличии), контактные телефоны). Если авторов более одного, один из них указывается как ответственный за переписку. Дополнительные сведения (ученая степень, ученое звание, должность) под заголовком «Информация об авторе» приводятся в конце статьи.

Аннотация (100–150 слов) и ключевые слова (6–10 слов или словосочетаний) приводятся на русском и английском языках.

Ссылка для цитирования на русском и английском языках включает фамилию, инициалы автора, название статьи, название журнала, планируемый год и номер выпуска.

Структура статьи должна состоять из разделов, которые обозначаются в тексте статьи соответствующими словами:

- Введение;
- Методы;
- Результаты;
- Обсуждение (при наличии);
- Заключение.

Пристатейный затекстовый библиографический список ссылок, содержащий не менее 15 научных источников и оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления», размещается в конце текста. В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница. Нумерация источников приводится в порядке их цитирования. Дополнительно приводится перечень затекстовых библиографических ссылок на латинице (“References”). На все источники в библиографическом списке должны быть ссылки в тексте статьи. Нумерация записей в дополнительном перечне затекстовых библиографических ссылок должна совпадать с нумерацией записей в основном перечне затекстовых библиографических ссылок.

Не допускается включение в библиографический список анонимных источников и нормативных документов (постановлений, законов, инструкций и т. д.) в связи с тем, что они не могут быть про-

индексированы в базах данных цитирования. Не допускается использование в библиографическом списке труднодоступных, неопубликованных, малотиражных, а также локальных, популярных и образовательных источников: газет, неопубликованных отчетов, учебных пособий и учебников, справочников и словарей. Ссылки на вышеуказанные источники оформляются как постраничные сноски с соблюдением соответствующих правил оформления.

Материал статьи представляется в электронном варианте в текстовом редакторе Microsoft Word с использованием шрифта Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – одинарный. Страницы рукописи должны иметь поля по 2,5 см каждое. Допускается деление основного текста статьи на тематические рубрики и подрубрики. Графики, рисунки, фотографии, другие нетекстовые элементы предоставляются отдельными файлами в формате TIFF, JPEG, разрешение – не менее 300 dpi. Надписи и подписи к иллюстративному материалу приводятся на языке текста статьи и повторяются на английском языке. Объем текста должен быть не менее 7 страниц.

Оригинальность текста должна составлять не менее 60 %.

На последнем листе автор (авторы) указывает: «Материал вычитан, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником; не содержит сведения, составляющие государственную и иную охраняемую законом тайну, информацию, предназначенную для служебного пользования; ранее не публиковался и в настоящее время не находится на рассмотрении на предмет публикации в других изданиях», подписывает, расшифровывает подпись, ставит дату. Соискатели ученой степени кандидата наук также указывают: «Текст согласован с научным руководителем». Далее – дата, фамилия и инициалы, должность, ученая степень, ученое звание, подпись научного руководителя.

Ответственность за точность цитат, фамилий и имен, цифровых данных, дат, нормативных правовых актов несет автор. Автор перед отправкой рукописи в редакцию журнала должен проверить общую орфографию, а также правильность написания соответствующих юридических терминов.

В случае несоблюдения настоящих требований по оформлению рукописи статьи редакция журнала оставляет за собой право не рассматривать ее.

К рассмотрению не принимаются рукописи, опубликованные в других изданиях. Если рукопись статьи одновременно направляется или была направлена в другое издание, либо была уже опубликована ранее, автор обязан сообщить об этом в редакцию.

Соискатели, адъюнкты, аспиранты предоставляют отзыв научного руководителя, заверенный печатью организации.

Предоставляя статью для публикации, автор выражает согласие на ее сокращение и редактирование, размещение в справочно-правовых системах, базах данных, на электронных ресурсах (в том числе в сети Интернет).

Рецензирование статей является закрытым (односторонним / двусторонним слепым).

Датой поступления статьи в редакцию считается день предоставления полного комплекта материалов. Если статья возвращается автору на доработку, то датой ее поступления считается день получения окончательного варианта текста статьи.

К направляемым в редакцию научным статьям обязательно прилагается заполненная и подписанная заявка на опубликование научной статьи.

Предоставление материала в редакцию

Материалы предоставляются в редакцию через официальный сайт журнала «Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива». Для подачи материала автору необходимо пройти регистрацию.

После регистрации в личном кабинете нажать на кнопку «Отправить рукопись». Выбрать «Создать» → «Журнальная статья».

Ввести название статьи. Откроется окно создания статьи. Заполнить информацию в разделах «Метаданные» и «Авторы». Загрузить в разделе «Файлы» (нажать на кнопку «Загрузить»):

- статью в формате .docx;
- статью с подписями авторов на последнем листе в формате .pdf ;
- иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и др.) в формате .jpg (при наличии);
- отзыв научного руководителя в формате .pdf (при наличии);
- заявку на опубликование научной статьи в формате .pdf.

Разделы «Текст», «Список литературы» и «Тематики» заполнять не нужно.

Нажать на кнопку «Отправить рукопись». Выбрать «Заявка на публикацию». В списке изданий выбрать «Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива», в списке рубрик выбрать актуальную рубрику из предложенного списка и нажать «Отправить заявку».

При поступлении статьи в редакцию она проходит первичную проверку на соответствие формальным требованиям.

При необходимости доработки статьи все изменения вносятся в текстовый документ. Первоначальный вариант статьи удаляется, а исправленный – загружается в раздел «Файлы» на странице заявки.

<p>Заявка на опубликование научной статьи электронном в научном журнале «Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива»</p> <p>Прошу Вас рассмотреть вопрос об опубликовании подготовленной мной статьи _____ _____ (название статьи) в рубрике _____</p> <p>Передаю на неограниченный срок учредителю журнала неисключительные права на использование научной статьи путем ее воспроизведения и размещения на официальном сайте института в сети Интернет, электронных научных библиотеках.</p> <p>Подтверждаю, что в направляемой научной статье не нарушаются авторские и смежные права, направляемый материал ранее опубликован не был, не направлялся и не будет направляться для опубликования в другие научные издания без уведомления об этом редакции журнала. При подготовке материалов к публикации не использовались литературные источники и документы, имеющие гриф ДСП, «секретно», а также служебные материалы других организаций.</p> <p>Согласен на обработку своих персональных данных в соответствии со ст. 6 Федерального закона «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ.</p> <p>Ознакомлен и согласен с требованиями и условиями публикации в журнале, утвержденными редакцией.</p> <p style="text-align: center;">О себе сообщаю следующую информацию:</p> <p>ФИО (полностью): _____ Должность: _____ Место работы: _____ Ученая степень: _____ Ученое звание: _____ Адрес: _____ Телефон для связи: _____ E-mail: _____</p> <p>Электронный вариант статьи на _____ страницах прилагается. Дата, подпись, расшифровка подписи.</p>
--

**РЕДКОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «ОБЩЕСТВО, ПРАВО, ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ:
РЕТРОСПЕКТИВА И ПЕРСПЕКТИВА»**